

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Л. В. МЕЛЬНИКОВА

**РУССКАЯ
ПРАВОСЛАВНАЯ
ЦЕРКОВЬ**

**В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ
1812 ГОДА**

**Издание Сретенского монастыря
2002**

По благословению
Святейшего Патриарха
Московского и всея Руси
АЛЕКСИЯ

ВВЕДЕНИЕ

Война 1812 года получила у современников почетное название Отечественной, так как в защите Отечества приняли участие все сословия русского общества. Русская Православная Церковь, являвшаяся духовно-нравственной основой империи, выполняла в этой войне направляющую роль. В своих проповедях священнослужители объясняли народу характер войны и призывали к мобилизации моральных и физических сил для борьбы с врагом. Военное духовенство укрепляло моральный дух регулярной армии, а приходское принимало активное участие в организации движения сопротивления на оккупированной территории.

Церковь всегда понимала особенности войны 1812 года, осознавая ее прежде всего как войну православную. Ярким свидетельством такого понимания этой войны стали сооружение храма Христа Спасителя, Спасо-Бородинского монастыря, создание «Рассуждения о нравственных причинах невероятных успехов наших в настоящей войне» архимандрита Филарета (Дроздова) и других памятников православной культуры. Однако в исторической литературе роль Русской Православной Церкви в войне 1812 года до сих пор не получила достаточного освещения. До 1917 года сама сращенность государственного и церковного аппарата не позволяла увидеть в теме «Церковь и война» отдельного исторического содержания. В этот период участие духовенства в Отечест-

венной войне было рассмотрено лишь в общих трудах по истории войны¹ и нескольких изданиях, приуроченных к ее 100-летнему юбилею². В советское время, по понятным причинам, тема вообще была закрыта.

Сегодня, когда происходит духовное возрождение народа и восстановление церковной жизни в России, очень важно и полезно глубоко осмыслить свое прошлое, обратившись прежде всего к изучению духовного наследия Православия, являвшегося на протяжении нескольких столетий важнейшим фактором, определявшим мировоззрение, государственный и духовный потенциал русского народа. Предлагаемая вашему вниманию книга посвящена одной из самых ярких страниц в истории России. В ней рассмотрена роль Русской Православной Церкви в Отечественной войне 1812 года. Показана антинаполеоновская проповедь, деятельность Церкви в армии и народе, забота духовенства о сохранении культурного достояния страны. Отдельная глава посвящена положению, которое занимала Русская Православная Церковь в Российской империи начала XIX века.

Книга основана на архивном материале (использованы документы Российского государственного исторического архива (РГИА), Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Центрального исторического архива Москвы (ЦИАМ). Широко привлекались также опубликованные источники и периодическая печать.

Работа выполнена в Центре истории религии и Церкви Института российской истории РАН. Автор выражает глубокую благодарность за оказанную помощь и поддержку научным сотрудникам Института: д.и.н. О. Ю. Васильевой, д.и.н. П. Н. Зырянову, к.в.н. А. Г. Кавтарадзе, к.ф.н. Н. Н. Лисовому.

Автор благодарит также сотрудников музея-панорамы «Бородинская битва» — И. А. Николаеву, С. В. Львова и Н. Ю. Шведову — за предоставленный иллюстративный материал.

Глава первая

Русская Православная Церковь накануне Отечественной войны 1812 года

Церковь и духовенство в начале XIX века (численность, управление, взаимоотношения с государством)

В начале XIX века Русская Православная Церковь занимала в Российской империи важное место. Накануне Отечественной войны в стране действовало 26747 православных церквей (без монастырских и домовых)³ и 452 монастыря (с приписными) — 358 мужских и 94 женских⁴. Численность православного духовенства, священнодействовавшего в 1812 году (т. е. включая низший клир и простых монахов), составляла 34691 человек⁵.

Будучи тесно связанной с государственной властью, Церковь играла огромную роль в различных областях жизни общества (экономической, политической, идеологической, культурной).

Положение Православной Церкви в рассматриваемый период определялось в основном законодательными актами, принятыми еще в эпоху петровских преобразований. «Духовный регламент» Петра Великого (1721) юридически оформил давний союз между Церковью и самодержавием, внося в него определенные и весьма существенные коррективы, которые заключались в изменении высшего звена церковного управления (упразднении патриаршества и учреждении Святейшего Синода)

и фактическом подчинении Церкви государственному аппарату. Если до реформы Петра I церковная историография говорит в основном о так называемой диархии (двоевластии) царя и Патриарха⁶, о наличии симфонии церковной и государственной властей, теория которой изложена в 6-й Новелле императора Юстиниана, вошедшей в состав Славянской Кормчей книги, то после выхода в свет «Духовного регламента» речь идет уже о *государственной церковности*⁷ и Церковь прямо называется «частью Российского государства»⁸. Однако, несмотря на эти перемены, Православие по-прежнему оставалось идеологической основой самодержавия и одним из важнейших факторов, влиявших на мировоззрение русского народа.

В «Духовном регламенте» содержалось религиозное обоснование самодержавной власти: «Монархов власть есть Самодержавная, которым повиноватися Сам Бог за совесть повелевает»⁹. И хотя император именовался здесь только *Христианским Государем*, последующее законодательство прямо указывало на его обязательную принадлежность к православной вере. Так, в духовном завещании императрицы Екатерины I (1727) говорилось: «Никто никогда Российским престолом владеть не может, которой не греческого закона»¹⁰. Это положение подтвердил Акт о наследии престола императора Павла I от 5 апреля 1797 г., согласно которому престолонаследник терял право на Российский трон, если отказывался принять православное вероисповедание.

Вступая на престол, император проходил обряд коронации и миропомазания по чину Православной Греко-Российской Церкви. Участие Церкви в этой церемонии освящало императорскую власть. При этом император

в храме публично произносил Символ православной веры, принимал миропомазание и святое причащение — все это должно было свидетельствовать о его принадлежности к Православной Церкви. В особой молитве, которую император произносил во всеуслышание, свидетельствовалось, что его обязанности носят религиозно-мистический характер: «Ты избрал мя еси царя и судию людем Твоим... Ты же, Владыко и Господи мой, настави мя в деле, на неже послал мя еси, вразуми и управи мя в великом служении сем. Да будет со мною приседающая престолу Твоему Премудрость...»¹¹ Историк государственного права А.В. Романович-Славатинский замечает по поводу чина коронации: «Основания обряда священного коронования и миропомазания, как толкует наша Православная Церковь, заключаются в следующем: 1) чтоб пред лицом всего народа показать, что государь — помазанник Божий; 2) что власть его — Божественного происхождения, а самая особа его — священна и неприкосновенна... Император произносит вслух Символ православной веры, знаменуя всенародно, что исповедует он веру большинства своего русского народа... Коронование, таким образом, представляет собою обряд, в котором религиозные элементы смешиваются с политическими»¹². Связь императора с народом основывалась, таким образом, прежде всего на общей вере. В народном сознании царь был помазанником Божиим и сами понятия веры, царя и Отечества были тесно связаны между собой (вера православная, царь православный и земля тоже православная).

Первенствующее положение Православия в Российской империи закреплялось в законодательстве, где оно называлось религией, «господствующей в государстве»¹³.

Закон разрешал исповедовать все существующие религии, говорилось даже о «свободе веры»¹⁴, однако иноверцам строго запрещалось вести миссионерскую деятельность среди православных, переход же из нехристианских и «инославных» (христианских неправославных) исповеданий в Православие, напротив, всячески приветствовался¹⁵.

Высшим органом церковного управления с петровских времен был Святейший Правительствующий Синод, который представлял собой коллегия из нескольких членов. (Численность членов Святейшего Синода несколько раз менялась. В начале XIX века, согласно действующему штатному расписанию Екатерины II (1763), Синод состоял из 6 членов). Члены Святейшего Синода назначались императором по представлению обер-прокурора, являвшегося посредником между монархом и Синодом. Заседания проходили три раза в неделю (в понедельник, среду и пятницу) под председательством «первенствующего члена Синода», которым на протяжении практически всего синодального периода был Санкт-Петербургский митрополит (в рассматриваемое время — Амвросий (Подобедов)). Решения принимались коллегиально, каждый член Синода имел равное право голоса. В случае равенства голосов по какому-либо вопросу голос «первенствующего члена Синода» был решающим. На заседаниях присутствовал обер-прокурор. Помимо Присутствия (которое составляли члены Духовной Коллегии) Синод имел канцелярию и Хозяйственное управление.

Полномочия Святейшего Синода были определены в Манифесте от 25 января 1721 года и «Духовном регламенте». Синод был назван здесь «Духовным Соборным

Правительством», которое «имеет всякие Духовные дела во Всероссийской Церкви управлять». Тем самым декларировалась его верховная власть над Церковью. О законодательных полномочиях Синода в манифесте говорилось следующее: «Должна же есть Коллегия сия и новыми впредь правилами дополнять Регламент свой, яковых правил востребуют разные разных дел случаи. Однако ж делать сие должна Коллегия Духовная не без Нашего соизволения»¹⁶. Постановления Синода приобретали силу закона только после утверждения их императором (они издавались в форме указов Его Императорского Величества из Святейшего Правительствующего Синода). На этом основании И.К. Смолич утверждает, что «Святейший Синод не имел законодательной автономии». Его постановления, утвержденные императором, «превращались в именные повеления, принятые при участии Святейшего Синода»¹⁷.

В начале XIX века Святейший Синод рассматривал практически все дела по управлению Церковью, требовавшие внимания высшей администрации. Его ведению подлежали следующие области: вера и нравственность, борьба с расколом, еретическими учениями и сектантством, надзор за богослужебной практикой и составление новых служб, почитание мощей, канонизация, издание богослужебных книг и цензура богословской литературы. Прерогативой Синода было назначение и смещение настоятелей и настоятельниц монастырей, а также назначение и увольнение членов и секретарей духовных консисторий и заведующих духовными учебными заведениями, лишение сана священников и монахов, возведение в архимандриты, игумены и протоиереи, награждение духо-

венства скуфьей, камилавкой, наперсным крестом, набедренником и митрой. Святейший Синод давал санкцию на строительство церквей и их починку, а также на основание монастырей; он следил за управлением епархий, собирая отчеты с епископов. Определенные административные акты требовали утверждения императора. К такому относились прежде всего учреждение новых епархий, а также назначения и смещения епархиальных архиереев.

Согласно «Духовному регламенту», Святейший Синод был высшей духовной судебной инстанцией. Здесь решались дела, связанные с заключением и расторжением брака, невыполнением христианских обязанностей и отпадением от православной веры. Юрисдикция Синода распространялась и на мирян, если они привлекались к суду по духовным делам. Самыми суровыми наказаниями были отлучение от Церкви и предание анафеме. За менее серьезные проступки полагались церковные епитимии. Суду Синода подлежали почти все проступки духовенства, за исключением тяжких государственных преступлений, разбоев и убийств.

В «Духовном регламенте» император был назван «блюстителем правоверия и всякого в Церкви святой благочиния». В акте о наследии престола он именуется «главою Церкви». Эти два законодательных акта позже будут положены в основу статьи 42 Свода законов Российской империи, которая на протяжении многих лет будет служить основой для критики взаимоотношений Русской Православной Церкви с императорской властью. Однако, по мнению церковного историка И.К. Смолича, поскольку формула Павла I «император — глава Церкви» не

включена здесь в сам текст закона, а приводится только в качестве примечания в виде толкования к статье, это не дает ей силу прямого закона и не позволяет определять положение императора как положение внутри Церкви и над Церковью¹⁸. Тем не менее, так или иначе, но процесс огосударствления Церкви в XIX веке был налицо. В начале века она все больше превращалась в часть государственного аппарата с соответствующей бюрократизацией управления. Это проявилось прежде всего в усилении власти синодального обер-прокурора — прямого представителя самодержавия в церковном управлении.

Обер-прокуратура была учреждена указом Петра I от 11 мая 1722 года, в котором говорилось: «В Синод выбрать из офицеров доброго человека, кто б имел смелость и мог управление синодского дела знать, и быть ему обер-прокурором, и дать ему инструкцию, применяясь к инструкции генерал-прокурора»¹⁹. Вскоре, 13 июня 1722 года, инструкция появилась. В ней, в частности, было сказано: «Обер-прокурор повинен сидеть в Синоде и смотреть накрепко, дабы Синод свою должность хранил и во всех делах, которые к синодскому рассмотрению и решению подлежат..., по Регламентам и Указам отправлял... Также должен накрепко смотреть, дабы Синод в своем звании праведно и нелицемерно поступал. А ежели что увидит противное сему, тогда в тот же час повинен предлагать Синоду явно, с полным изъяснением, в чем они или некоторые из них не так делают, как надлежит, дабы исправили. А ежели не послушают, то должен в тот час протестовать, и оное дело остановить, и немедленно донести Нам, если весьма нужно. А о прочих в бытность Нашу в Синоде, или помесечно, или понеделно, как

указ иметь будет»²⁰. Таким образом, формально обер-прокурору отводилась роль всего лишь наблюдателя и посредника. Однако названный в инструкции «оком» Государя и «стряпчим о делах государственных», он стал как бы заместителем императора при Святейшем Синоде. Будучи доверенным лицом монарха, не подвластным ничьему суду, кроме царского, он фактически был поставлен выше Синода. Кроме того, ему было передано управление канцелярией Синода со всеми ее служащими. Тем самым наблюдатель стал участником работы, да к тому же еще занимающим ключевую позицию в секретариате. Это полномочие создало предпосылку для будущего возвышения обер-прокурора и окончательного подчинения синодального управления его воле. Однако произошло это далеко не сразу.

В развитии института обер-прокуратуры выделяются два этапа. Первый — со времени основания до 1803 г., когда власть обер-прокурора не имела решающего значения в деятельности Святейшего Синода, который находился еще в непосредственных отношениях с императором. Второй — с 1817 г. до конца синодального периода: в это время непосредственные отношения между императором и Синодом почти полностью прекратились и обер-прокурор в качестве полномочного и всемогущего министра стал единоличным представителем Святейшего Синода перед правительством. 1803-1817 годы — это переходное время, когда под началом князя А.Н. Голицына создавались условия и предпосылки для наступления второго этапа²¹.

Возвышение обер-прокурора было прежде всего логическим следствием внутренней политики самодержавия.

В начале XIX века проходил интенсивный процесс бюрократизации государственного аппарата. Создание министерств при императоре Александре I привело к четкому разграничению полномочий отдельных административных ведомств. Складывался новый централизованный аппарат управления, включивший в себя и Церковь. Обер-прокурор Святейшего Синода постепенно превратился в полномочного министра по делам церковного управления.

Расширению власти обер-прокурора в начале XIX века способствовала также личная близость последнего к императору. Князь Александр Николаевич Голицын был другом детства императора Александра I и пользовался его полным доверием. Назначенный обер-прокурором, он перестроил работу высшего органа церковного управления так, как считал нужным. В это время практически все делопроизводство было сосредоточено в синодальной канцелярии. В 1807 г. князь А.Н. Голицын испросил Высочайшее повеление, чтобы епархиальные архиереи обо всех важных делах в епархиях немедленно сообщали обер-прокурору, независимо от донесения Святейшему Синоду. В 1808 г. он принял непосредственное участие в организации реформы духовных учебных заведений, в ходе которой духовное образование в России было приведено в систему. В 1809 г. была образована Комиссия духовных училищ, А.Н. Голицын вошел в нее на правах члена и подчинил себе ее канцелярию. Далее князь А.Н. Голицын взял в свои руки производство наград и чинов членам Святейшего Синода и духовенству. Доклады императору А.Н. Голицын делал самостоятельно (не всегда согласовывая их со Святейшим Синодом). Таким обра-

зом, по выражению П.В. Верховского, «обер-прокурор Святейшего Синода фактически занял положение министра. Оставалось сообщить этому положению юридический характер»²², что и произошло с учреждением Министерства духовных дел и народного просвещения (1817-1824 гг.), первым и последним министром которого стал А.Н. Голицын.

Основным звеном местного церковного управления являлись епархии. По своей территории они чаще всего совпадали с губерниями. В начале XIX века в России насчитывалось 36 епархий²³. Все епархии после реформы 1764 г. и введения штатов были поделены на три класса. В рассматриваемый период к 1-му классу относились Санкт-Петербургская, Московская, Новгородская и Киевская; ко 2-му классу — 12 епархий²⁴ и к 3-му — 20²⁵. От того, к какому из классов относилась епархия, зависели расходы на ее содержание по смете Святейшего Синода. Однако, несмотря на принятую классификацию, ассигнования существенно различались даже внутри одного класса. Так, Санкт-Петербургской епархии, как столичной, полагалось гораздо более средств, чем остальным. Только на содержание архиерейского дома она получала 19190 рублей серебром. Московской, Новгородской и Киевской епархиям на те же цели отводилось менее 8 тысяч рублей. На архиерейские кафедры епархий 2-го класса выделялось от 4-х до 6-ти тысяч рублей, 3-го класса — от 2-х до 5-ти тысяч рублей²⁶.

Во главе епархий стояли архиереи, назначавшиеся императором по представлению Синода. Каждый из них имел в личном распоряжении целый штат, установленный специальным указом Синода и предназначенный для

обеспечения нормальной жизни и деятельности владыки. (В совокупности все это называлось архиерейским домом.) В 1812 г. русская православная иерархия насчитывала 50 архиереев²⁷. Из них епархиями управляли 3 митрополита²⁸, 13 архиепископов и 19 епископов. В некоторых епархиях были учреждены должности викарных епископов — заместителей епархиальных архиереев. (Институт викариев появился в 1708 г., но развивался очень медленно и в рассматриваемый период еще не получил достаточно широкого распространения).

Архиерейская власть была довольно велика. В своей епархии архиерей считался высшей инстанцией. Он надзирал за проповеднической и богослужебной деятельностью духовенства, руководил местными церковными учреждениями (кроме ставропигиальных монастырей, непосредственно подчиненных Святейшему Синоду), осуществлял контроль за духовными училищами и церковно-приходскими школами и возглавлял духовный суд. «Духовный регламент» предписывал архиереям ежегодно объезжать пределы своих епархий и представлять в Синод подробный отчет об их состоянии.

Свои административные и судебные функции архиерей осуществлял при помощи духовной консистории. (Термин консистория впервые встречается в определении Синода от 28 марта 1722 г., где говорилось о создании московской консистории. В 1744 г. специальный указ поименовал консисториями все управленческие учреждения при архиереях.) Консистория состояла из присутствия (члены которого назначались архиереем из лиц духовного сословия и утверждались Синодом) и канцелярии. В обязанность присутствия входило регулярное

рассмотрение и решение текущих дел по епархии, которое проходило коллегиально. Непременным участником заседаний был секретарь консистории (светский чиновник), который возглавлял канцелярию и нес ответственность за правильность делопроизводства, в том числе за соответствие принимаемых решений нормам церковного права. Последнее делало секретаря весьма влиятельной фигурой в епархиальном управлении. Секретарь назначался Святейшим Синодом по представлению обер-прокурора. Формально он подчинялся архиерею, но в то же время был обязан исполнять и указания обер-прокурора, который таким образом контролировал ключевой орган консистории. Решение вступало в силу только после его утверждения архиереем, причем последний мог вернуть дело на повторное рассмотрение и, если снова не соглашался с заключением, имел право вынести собственное решение, которое и считалось окончательным.

Каждая из епархий состояла из двух или более округов, во главе которых находились духовные правления. Округа делились на благочиния, объединявшие от 10 до 30 приходов. Из числа приходских священников архиерей назначал благочинного, через которого осуществлялся непосредственный надзор за деятельностью приходского духовенства и за церквями. Права и обязанности благочинного определялись особой инструкцией, согласно которой он должен был ежегодно объезжать свою территорию, проверяя на месте: правильность ведения документации (метрических и приходо-расходных церковных книг), отправление клиром своих обязанностей, отношение прихожан к причту, состояние храмовых построек и имущества. По итогам поездки

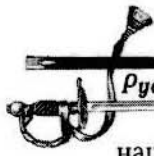
благочинный представлял епархиальному архиерею подробный отчет, в котором содержались даже именные списки с указанием поведения каждого из членов причта²⁹.

Нижнюю ступень в епархиальной структуре образовывали церковные приходы (общины верующих одного храма). На прихожанах лежала обязанность материального обеспечения церковного причта и поддержания благосостояния приходского храма³⁰. Участие их в решении приходских дел ограничивалось выборами церковного старосты, в обязанности которого входило следующее: продажа церковных свеч, сбор добровольных подаваний во время богослужения, покупка необходимых церкви вещей, ведение приходо-расходных книг и совместное со священниками хранение церковных денег.

Через приходские храмы осуществлялось непосредственное общение Русской Православной Церкви и государственной власти с народом. Здесь прочитывались Высочайшие манифесты и указы, предназначенные для обнародования, здесь велось религиозное воспитание народа на языке священных книг и описаний жития святых. Через молитвы и богослужения Церковь воодушевляла верующих любовью к царю и Отечеству до готовности полагать за них свою жизнь. Православная Церковь проповедовала относиться к царю с благоговением, как к Помазаннику Божию, свято исполняя его законы. И.С. Бердников, определяя церковно-государственные отношения в XIX веке, в частности, отмечает, что «Русское государство в лице своего правительства просит у Бога благословения и покровительства во всех важных случаях общественной жизни. Оно видит в христианской

религии залог нравственного, а вместе с ним и всякого другого преуспевания народа, и потому не заграждает ей путей влияния на общество. Оно чтит религиозные святыни и обеспечивает почтение к ним и в народе. Оно озабочено религиозным воспитанием народных масс и доставляет нужные к тому средства»³¹.

Идеологическая роль Церкви особенно ярко проявлялась в армии, ибо речь шла, по сути дела, о моральной санкции такой тонкой материи, как война. Понимание войны (как социального явления) с позиций Православия создавало идеологический фундамент военной политики России, обуславливало правомерность применения вооруженной силы. Так, Русская Православная Церковь полагает, что государственная власть — это организованная сила, необходимая в историческом процессе. Но власть невозможна без вооруженной защиты. Поэтому, с точки зрения христианской морали, добром признается не только государственная организация, но и военная сила, которая обеспечивает ее существование. Следовательно, добром может быть признана и война, в зависимости от вызывающих ее исторических причин и преследуемых ею государственных целей. Считая войну вообще бедствием и несомненным злом, Русская Православная Церковь войны в защиту Отечества полностью оправдывает, объявляя их священными, а погибающих в них воинов — совершающими подвиг жертвенной любви. (Интересно, что сами понятия Отечества и Отечественной войны в первоначальном сакральном смысле означали не что иное, как Святую Русь и православную войну.) П.П. Яковлев, изучая влияние веры на военное дело в русской армии, отметил, что «большая часть войн

наших велась за отстаивание Православия; или целости нашего государства, как православного; или в целях освобождения православных народов от гнета инославных исповеданий... Если же и были войны иного характера, то все-таки смягчающее влияние нашей Церкви сказывалось и в них»³². Еще в древности русские дружины шли в бой с благословения Церкви и с заступничеством чудотворных икон, а с появлением в России регулярной армии возник и официально оформился институт военного духовенства, необходимый для удовлетворения религиозных потребностей воинских чинов, а также используемый государством в качестве инструмента духовного и патриотического воспитания.

Институт военного духовенства накануне Отечественной войны 1812 года:

структура и роль этого ведомства

Первое назначение в полки особых священнослужителей можно отнести ко времени царствования Алексея Михайловича. Основанием служит военная книга, напечатанная на русском языке в московской типографии в 1647 году — «Учение и хитрость ратного строя пехотных людей». Это сочинение представляло собой перевод Устава Карла V с весьма незначительными переделками. В одной из глав определялось жалованье воинским чинам и наряду с ними — полковому попу, которому полагалось 30 флоринов в год (1 русский рубль = 3 флорина). Разрядные книги времени царя Федора Алексеевича также зафиксировали назначение священников в полки. Оно осуществлялось патриаршим приказом по предписанию царя³³.

Однако определяющим этапом в формировании собственно ведомства военного духовенства стало царствование Петра I. В это время увеличилась численность военных священников (в связи с увеличением армии и появлением флота), определились их обязанности, а также появились некоторые особенности в управлении данной группой духовенства.

Согласно Воинскому (1716) и Морскому (1720) уставам, при каждом полку и на каждом корабле должен

был состоять священнослужителем, главная обязанность которого заключалась в отправлении богослужений: на флоте — в воскресные и праздничные дни³⁴, в армии — три раза в день — «во вся утра и вечера и полдень»³⁵. (Воинский устав императора Павла I (1796), сохранив тоекратное отправление богослужения, внес некоторые уточнения: «Людей водить к обедне по крайней мере дважды в неделю, по воскресеньям и средам, а когда праздники случатся, то и чаще; к вечерне же и заутрене тех, которым служба помешает обедню в тот день слушать, располагая таким образом, чтоб каждый человек побывал на одной из трех служб в назначенный день»)³⁶. Помимо отправления богослужений, священники должны были исповедовать и причащать военнотружущих, проводить религиозные беседы, а также регулярно посещать и утешать больных («дабы кто не умер без причастия»).

Управление всеми священниками флота Морской устав (1720) поручал так называемому «начальному священнику», который находился на корабле аншеф-командующего. Он должен был посещать корабли, наблюдая за исполнением священнослужителями своих обязанностей. Являясь представителем духовно-административной власти во флоте, он пользовался правом подвергать нерадивых священников наказанию.

Что касается духовенства сухопутных войск, то первоначально в административном отношении оно не было отделено от епархиального. Согласно определению Святейшего Синода от 15 января 1733 г., в мирное время армейское духовенство подчинялось архиерею той епархии, где был расквартирован полк³⁷. Его материальное

обеспечение осуществлялось за счет особого сбора с приходов — так называемых подможных денег (по гривне с церкви)³⁸. В военное время, при постоянном передвижении войск, для надзора за полковыми священнослужителями назначался полевой обер-священник. Эта должность упоминается в Воинском уставе Петра I. Согласно уставу, полевой обер-священник полагался при фельдмаршале или генерале, командующем армией. Предоставленные ему права касались управления и суда над всеми полковыми священниками, которых он должен был «наставлять к доброму житию» и, в случае нарушения ими своих обязанностей, «казанье чинить»; он должен был также «подавать разъяснение в сумнительных делах», могущих встретиться в их практике и передавать приказы командующего войсками относительно времени отправления богослужения и благодарственных молебнов.

Право определения духовенства в армейские полки и на флот было предоставлено императором Святейшему Синоду, который, однако, не имея в своем непосредственном распоряжении священнослужителей, вскоре переадресовал подбор кандидатов епархиальным архиереям. К поступавшим в армейское ведомство предъявлялись высокие требования, так как военный пастырь своим «добрым христианским житием»³⁹ должен был подавать пример солдатам и матросам. Священников, малообразованных или бывших под судом, принимать в военное ведомство запрещалось⁴⁰. В сухопутные полки поступали, как правило, бывшие приходские священники, на флот — иеромонахи или, в крайнем случае, вдовы и бездетные белые священники (в связи с запретом держать женщин

Первый обер-священник
армии и флота протоиерей
Павел Яковлевич Озерецковский.
(1800—1807 гг.)
(Столетие военного министерства. т. XIII)
СПб., 1902.

на корабле; полковых пастырей в мирное время нередко сопровождали их жены и дети).

Следующим этапом в формировании института военного духовенства стало царствование Павла I. В это время произошли коренные преобразования в его управлении. Указом от 4 апреля 1800 года должность полевого обер-священника была сделана постоянной: ему было поручено «главное начальство» (в административном и судебном отношениях) над всеми полковыми священниками не только в военное, но и в мирное время⁴¹. Полевому обер-священнику было также предоставлено право определять, переводить и увольнять священников своего ведомства (без его ведения запрещалось производить какие-либо перемены «в части армейских священников»). Вскоре в его руках объединилось управление военным духовенством армии и флота. Святейший Синод предписал епархиальным архиереям, чтобы они, по заявлению полевого обер-священника, избирали достойных священников и иеромонахов и немедленно определяли их в армию и на флот, предоставляя полевому обер-священнику необходимую документацию (послужные списки священнослужителей, поступающих в военное ведомство). Первым обер-священником армии и флота в апреле 1800 года стал протоиерей Павел Яковлевич Озерецковский. (Назначение произошло по рекомендации первенствующего члена Святейшего Синода Санкт-Петербургского митрополита Амвросия (Подобедова), который был родным дядей П.Я. Озерецковского.) В мае 1800 г. император Павел I предписал всем воинским чинам «по делам, до Духовного начальства касающимся», относиться «прямо к обер-священнику, а не в консистории»⁴². Таким

образом, серия императорских указов (апреля — мая 1800 г.) окончательно обособила военное духовенство от епархиального. Управление духовенством военного ведомства было предоставлено, на правах епархиального архиерея, обер-священнику армии и флота, который для большего авторитета был назначен, в лице П.Я. Озерецковского, членом Святейшего Синода.

Положение П.Я. Озерецковского вскоре укрепилось. Он заслужил расположение Павла I и приобрел даже право личного доклада императору. В мае 1800 г. была учреждена канцелярия обер-священника армии и флота, штат которой составили секретарь и два регистратора.

Важной заслугой П.Я. Озерецковского стало создание специальной армейской семинарии для подготовки профессиональных военных пастырей. В докладе императору необходимость открытия семинарии П.Я. Озерецковский объяснял, в частности, желанием знать поведение каждого кандидата, просящегося в его ведомство⁴³. В июне 1800 г. проект создания армейской семинарии был утвержден Павлом I. В том же году семинария открылась в здании Тверского подворья на Васильевском острове⁴⁴. Ее штат состоял из ректора и одновременно учителя богословия и философии Александра Лобкина, префекта Василия Дмитриева и трех учителей. Семинария состояла из двух отделений — высшего и низшего, курс обучения в каждом из них продолжался по шесть лет. Каждое отделение в свою очередь подразделялось на три двухгодичных класса. В высшем отделении в I-м классе — риторическом (1-2 годы) — изучались словесные науки и всеобщая история, во II-м — философском

(2-4 годы) — философия, физика и математика, в III-м — богословском (5-6 годы) — богословие и церковная история. Изучение древних (латинского, греческого) и новых (немецкого, французского) языков, согласно уставу, продолжалось шесть лет, а еврейского — последние четыре года. (Это объяснялось тем, что еврейский язык необходим в основном тем семинаристам, которые продолжают обучение в духовной академии; современные иностранные языки должны знать все будущие военные священники, поскольку по долгу службы им придется бывать за границей.) Шестилетний (а для отлично успевающих — трехлетний) курс низшего отделения семинарии подразделялся также на три класса, называвшиеся синтаксическим, нижним грамматическим и информаторским или русским. По программе изучаемых в нем предметов он соответствовал полному курсу духовных училищ. В 1810 г., согласно новому Уставу, составленному Комиссией духовных училищ, армейская семинария была разделена на три отделения: высшее (или семинарию в собственном смысле), среднее (или уездное училище) и низшее (или приходское училище). Окончательное преобразование курса изучаемых наук армейской семинарии произошло в 1814 г., когда из него были исключены еврейский язык и математика.

Обучаться в армейской семинарии имели право дети военных пастырей, которые находились здесь на полном казенном содержании. По окончании семинарии они должны были поступать в ведомство военного духовенства (при наличии в нем священнических вакансий). Помимо отсутствия вакансий, от военной службы их освобождало также поступление в духовную академию. Число

учеников, время и способ их приема в семинарию были предоставлены распоряжению обер-священника⁴⁵.

П.Я. Озерецковский добился также для военного духовенства регулярного жалованья с начислением пенсии после 20 лет службы. (Жалованье военных пастырей было невысоким. Священники пехотных полков, по штату 1802 г., получали 140 руб. в год; священники конных полков, по штату 1803 г., — 90 руб.) Кроме того, в случае болезни или разорения имущества неприятелем, военные священники имели право на единовременное денежное пособие (от 100 до 500 рублей). Пособие получали также вдовы военных пастырей⁴⁶.

После гибели императора Павла I Святейший Синод попытался выступить против обособления и увековечения прав обер-священника по управлению армейским духовенством. 14 апреля 1801 г. Синод предписал Военной и Адмиралтейской коллегиям по вопросам о замещении полковых священнических вакансий обращаться непосредственно в Синод. В указе говорилось также, что власть обер-священника должна простираться только на тех духовных лиц, которые поступят в его ведомство по распоряжению Святейшего Синода⁴⁷.

Однако очень скоро сказались затруднения от централизации управления армейским духовенством в Синоде. Просьбы о замещении полковых священнических вакансий, поступая от военачальников в Военную коллегия, а затем в Синод, требовали значительной переписки и много времени. Поэтому именными Высочайшими указами, данными Святейшему Синоду (в 1803 и 1806 гг.), было расширено право законного участия обер-священника в деле определения священнослужите-

лей в полки, а также в назначении им пенсий и наград. Рассмотрев полученные от военного начальства сообщения, обер-священник представлял свои предложения и заключения в Святейший Синод. Доставка отчетных сведений по всем частям своего управления Святейшему Синоду, наравне с епархиальными архиереями, поставило ведомство обер-священника в одинаковое положение с епархиальными ведомствами и тем самым окончательно определило его место в составе синодального управления.

После смерти П.Я. Озерецковского (12 мая 1807 г.) обер-священником армии и флота был назначен протоиерей Иоанн Семенович Державин (1807-1826).

В 1812 г., соответственно разделению русских войск по армиям и наименованию последних, были учреждены должности полевых обер-священников 1-й и 2-й действующих армий. Полевой обер-священник назначался Святейшим Синодом, по представлению обер-священника армии и флота и по согласованию с главнокомандующим армии, и осуществлял руководство над духовенством не только армии, но и госпиталей, находящихся в губерниях и областях, объявленных на военном положении. Во время войны в ведение полевого обер-священника временно поступали также священнослужители флота, соединенного с армией под управлением одного главнокомандующего. Полевой обер-священник должен был наблюдать за исполнением полковыми священниками своих обязанностей, представляя обер-священнику армии и флота их послужные списки. Он имел право суда над подведомственными ему духовными лицами: за незначительные проступки мог подвергать их выговорам

Обер-священник
армии и флота протоиерей
Иоанн Семенович Державин
(1807-1826)

(Столетие военного министерства. т. XIII)

и замечаниям, в случае важных преступлений — увольнять от службы, докладывая об этом обер-священнику армии и флота. В своем подчинении полевой обер-священник имел дивизионных благочинных, которые объявляли полковым священникам предписания своего начальства и доставляли последнему сведения о подчиненном духовенстве⁴⁸.

29 апреля 1812 г. полевыми обер-священниками 1-й и 2-й Западных армий были назначены соответственно протоиереи: Преображенского всей гвардии собора Алексей Торопогрицкий и лейб-гвардии Финляндского полка Тимофей Таренецкий⁴⁹. В Дунайской армии полковыми священниками еще с 1808 г. руководил протоиерей Онисим Боровик⁵⁰.

Кроме того, согласно «Учреждению для управления большой действующей армией» от 27 января 1812 г., были введены должности корпусных священников, пользовавшихся правами полевых обер-священников действующих армий и, так же как и последние, подотчетных обер-священнику армии и флота.

Все эти меры упорядочили управление духовенством военного ведомства и облегчили его деятельность во время Отечественной войны.

В чем же конкретно заключалась роль ведомства военного духовенства и каково было значение присутствия пастырей в войсках? Как мы видели, их основной задачей было удовлетворение религиозных чувств воинов через совершение богослужений и треб. Последний протопресвитер Г.И. Шавельский отмечал, что «богослужение на войне — великое дело»⁵¹. Постоянные опасности, близость смерти, огромная напряженность военной работы

требовали духовной поддержки для воинов со стороны пастыря Церкви. «Русский солдат, — писал Г.И. Шавельский, — не страшится смерти, но боится умереть без причастия, быть зарытым без церковного погребения»⁵². Поэтому для православных воинов было очень важно наличие в полку священника, который утешал раненых, напутствовал умирающих, погребал убитых. Однако деятельность священника не ограничивалась отпращиванием богослужений и погребением умерших. Военный пастырь был также учителем и вдохновителем православного русского воинства, руководителем его духовно-нравственной жизни.

Как известно, важным условием победоносности любой армии, наряду с военной подготовкой, является тщательно выработанный и сложившийся дух ее, когда эта армия, во-первых, ясно представляет себе предмет или идею войны, которую она ведет, и во-вторых, когда она горит сильным желанием во что бы то ни стало победить своего врага. А.В. Суворов, не знавший поражений, говорил: «Ни руки, ни ноги, ни брненное человеческое тело одерживает победу, а бессмертная душа, которая правит и руками, и ногами, и оружием, — и если душа воина велика и могуча, не предается страху и не падает на войне, то и победа несомненна, а потому и нужно воспитывать и закалять сердце воина так, чтобы оно не боялось никакой опасности, — и всегда было неустрашимо и бестрепетно»⁵³. Воспитание солдат осуществлялось путем укрепления у них веры в Бога, преданности царю и любви к Отечеству. Это находило живой отклик в их душе, так как вполне соответствовало мировоззрению нашего народа. Религиозное воспитание солдат было продолжением

того благотворного влияния, которое оказывала на народ Русская Православная Церковь.

Воспитание солдата начиналось уже с момента принятия им присяги. Согласно Воинскому уставу, присяга принималась в присутствии священника, под сенью полкового знамени. Присягающий поднимал вверх правую руку и клялся «Всемогущим Богом служить Всепресветлейшему нашему Царю Государю верно и послушно, что в сих постановленных, також и впредь поставляемых Воинских Артикулах, что оные в себе содержать будут, все исполнять исправно...»⁵⁴ В доказательство решимости сдержать свое слово присягающий целовал Евангелие и Крест. Знамя полка, под сенью которого объединялись воины, жаловалось полку императором, при этом перед пожалованием оно освящалось в храме. Таким образом, знамя являлось святыней, которой благословили православных воинов на общее дело Церкви и Государь. Поэтому, в силу военных законов, знамя необходимо было защищать до последнего дыхания. Потеря знамени являлась самым бесчестным военным преступлением. Полк, в котором оно совершилось, уничтожался расформированием по другим полкам. На русских знаменах изображался герб России — двуглавый орел, главы орла венчала императорская корона с крестом на ее верху, на груди орла помещалось изображение святого Георгия Победоносца. Христианские символы являлись выражением веры православных воинов в Бога и надежды на Его всеильную помощь.

Полковые священники регулярно проводили религиозные беседы, во время которых называли солдат «христоролюбивыми воинами». Это означало не только то, что

они являются членами христианского государства и призваны оборонять православную веру, но также то, что в любви к Христу они должны черпать необходимую им силу подвига и очищения. В религиозных беседах и проповедях военные пастыри на доступном солдатам языке, с точки зрения Православия, объясняли солдатам следующие важные проблемы: необходимость воинского служения и войн, возможность сочетания военной службы и спасения своей души, обязанности воина на поле брани и в мирное время, отношение к императору, друг к другу и к противнику, важность и значение присяги, знамен, оружия и др.

До наших дней дошел «Сборник кратких христианских поучений к воинам»⁵⁵, составленный протоиереем Г.И. Мансветовым. Эти проповеди накануне Отечественной войны (в 1810—1811 гг.) были произнесены Г.И. Мансветовым (в то время — священником Ширванского полка⁵⁶) перед воинами 24-й дивизии и пользовались у последних большим успехом. Поэтому военное начальство приказало унтер-офицерам переписать эти поучения в тетради для прочтения в свободное время в капральствах. Вскоре, по Высочайшему повелению, они были напечатаны и выдержали в дальнейшем четыре издания. Остановимся на этом источнике более подробно, выделив из него (тезисно) основные положения, касающиеся службы воина-христианина.

— Наличие армии в государстве необходимо, так как она призвана защищать веру, царя и Отечество. Земные царства устроены Богом по образу Царства Небесного. Иметь войска для защиты своих земель земным владыкам разрешает сам Господь.

Обер-священник
армии и флота протоиерей
Г. И. Мансветов
(1827—1832 гг.)

(Столетие военного министерства. т. XIII)

— Положение воина важно и почетно. Защищать Отечество его избрал «Промысл Небесный, а отнюдь не случай или несправедливость человеческая». Поэтому воин должен «любить и уважать свое звание, с усердием и радостью носить оружие, которым благословила его Святая Церковь»⁵⁷. Он должен ревностно относиться к службе, так как этого ждут от него Государь, Отечество и Церковь. Последняя, молясь за Государя, возносит также молитвы и о его христоролюбивом воинстве.

— «Государь представляет в своем лице самого Высочайшего Бога; он есть Отец Отечества», который «печется о благоденствии своих подданных». Поэтому «одна из существеннейших обязанностей истинного воина есть сердечная приверженность к своему Государю. Он должен любить Помазанника Господня и защищать Его особу»⁵⁸.

— Убийство противника на войне грехом не является. Однако неприятель — «брат по плоти». Поэтому, убивая его, свою должность нужно исполнять без ожесточения. Поверженному противнику следует даровать пощаду. Грабеж и мародерство запрещаются.

— К иноверческим храмам противника нужно относиться с уважением, ибо «ничто так не ожесточает неприятелей, как презрение к народной вере»⁵⁹.

— Войны только начинают люди, а оканчивает их Сам Бог, Который, как правило, помогает правому. Поэтому победу нельзя приписывать только своему мужеству, а неудачу на поле брани — ошибке военачальников. «Победа и поражение в деснице Господней».

— «Воин-христианин, преследуя и отступая, должен надеяться на помощь Божию и никогда не предаваться унынию»⁶⁰.

— Неустрашимость воина заключается в твердости духа, с которой он, «по гласу царя и его военачальников, спокойно идет на все опасности, дабы одолением врага даровать мир Отечеству». Источник неустрашимости — страх Господень. Последний «имеет в своем сердце тот воин, который хранит заповеди Господа и преступлением их страшится Его прогневать. Для воина, боящегося Господа, все равно — жив ли он останется или умрет, ибо, шествуя с поля брани и возлегиши на поле брани, он исполняет свой долг: защищать Отечество»⁶¹.

— Полагая жизнь свою на поле битвы, воин умирает за веру, царя и Отечество, а это — дверь в чертог Отца Небесного. И тем не менее в обычной жизни добропорядочным поведением он должен заботиться о спасении своей души, ибо «воины, обремененные пороками, сколько бы они бесстрашны ни были на поле брани», все равно есть «чада погибели»⁶².

— Пороками считаются: клевета, злословие, приверженность к азартным играм, пьянство, распутство.

— Воровство является преступлением, ибо «Сам Бог сказал: не укради».

— Самые страшные военные преступления — нарушение присяги, дезертирство и сдача в плен с выдачей неприятелю известных воину секретов.

— Трусость следует презирать, «как постыднейший для военного человека порок». Честная смерть лучше бегства и бесчестной жизни.

— В свободное время следует посещать церковь, читать духовные книги и Воинский устав.

— Как можно чаще (не реже одного раза в год)

необходимо очищать свою совесть покаянием, «ибо военная смерть часто бывает внезапна».

— К товарищам нужно относиться дружелюбно: больных — посещать, новобранцам — помогать советом и добрым примером.

Как видим, поучения полковых священников касались самых разных сторон повседневной жизни воинов. Они помогали последним найти ответы на многие вопросы и укрепляли их моральный дух. Духовно стабилизируя каждого солдата и армию в целом, Церковь была серьезной силой в деле обеспечения победы и национальной безопасности.

Таким образом, Русская Православная Церковь в начале XIX века была тесно связана с государственной властью, армией и народом. Православие являлось идеологической основой империи и одним из важнейших факторов, определявших мировоззрение русского народа. Церковь играла большую роль в жизни общества, принимая непосредственное участие в различных событиях. Так было это и в 1812 году, во время Отечественной войны, к рассмотрению которой мы сейчас приступаем.

Глава вторая

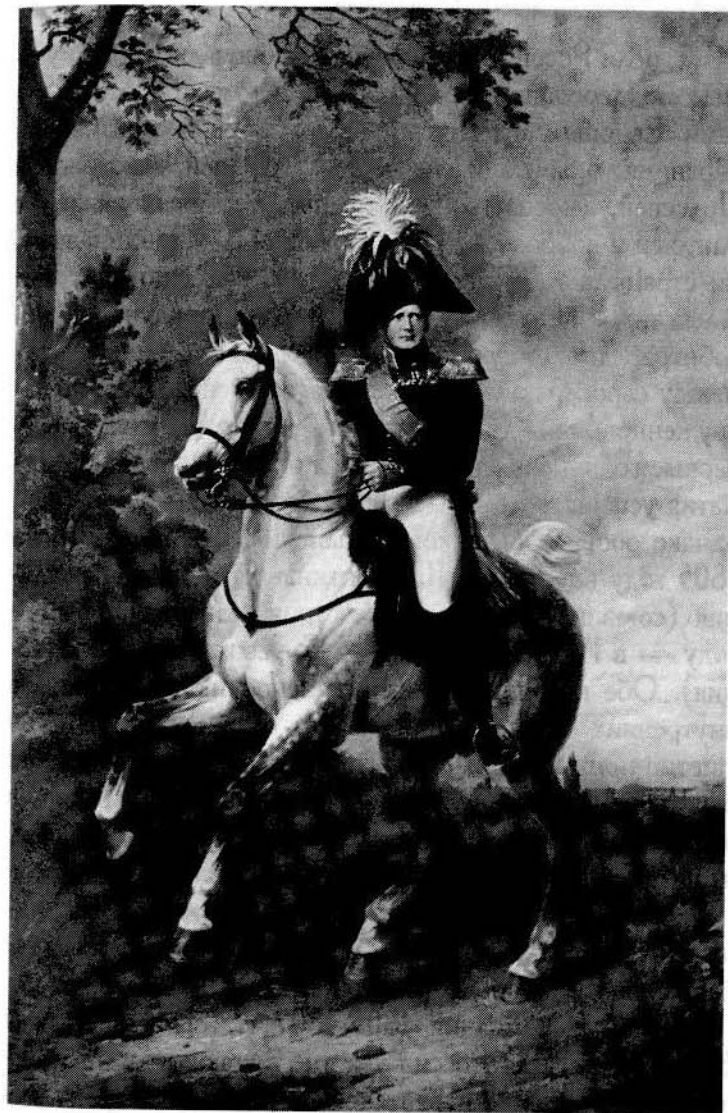

Деятельность Церкви в армии и народе во время Отечественной войны 1812 года

Антинаполеоновская церковная проповедь

Отечественная война 1812 года, являвшаяся, бесспорно, крупным национальным событием Российской истории, в международном масштабе была одним из важнейших фазисов многолетней борьбы европейских государств против революционной, а затем — наполеоновской Франции. Основной задачей этой борьбы в 1789-1799 гг. было подавление французской революции, а в дальнейшем (с 1805 года) — стремление сохранить систему европейского равновесия, не допустив установления господства наполеоновской Франции над Европой. Российская империя, обладавшая на рубеже XVIII-XIX веков значительным международным престижем и имевшая свои геополитические интересы и сферы влияния, не могла оставаться в стороне от происходивших событий. В борьбу с Францией Россия вступила в 1798 году, примкнув ко II-й коалиции, членами которой были Англия и Австрия. Однако вскоре император Павел I изменил внешнеполитический курс, заключив с Францией союзный договор. Этот шаг привел к нарушению традиционных торговых связей между Россией и Англией, что вызвало резкое недовольство русского общества и, возможно, ускорило совершение дворцового переворота 1801 года.

С воцарением Александра I была сформулирована новая внешнеполитическая концепция, согласно которой

Крюгер. Портрет императора Александра I
(За веру, царя и Отечество.
Отечественная война 1812 года в картинах.
Издание И. С. Лапина. Спб., 1912)

цели Российской политики заключались в следующем: поддержание мира и равновесия между государствами Европы, ограничение честолюбивых притязаний Франции, ориентация на союз с Англией, Австрией и Пруссией, укрепление стабильных торговых связей с Англией и добрососедских отношений со Скандинавскими странами и Турцией. При этом, согласно доктрине Александра I, России отводилась роль международного арбитра, дипломатического посредника в конфликтах между европейскими государствами. Использование вооруженной силы допускалось лишь в крайнем случае. В первые годы правления Александра I российская дипломатия успешно следовала вышеизложенным принципам, однако рост французской экспансии заставил Россию в 1805 году вступить в III-ю антинаполеоновскую коалицию (союзники — Англия, Австрия, Швеция), а в 1806 году — в IV-ю (союзники — Пруссия, Англия, Швеция). Обе коалиции оказались непрочными вследствие внутренних противоречий между союзниками. Россия тщетно призывала их оставить взаимные претензии хотя бы до окончания борьбы с Францией. Главную задачу в этот период правительство Александра I видело в том, чтобы не позволить Наполеону раздавить Австрию и Пруссию, которые рассматривались им как реальная политическая сила, способная в союзе с Россией создать барьер на пути наполеоновской агрессии.

Военные кампании 1805-1807 гг. были выиграны Наполеоном. Для России участие в коалициях закончилось подписанием Тильзитского мирного договора, условия которого противоречили ряду национальных интересов страны (в частности, прекращение торговли

В. В. Верещагин.
Наполеон в Петровском дворце.
("За веру, царя и Отечество...")

с Англией вследствие присоединения к континентальной блокаде). Тильзитский договор рассматривался в России как временная мирная передышка. Новая война была неизбежна, ибо на карту было поставлено уже не только европейское равновесие, но и самое положение России как великой державы. Наполеон грозил полностью вытеснить Россию из европейской политики, нарушив все ее традиционные связи. Присоединением к континентальной блокаде Россия превратилась в орудие политики Наполеона, который пытался использовать ее для экономического удушения Англии. В 1810 г. Франция и Россия возобновили подготовку к войне, которая началась 12 июня 1812 года переходом Великой армии Наполеона через западную границу России по реке Неман.

Первая реакция Русской Православной Церкви на борьбу с наполеоновской Францией состоялась в декабре 1806 года в виде обращения к народу. Это произошло по указанию Александра I в связи с созывом ополчения. Решение императора было вызвано пониманием того, что российская регулярная армия по своей численности не может противостоять армии Наполеона, и что, следовательно, необходимо увеличить ее размеры за счет ополчения. Дополнительный рекрутский набор мог вызвать недовольство как со стороны дворянства, так и со стороны крестьян. Поэтому было очень важно показать необходимость ополчения. Эту задачу император возложил на духовенство. В указе Александра I Святейшему Синоду от 6 декабря 1806 г. было прямо сказано: «Мы призываем Святейший Синод предписать всем местам и чинам, ему подвластным, дабы градские и сельские священники в настоящих обстоятельствах при образовании

земского ополчения усугубили ревность свою ко внушению своим прихожанам, колико ополчение сие для спасения Отечества необходимо». Нужно было показать, что война, которую ведет правительство, носит справедливый, освободительный характер, что «не искание тщетной славы, но безопасность наших пределов, безопасность Отечества... влагает им в руки оружие»⁶³.

Война 1806 г. в определенной степени действительно была связана с «безопасностью наших пределов». О французской угрозе и неизбежности будущей войны предупреждал еще великий А.В. Суворов. Поэтому закономерно, что в Объявлении Святейшего Синода, которое вышло вслед за указом императора и прочитывалось во всех приходских храмах в первый воскресный и праздничный дни, она представлялась как война с поработителем человечества, с «неистовым врагом мира и благословенной тишины», который «самовластно присвоил себе царственный венец Франции и силою оружия, а более коварством распространил власть свою на многие соседние с нею государства», опустошил мечом и пламенем их города и села и теперь «дерзает... угрожать России вторжением в ее пределы, разрушением благоустройства... и потрясением Православных Греко-Российских Церквей»⁶⁴.

В такой интерпретации, не лишенной исторической достоверности, война действительно принимала справедливый, освободительный характер. Главное обвинение в адрес Наполеона заключалось в том, что он отступил от Бога и теперь является гонителем христианской Церкви. «Еще во времена богопротивной революции, — говорилось в обращении, — он... на сходбищах народных торжествовал учрежденные лжеумствующими богоотступ-

никами идолопоклоннические празднества и в сонме нечестивых сообщников своих воздавал поклонение, единому Всевышнему Божеству подобающее, истуканам, человеческим тварям и блудницам, идольским изображением для них служившим... Наконец, к вящему посрамлению Церкви Христовой, созвал во Франции иудейские синагоги... и установил новый великий сангедрин (синедрион — Л. М.) еврейский, сей самый богопротивный собор, который некогда дерзнул осудить на распятие Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа, и теперь помышляет соединить иудеев, гневом Божиим рассыпанных по всему лицу земли, и устремить их на испровержение Церкви Христовой и... на провозглашение» в его лице «лжемессии». По мнению Синода, «благодать Божия отступила от Наполеона; ничто уже не соединит его с Богом, Которому он сделался столь ужасно неверным... его преследует вечное осуждение». Церковь призывала прихожан соблюдать православную веру, «воспламенить души любовью к Отечеству, требующему защиты», проявить «приверженность к избраннику Божию Государю нашему, сохранить почтительность и повиновение властям и вооружиться против врага Церкви и Отечества»⁶⁵. Высказывалась твердая надежда на то, что Бог благословит эти святые намерения.

Чтобы выяснить, насколько обоснованными были религиозные обвинения в адрес Наполеона, а также то, почему они вообще могли возникнуть, кратко рассмотрим основные направления церковной политики Французского государства в период революции, консульства и империи.

В эпоху революции французская Церковь подверглась длительным гонениям. (Гонения начались в про-

цессе самообороны революции от враждебных ей сил, среди которых активную роль играли служители католического культа.) Мероприятия правительства следовали, по словам его лидеров, по пути «декатолизации» и «дехристианизации» Франции: нападению подверглась церковная собственность, белое и черное духовенство и, наконец, сам культ⁶⁶. Декрет от 11 августа 1789 г. упразднил десятину, а 2 ноября того же года Учредительное собрание объявило о секуляризации церковного имущества, которое поступило «в распоряжение нации». Последняя обязывалась «пристойным способом покрывать издержки по культу и содержанию священнослужителей» (на жалование каждого приходского священника отводилось 1200 ливров в год)⁶⁷. 12 июля 1790 г. Учредительное собрание вотировало «Гражданское положение о духовенстве», цель которого заключалась в том, чтобы освободить французскую Церковь от власти Рима и подчинить ее государству. Эта мера представляла собой грубое вмешательство в сферу духовной власти и не могла не вызвать возмущения Церкви. 30 октября 1790 г. 30 епископов, входивших в состав Учредительного собрания, обнародовали «Изложение принципов, на которых покоится устройство духовенства», где точно указывались те пункты, по которым «Гражданское положение...» расходилось с каноническими правилами. Стараясь надавить на духовенство, Учредительное собрание новым декретом от 27 ноября 1790 г. предписало всем епископам и приходским священникам принести присягу на верность нации и в поддержку «Гражданского положения...»; отказавшиеся от присяги священники объявлялись уволенными, а в случае противозаконного

продолжения отправления своих обязанностей им грозило преследование «как нарушителям общественного порядка»⁶⁸. Требование присяги стало толчком к церковному расколу, который усилился после получения ответа папы Пия VI, осудившего «Гражданское положение...» и одобrivшего «Изложение принципов...». Присягу принесли только 4 епископа и одна треть низшего духовенства, отказались от нее 130 епископов и 46000 священников. Давшие присягу священники официально стали называться конституционными или присягнувшими, остальные — неприсягнувшими или ослушными. Церковный раскол сопровождался религиозными раздорами среди граждан: искренние католики не пошли за конституционным духовенством и не примкнули к революции, что увлекло последнюю на путь террора, которому с 1792 г. по 1799 г. подверглись неприсягнувшие священники: они либо были высланы из Франции в Гвиану, либо заключены в тюрьмы и казнены. 17 августа 1792 г. Учредительное собрание закрыло монастыри, распустив все монашеские ордена. Имущество упраздненных монастырей должно было быть продано как достояние нации.

С учреждением Конвента гонениям подверглось не только духовенство, но и католический культ. 6 октября 1793 г. был утвержден республиканский календарь, введение которого, по замыслу инициаторов, являлось противохристианской мерой. 17 брюмера II года национальной религией Конвент провозгласил культ Разума, который через три дня был освящен в Париже пышным торжеством в храме Богородицы. Оперная актриса, одетая в белое платье, голубой плащ и красную шапочку, олицетворяла собой свободу. Сидя на троне, сплетенном

из зелени, на месте Пресвятой Девы, она принимала поклонения республиканцев. Затем четверо мужчин перенесли ее в Конвент, где прокурор коммуны Шометт произнес торжественную речь о ниспровержении фанатизма и потребовал, чтобы собор Парижской Богородицы был посвящен Разуму и Свободе. Конвент принял это предложение. Новая религия водворялась повсюду командированными депутатами и становилась одной из форм террора. Церкви были обращены в храмы Разума или в провиантские магазины; колокольни, которые, возвышаясь над прочими зданиями, нарушали принцип равенства были разрушены; реликвии и предметы, посвященные культуре, — требники, чаши, потиры и др., — сожжены или расплавлены. В ноябре 1794 г. были закрыты все парижские храмы.

3 вентоза III года (21 февраля 1795 г.) под давлением общественного мнения Конвент вотировал декрет о свободе культов, текст которого, в частности, гласил: «Отправление какого бы то ни было культа не может быть стесняемо. Республика не несет расходы ни по одному культу. Она не отводит помещений для богослужений... Государство не признает никаких священнослужителей. Никто не имеет права являться публично в одежде или со знаками отличия, присвоенными религиозным порядкам. Здание, посвященное культу, не должно носить никаких надписей. Не допускаются никакие публичные воззвания, приглашающие туда граждан»⁶⁹. Таким образом, декрет о свободе культов устранил всякую государственную религию, упразднил «Гражданское положение о духовенстве» и лишил официального характера культ Разума. Теперь Церковь фактически была отделена от

государства. Однако даже после этого гонения на духовенство полностью не прекратились, а при Директории вновь усилились.

В момент захвата власти Наполеоном Бонапартом Франция переживала в религиозном отношении период совершенной анархии: церковный раскол, не прекратившийся после выхода декрета о свободе культов, породил смуту в обществе и в конечном итоге угрожал безопасности правительства. Наполеон решил внести порядок в этот хаос, заключив с католической Церковью союз, основанный на взаимной поддержке. После длительных переговоров с папской курией 26 мессидора IX года (15 июля 1801 г.)⁷⁰ был заключен конкордат, согласно которому католицизм признавался религией «преобладающего большинства французского народа»⁷¹ (но не государственной религией) и гарантировалось публичное отправление культа. Папа снова официально принял на себя духовное руководство Францией, получив право утверждать епископов⁷². Наполеону удалось добиться включения в договор следующих условий: 1) нового распределения епархий; 2) признания отчуждения церковных имуществ; 3) права полицейского надзора над отправлением культа. Последнее правительство признавало необходимым «в интересах общественного спокойствия»⁷³. Согласно статье 8, во всех католических церквях Франции в конце богослужения должна была читаться молитва: *Domine, salvam fac Rempublicam; Domine, salvos fac consules* (Храни, Господи, республику; храни, Господи, консулов)⁷⁴. Эта статья, на внесении которой особо настаивал Наполеон, имела целью показать, что Церковь не признает себя солидарной со старым по-

рядком и что она, напротив, равнодушна к форме государственного устройства. Таким образом, в обмен на восстановление свободы религии Бонапарт получил для своего режима благословение папы. Естественным следствием религиозной реформы стало в 1804 г. пожелание Наполеона, чтобы Церковь его помазала и благословила, как благословила она двух предыдущих императоров Запада — Карла Великого в 800 г. и Оттона I в 962 г.

Желая укрепить связь всех основных культов с государством, Наполеон в 1802 г. признал кальвинистский и лютеранский культы, регламентировав их с помощью «Органических статей». Здесь закреплялось фактическое подчинение государству обоих главных протестантских культов (правительство контролировало их отправление, избрание и смещение пасторов и утверждало постановления протестантских Церквей).

Четвертой официально признанной религией стал иудаизм. Чтобы преодолеть национальную обособленность евреев, в мае 1806 г. Наполеон созвал собрание еврейских именитых людей, а в декабре того же года — так называемый великий синедрион, на который были приглашены прислать своих делегатов все синагоги Европы. Великий синедрион принял «Вероучительные постановления», согласно которым французские евреи должны были признавать Францию своим отечеством, отбывать в ней военную службу (во время которой соблюдение субботы и других обрядов, не совместимых с этой службой, упразднялось), соблюдать ее законы о браке и разводе, считать свои договоры с французами столь же обязательными для себя, как и договоры с единоверцами, воздерживаться от ростовщичества и

поощрять своих детей к занятию полезными искусствами и ремеслами.

Таким образом, наибольшие гонения на французское духовенство пришлось на период революции и не были проведены непосредственно Наполеоном. Однако несомненная связь Бонапарта с революцией, во время которой он выдвинулся, а также факты из его личной биографии дали возможность Святейшему Синоду выступить в 1806 г. с вышеупомянутым объявлением.

Идеи, выраженные в объявлении Святейшего Синода 1806 г., были развиты Православной Церковью в 1812 году во время Отечественной войны. К этому времени произошел разрыв Наполеона с Церковью. Бонапарт потребовал, чтобы папа прервал отношения с политическими противниками Франции (закрыв гавани для английских кораблей и изгнав из своего двора англичан, русских и шведов). Пий VII ответил отказом, заявив, что хочет остаться нейтральным и не поступать против совести. Наполеон решил прибегнуть к силе и захватил папские провинции. 2 февраля 1808 года французские войска вступили в Рим. Декретом из Вены (от 17 мая 1809 г.) Наполеон объявил папские владения присоединенными к Французской империи, а затем провозгласил Рим «свободным имперским городом». Тем самым мирская власть папы была упразднена. Венский декрет был приведен в исполнение 10 июня 1809 г. В тот же день Пий VII подписал протест и издал буллу об отлучении Наполеона от Церкви, которая была прибита на дверях трех главных римских церквей. Наполеон хотя и смеялся над папой, который наивно думал, что «от его отлучения оружие выпадет из рук императорских солдат», однако принял все

возможные меры, чтобы помешать опубликованию буллы, взволновавшей умы во всем христианском мире. Вскоре Наполеон захватил самого Пия VII, который находился в плену вплоть до 1814 года.

Находясь на острове Святой Елены, Наполеон признавался: «Я надеялся управлять папою, и тогда — какое влияние, какой рычаг для власти над миром!»⁷⁵

Для достижения своих целей Наполеон был готов на все. В день коронации (2 декабря 1804 г.) он всерьез сожалел о том, что «пришел в мир слишком поздно» — «в настоящее время народы слишком цивилизованы: нельзя ничего сделать!» Вспомнив о карьере Александра Македонского, он заявил: «Если бы я вздумал себя объявить сыном Бога Отца и назначить благодарственное богослужение по этому поводу, то не нашлось бы такой рыбной торговли в Париже, которая не освистала бы меня»⁷⁶.

Верил ли Наполеон в Бога? Судя по его поступкам, в это трудно поверить. Кстати, нечто подобное говорил и он сам: «Если бы я верил в Бога, разве я мог сделать то, что я сделал?.. Какой там Бог?»⁷⁷ К религии Наполеон обратился в конце жизни, когда долгие часы проводил за чтением Евангелия и тщательно обдумывал религиозные формальности своего грядущего конца и своих похорон, подчеркнув в первой фразе заветания, что умирает в католической, апостольской римской вере. А накануне 1812 года христианский мир не без оснований воспринимал его как безбожника, а проводимую им политику — как выступление против христианства. Поэтому не удивительно, что в начале Отечественной войны Русская Православная Церковь призвала прихожан к защите не только царя и Отечества, но также православной веры и святых

храмов. От человека, непочтительно относившегося к главе собственной Церкви (от которой он был отлучен!), вряд ли можно было ожидать почтительного отношения к религии покоряемого народа.

В воззвании Святейшего Синода, вышедшем вслед за манифестом Александра I от 6 июля 1812 года (о созыве ополчения), так же как и в объявлении 1806 года, подчеркивалась связь происходящих событий с революцией 1789 г., во время которой «ослепленный мечтою вольности народ французский испровергнул престол единоподержавия и алтари христианские» и тем самым заслужил Божественное проклятие («мстящая рука Господня видимым образом отяготела сперва над ним, а потом, чрез него и вместе с ним, над теми народами, которые наиболее отступлению его последовали»). Наступившая война осознавалась как «искушение», нависшее над Россией, которое последняя должна преодолеть с Божией помощью и еще больше утвердиться «в уповании на Промысл»⁷⁸. Эта же мысль была выражена 24 июня 1812 года митрополитом Новгородским и Санкт-Петербургским Амвросием в «пастырском приглашении к молитве о благопоспешении во время настоящей брани», где говорилось о том, что «Господь... иногда, искушая веру и упование людей на Промысл, попускает на них брани, благодаря чему ослабевающих в оных исправляет»⁷⁹.

В воззвании Синода Наполеон именовался «властолюбивым, ненасытимым, не хранящим клятв, не уважающим алтарей врагом», который «покушается на нашу свободу, угрожает домам нашим и на благолепие храмов Божиих простирает хищную руку». Церковь призывала прихожан «принять оружие и щит» и «охранить веру

отцов». Духовенству предписывалось укреплять людей в вере, отвращать их от вражеской пропаганды и призывать к участию в организации и деятельности ополчения. «Внушайте сынам силы в упование на Господа сил. Вооружайте словом истины простые души, открытые нападениям коварства. Всех научайте словом и делом не дорожить никакою собственностью, кроме веры и Отечества».

В заключение говорилось, что Церковь, «уверенная в неправедных и нехристолюбивых намерениях врага», непрестанно приносит молитвы «о венцах победных для доблестных подвижников и о благах нетленных для тех, которые душу свою положат за братию свою»⁸⁰.

Воззвание Святейшего Синода прочитывалось во всех храмах в первый воскресный и праздничный дни перед началом литургии, после объявления Высочайшего манифеста от 6 июля. Основные положения, изложенные в этом воззвании: о справедливой войне в защиту Отечества, благословляемой Богом, о Наполеоне как враге России и Православной Церкви, а также о важной миссии, возложенной Богом на Россию, которой предназначено остановить завоевания Наполеона и освободить Европу, нашли отражение и развитие в речах, проповедях и молитвах священнослужителей, обращенных к армии, ополчению и народу. Эти же мысли использовались во время войны для патриотической пропаганды также светскими лицами (императором, военными и гражданскими начальниками, деятелями культуры).

Так, например, в первые дни войны профессор Дерптского университета В.Ф. Гецель прислал военному министру М.Б. Барклаю де Толли письмо, содержа-

щее каббалистическое изъяснение двух мест из Апокалипсиса святого апостола Иоанна, где в имени императора Наполеона высчитывалось «звериное число 666» и предсказывалось его падение в 1812 году⁸¹. По мнению В.Ф. Гецеля, эта информация, «благоразумно разглашенная» полковыми священниками среди солдат, могла бы «вселить в императорское российское воинство то уверение, что оно провидением избрано к прекращению в нынешнем 1812-м году тех бедствий, кои Наполеон навлек на всю Европу», что «усугубило бы бодрость духа и облегчило бы одержание победы»⁸². По приказу М.Б. Барклая де Толли письмо В.Ф. Гецеля было размножено и распространено («для надлежащего употребления») среди полковых священников 1-ой Западной армии. Религиозно-патриотическим настроением проникнуты все манифесты и приказы армиям, данные императором Александром I в 1812 году. Так, в приказе от 13 июня 1812 года сказано: «Французский император нападением на войска наши при Ковне открыл первый войну... Видя его никакими средствами непреклонного к миру, не остается Нам ничего иного, как призвав на помощь Свидетеля и Защитника правды, Всемогущего Творца Небес, поставить силы Наши противу сил неприятельских... Воины! Вы защищаете Веру, Отечество, свободу. Я с вами. На зачинающего Бог»⁸³. В манифесте от 6 июля 1812 г., призывая все сословия к совместной борьбе, Александр I отмечает: «Соединитесь все: с крестом в сердце и с оружием в руках, никакие силы человеческие вас не одолеют»⁸⁴.

Священный, освободительный характер войны раскрыл в своей речи, обращенной к Санкт-Петербургскому

ополчению перед его выступлением в поход, митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Амвросий: «Христиане-воины!.. Возопили к вам Отечество и Церковь, угрожаемые от галлов разорением, от галлов, поработивших и утеснивших многие царства и народы, поправших вечную Святыню, осквернивших Божии храмы, проливших реки человеческой крови: и вы для защиты оных облеклись во всея оружия Божия... И вот уже исходите на дело свое; исходите не разорять страны, оскорбляя человечество, но поразить и сокрушить врага Бога и человек... О русские! О народ, слава царей наших, честь Православной Церкви, крепость Отечества, красота земли Русской, надежда страждущей Европы!.. Идите спешно и не боязненно в назначенный вам путь Господень... Веруйте несомненно, яко предходит вам Сам Бог защитить всех уповающих на Него»⁸⁵.

Проповеди подобного содержания читались также в приходских храмах России. Важность патриотической пропаганды понималась прежде всего самим императором, который во время войны неоднократно делал духовенству соответствующие предписания, стимулируя его проповедническую деятельность. Например, в июле 1812 г. при организации в Смоленской губернии партизанского движения Александр I направил Смоленскому епископу Иринею рескрипт, в котором говорилось о необходимости для священнослужителей «внушениями и увещаниями своими ободрять» жителей губернии и не только «отвращать их от страха и побега, но, напротив, убеждать, как того требует долг и Вера Христианская, чтобы они, совокупясь вместе, старались вооружиться, чем только могут, дабы, не давая никакого пристанища врагам, везде

Митрополит Московский
и Коломенский Платон (1737—1812 гг.)
Неизвестный художник.

(ГИМ. Православие и Российское государство
X—XX века. Историко-документальная выставка.
Каталог. М., 2000)

и всюду истребляли их и вместо робости наносили им великий вред и ужас»⁸⁶.

По приказу императора епископ Августин (Виноградский), викарий Московского митрополита Платона, 17 июля написал молитву «о победе на врага» для ежедневного чтения на литургии в церквях Московской епархии. В ней, в частности, говорилось: «Господи Боже сил, Боже спасения нашего!.. Се враг, смущаяй землю Твою, и хотяй положити вселенную всю пусту, возста на ны, се люди беззаконии собрашася, еже погубити достояние Твое, разорити честный Иерусалим Твой, возлюбленную Твою Россию: осквернити храмы Твои, раскопати алтари и поругатися святыни нашей... Владыко Господи, услыши нас, молящихся Тебе: укрепи силою Твоею Благочестивейшего Самодержавнейшего Великого Государя нашего Императора Александра Первого... Благослови Его советы, начинания и дела; утверди всемогущею Твоею десницею царство Его, и подаждь Ему победу на врага... Сохрани воинство Его... Прими оружие и щит, и возстани в помощь нашу... Всех нас укрепи верою в Тя, утверди надеждою,... сотвори знамения во благо, яко да видят ненавидящие нас и Православную Веру нашу, и посрамятся и погибнут: и да увидят все страны, яко имя Тебе Господь и мы люди Твои. Яви нам, Господи, ныне милость Твою и спасение Твое даждь нам,... порази враги наша, и сокруши их под ноги верных Твоих вскоре. Ты бо еси заступление, помощь и победа уповающих на Тя, и Тебе славу возсылаем, Отцу и Сыну и Святому Духу и ныне, и присно, и во веки веков. Аминь!»⁸⁷

Текст молитвы был одобрен императором, напечатан в Московской синодальной типографии в количестве

Московский архиепископ Августин.
Литография XIX века.

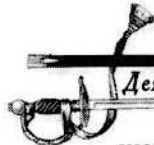
(И. С. Снегирев. Очерки жизни
Московского архиепископа Августина.
М., 1848)

1500 экземпляров и разослан по монастырям и церквам Московской епархии⁸⁸.

Немного раньше, в конце июня 1812 г., по церквам Санкт-Петербургской епархии было распространено напечатанное в количестве 1200 экземпляров «пастырское приглашение к молитве» митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского Амвросия с призывом к «сынам Отечества» разделить «святые чувствования» монарха Александра I, вручившего «провидению праведное дело свое», и обратиться к Богу с «теплым мольбой о помощи»⁸⁹.

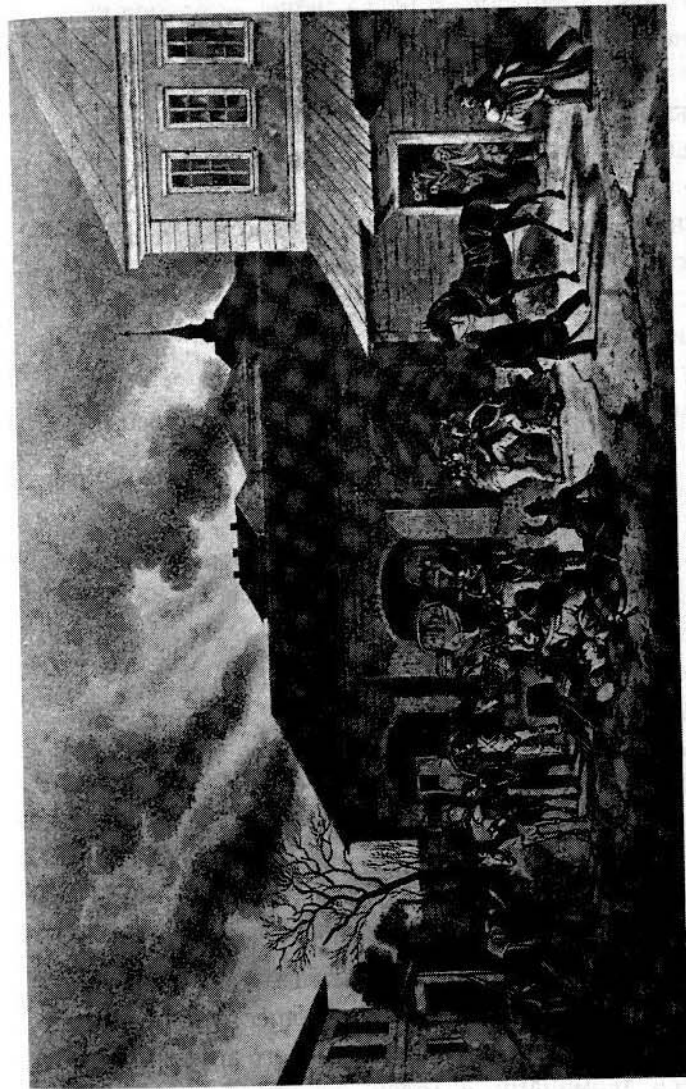
Подобные молитвы читались и в других епархиях. Даже в Финляндии, незадолго до начала Отечественной войны включенной в состав Российской империи, была составлена особая молитва, содержащая смиренную просьбу к Богу «положить предел высокомерию завоевателя» и «даровать победу справедливому делу» «миролюбивого Государя» Александра I⁹⁰.

Антинаполеоновская церковная проповедь удачно наложила на поведение французских завоевателей, которое стало для нее своеобразной наглядной иллюстрацией. С первых шагов по российской территории солдаты Великой армии принялись грабить православные храмы и монастыри. (Платов еще из-под Рудни доносил главнокомандующему М.Б. Барклаю де Толли: «Святыя церкви не избегают неистовства французов, сосуды и утварь разграбляются...»)⁹¹. В большинстве своем равнодушные к собственной религии, они, как правило, не церемонились с национальными традициями русского народа. (Об отношении французских солдат к религии лучше всего повествует письмо аббата А. Сюрюга, отправляв-

шего службу в церкви Святого Людовика Французского в Москве в сентябре-октябре 1812 г. За все время пребывания французов в Москве в церкви, где служил аббат, появилось только четверо или пятеро офицеров из старых фамилий Франции; из 12000 человек Великой армии, умерших в Москве, только двое были похоронены по христианскому обряду, всех остальных зарыли в «ближайшем саду»; единственным проявлением религиозности солдат, по словам Сюрюга, было желание окрестить детей, «в остальном религия для них пустой звук»⁹². В разграблении русских храмов принимали участие не только французы, но и национальные контингенты Великой армии. По свидетельству того же А. Сюрюга и других жителей Москвы, особенно отличились на этом поприще поляки, мстившие России за раздел Польши, и саксонцы)⁹³. Мародеры интересовали прежде всего драгоценности, украшавшие священные предметы. Они сдирали с икон серебряные оклады, собирали лампы, кресты. Режим оккупации разнуздывал самые низменные инстинкты. Поэтому от грабежа неприятельские солдаты часто переходили к прямому осквернению православных святынь. В Смоленской и Московской губерниях известны случаи, когда оккупанты кололи на дрова иконы, в качестве мишеней для стрельбы использовали лики святых. Многие храмы они превратили в провиантские магазины, конюшни и скотобойни⁹⁴. Вандализм завоевателей вызвал взрыв всеобщего негодования и способствовал расширению движения народного сопротивления, носившего во многом религиозный характер.

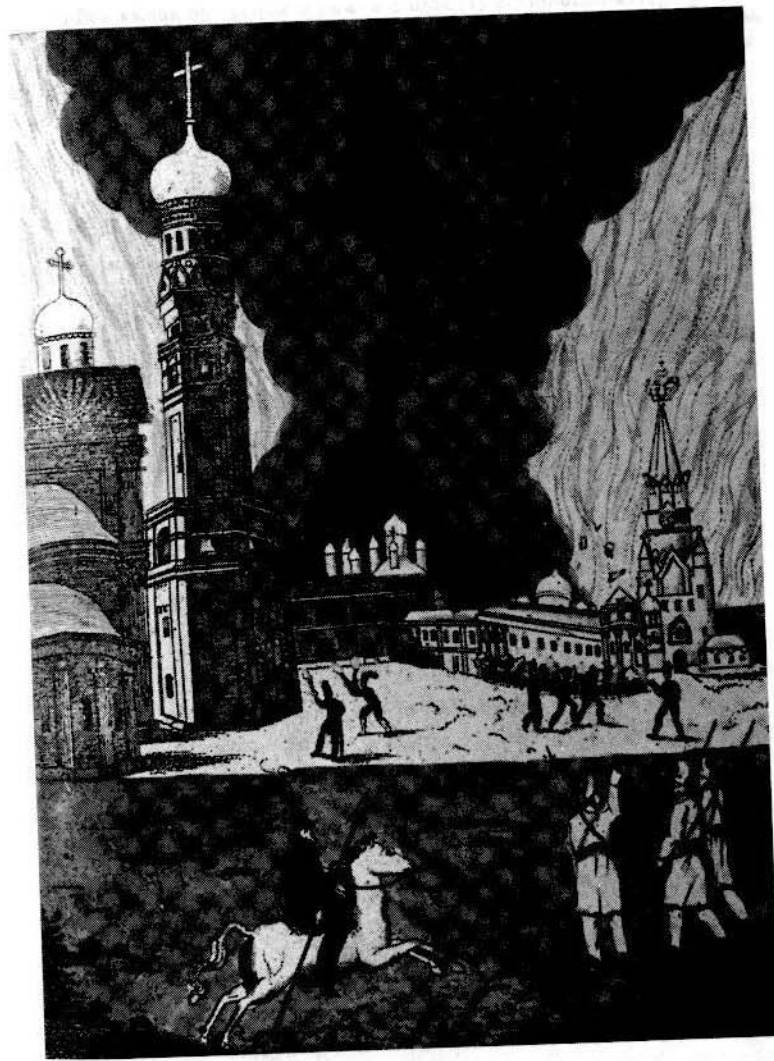
По мере усиления грабежей в ходе войны усиливалась и антинаполеоновская пропаганда, которая после

Французы в Москве. Гравюра XIX века.
(Война русского народа с Наполеоном. 1812 г. СПб., 1910)

взятия Москвы и осквернения ее храмов уже порой не стеснялась в выборе выражений для характеристики противника. В особом «Известии» о состоянии Москвы от 17 октября 1812 г., составленном по достоверным данным и «по Высочайшему повелению» обнародованном чтением в церквях, прямо заявлялось, что обычное определение «неприятель» является для представителей Великой армии слишком «обыкновенным и недостаточным», ибо их поведение недостойно не только просвещенного народа, который во время войны заботится как о славе оружия, так и о соблюдении чести и доброго имени своего государства, но даже дикарей, проявляющих в подобной ситуации «только жадность к грабежу, а не жадность к разрушению того, чего они взять с собой не могут». Подражание Франции, имевшее место накануне войны, признавалось здесь ошибочным, говорилось о необходимости порвать с ней «все нравственные связи, возвратиться к чистоте и непорочности наших нравов и быть именем и душою храбрыми и православными россиянами». Франция и Россия противопоставлялись друг другу как «безбожие» и «благочестие», как «порок» и «добродетель»⁹⁵.

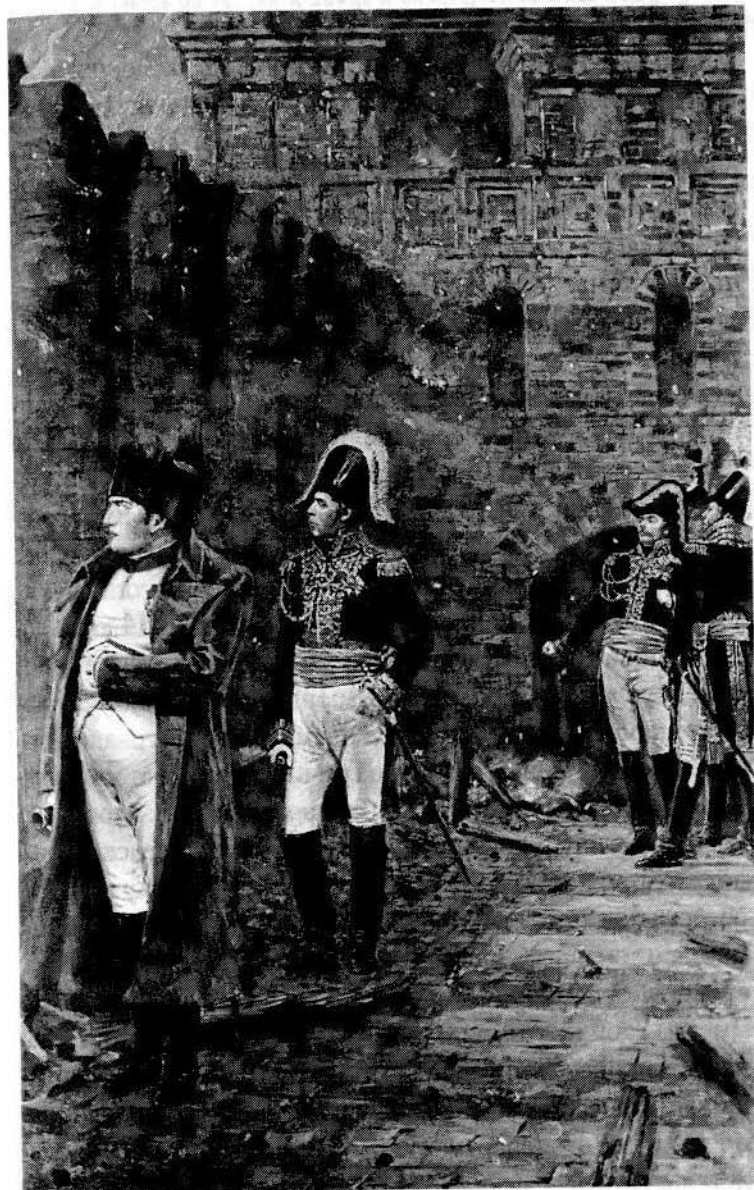
Ярким образцом усиления антинаполеоновской пропаганды в ходе войны являются «афиши» Московского генерал-губернатора графа Ф.В. Ростопчина, в которых он сообщал жителям Москвы и Московской губернии о событиях с фронта и давал конкретные советы и распоряжения, стараясь контролировать общественное мнение. Если до взятия Москвы Наполеон и его армия именуется здесь терминами «злодеи», «супостаты», «неприятель»⁹⁶, то после взятия города это «гадина заморская»,

Пожар в Москве.
Гравюра 1812 года.
(Русские и Наполеон Бонапарте. М., 1814)

«враг рода человеческого», «наказание Божие за грехи наши», «дьявольское наваждение», «некрещеный враг», который «взошел в Москву; предал ее мечу, пламени; ограбил храмы Божии; осквернил алтари непотребствами, сосуды пьянством, посмешищем; посорвал оклады, венцы со святых икон; поставил лошадей в церкви православной веры нашей; разграбил дома, имущества; наругался над женами, дочерьми, детьми малолетними; осквернил кладбища»⁹⁷. Ф.В. Ростопчин призывал жителей Московской губернии к партизанской войне и предостерегал их от любых контактов с неприятелем, вплоть до продажи ему продуктов питания. Человек, перешедший на сторону врага, объявлялся «отступником Закона Божия», «преступником Государя своего», «недостойным сыном Отечества», «душе его быть в аду со злодеями и гореть в огне, как горела наша мать Москва»⁹⁸. Афиши Ф.В. Ростопчина, написанные языком народа с опорой на его идеалы, по свидетельству современника М. Дмитриева, производили на население «огненное, непреодолимое действие». Они способствовали «возбуждению народа против Наполеона»⁹⁹.

Не менее сильное воздействие на крестьян оказывала проповедническая деятельность приходских священников. После Отечественной войны гражданские начальники и помещики ряда уездных городов Смоленской и Московской губерний обратились к епархиальным архиереям с просьбой о награждении священников, заслуга которых заключалась в том, что они «утвердили своих прихожан в верности Государю Императору и Отечеству», результатом чего стало повиновение местного населения властям и оказание сопротивления противнику.

В. В. Верещагин. В Кремле — пожар.
("За веру, царя и Отечество...")

(Таковы священник села Троицкого Дорогобужского уезда Смоленской губернии Онуфрий Срединский¹⁰⁰, священник села Грибанова Волоколамского уезда Московской губернии Николай Воробьев¹⁰¹, священник Введенской церкви села Першина Звенигородской округи Алексей Степанов¹⁰², священник Рождественской церкви той же округи Василий Васильев¹⁰³ и др.)

Конечно, не везде дела обстояли так идеально. В некоторых местах имели место антифеодальные крестьянские выступления и случаи измены со стороны духовенства. (Так, например, священник села Яковлевичи Ельнинского уезда Смоленской епархии Леонтий Ширяев и помощник секретаря Смоленской духовной консистории Николай Великанов были членами французского муниципалитета (получили за это прощение согласно п. 19 Высочайшего манифеста от 30 августа 1814 года)¹⁰⁴. Священник Одитриевской церкви г. Смоленска Никифор Мурзакевич после войны привлекался к суду за измену, но был оправдан. По словам самого Мурзакевича, его «преступление» заключалось в следующем. 27 октября 1812 г., когда Наполеон возвращался из Москвы в пока еще оккупированный французами Смоленск, руководитель муниципалитета приказал священнослужителям встретить его в церковном наряде у Днепровских ворот. Однако в назначенный день Наполеон не приехал, а 28 октября утром Мурзакевич шел с дароносицей к больному и у Троицкого монастыря случайно встретился с Наполеоном, который спросил его: «Ты поп?» Растерявшийся от неожиданности священник вынул просвиру и протянул ее Бонапарту. (Отметим, однако, что, по свидетельству современника (И. Маслова), расспросившего

смолян-очевидцев 1812 года, торжественная встреча Наполеона у Днепровских ворот все-таки состоялась.)¹⁰⁵ Однако на территории центральных губерний России по сравнению с огромным размахом народной войны подобные явления носили эпизодический характер.

Иную картину представляли собой западные районы Российской империи (Литва и Белоруссия), где местные власти и часть духовенства открыто перешли на сторону Наполеона и где практически отсутствовало движение народного сопротивления. Кратко остановимся на этих событиях, получивших у современников название «польской измены», и попытаемся установить причины происшедшего.

Западные губернии вошли в состав Российской империи в 1772 г. в результате раздела Польши (Русская Православная Церковь приобрела три епархии: Могилевскую, Минскую и Подольскую). До этого в течение четырех веков (с 1386 г.) они принадлежали Польскому государству, правительство которого проводило политику «ополячивания» и «окатоличивания» местного населения (последнему в значительной степени способствовало заключение унии с Римом на Брестском соборе 1596 г. и последовавшие за ним гонения на православных, отказавшихся перейти в униатство). Результатом этой политики стало фактическое слияние русско-литовской знати с католической польской шляхтой. Крестьяне при этом в большинстве своем, несмотря ни на что, продолжали исповедовать Православие. После включения западных губерний в состав России Екатерина II провела здесь ряд реформ в духе русской национальной политики. Было

введено русское управление и законодательство, одновременно Православная Церковь получила все преимущества господствующей религии.

В царствование Александра I северо-западный край вновь подчинился польскому влиянию. Еще будучи наследником, Александр сблизился с князем Адамом Чарторыжским, типичным представителем принявшей католичество и ополяченной русско-литовской знати. В дружеских откровенных беседах с Александром Чарторыжский сумел внушить будущему русскому императору симпатию к полякам, представив их как угнетенный народ, лишившийся национальной независимости и переживающий тяжелые страдания.

Вступив на престол, Александр в северо-западном крае почти полностью восстановил польское управление. (Было вновь установлено самоуправление посредством созыва сеймиков, на которых свободно избирались судьи и другие должностные лица. При этом русское население не имело права голоса и все дела вершились панам и шляхтой. Все важнейшие отрасли управления перешли в руки поляков.) А. Чарторыжский был вполне искренно предан Александру I, но в своих политических мечтах видел Польшу восстановленной в былой славе, а польскую корону мысленно отдавал Российскому императору. Однако покровительство Александра I не простиралось до восстановления Польши в пределах 1772 года. Поэтому накануне Отечественной войны «русские» поляки перенормировались на Наполеона, надеясь решить эту задачу при его посредстве. Не собираясь возродить Польшу, однако не стесняясь в средствах для достижения собственных целей, Бонапарт в польском вопросе ис-

кусно разыграл политическую интригу, результатом которой, в частности, стала измена правительству Александра I со стороны местных властей северо-западного края России.

Еще задолго до 1812 г. Наполеон принял по отношению к полякам политику ни к чему не обязывающих обещаний, подстрекая их национальные чувства, но не давая никаких осязательных доказательств своего сочувствия идее восстановления Польского королевства. Несколько лет он играл разделенной между тремя державами Польшей, являвшейся готовой угрозой против Австрии и Пруссии и очагом недовольства и протеста против России. В ожидании осуществления своей мечты поляки в массовом порядке вступали в ряды Великой армии и сражались за интересы Франции, являясь на деле для Наполеона, по его собственным словам, лишь «дисциплинированной военной силой, чтобы меблировать поле битвы». В 1807 г. посредством Тильзитского мирного договора было искусственно создано герцогство Варшавское, представлявшее собой лишь «жалкую поддачку польскому патриотизму»¹⁰⁶. Это государство, названное А. Чарторыжским «призраком прежней Польши»¹⁰⁷, рассматривалось Наполеоном как стратегический плацдарм для нападения на Россию и как очаг для распространения антирусской пропаганды в ее северо-западных губерниях.

Накануне Отечественной войны из Варшавского герцогства в русский северо-западный край посылались агенты, которые распространяли книги и брошюры с молитвами в честь Наполеона, покровителя поляков, и с весьма недвусмысленными выпадами против русских.

Говорилось о присоединении в случае победы Наполеона западных губерний России к герцогству Варшавскому, которое тогда будет переименовано в королевство.

Александр I знал по донесениям русских чиновников о настроении в северо-западном крае, но все же открытый переход поляков на сторону неприятеля в 1812 г. произвел на него крайне тягостное впечатление.

Наиболее ярко «польская измена» проявилась в Литве, где образовавшееся временное правительство (Литовская конфедерация) примкнуло к генеральной Варшавской конфедерации, а многочисленные местные обыватели торжественно отмечали победы Великой армии, дни рождения Наполеона и императрицы Марии-Луизы и другие французские праздники, которые сопровождались богослужениями в католических костелах ряда городов (Вильны, Минска, Волковыска, Свенцяи, Росиен и др.)¹⁰⁸.

В Белоруссии также было образовано временное правительство, в состав которого наряду с французскими интендантами вошли и некоторые местные дворяне. Однако многие из дворян при приближении неприятеля бежали, бросив свое имущество. (После войны они пытались представить это как подвиг, ибо не подчинились Наполеону и потерпели материальный ущерб.) Белорусские крестьяне, тяготевшие к России по вере и национальной принадлежности, также уходили в леса. Оказывая пассивное сопротивление противнику, они (в отличие от народа коренной России) воздерживались от активных действий (нападений на французские отряды). Причинами отсутствия здесь «народной войны», на наш

взгляд, являются: многовековое феодальное и религиозное угнетение крестьян, отсутствие поддержки со стороны местных властей, относительно недолгое пребывание в составе Российской империи, а также неимение лидеров из среды духовенства, способных организовать движение сопротивления. Священнослужители, также привыкшие к притеснениям Православия, проводили, как правило, политику невмешательства, за исключением измены Могилевского архиепископа Варлаама (Шишацкого), который по приказу гражданского начальства (временной Комиссии) сам принес присягу на верность Наполеону и побудил к этому подчиненное ему духовенство, часть которого подчинилась его требованию.

В ходе следствия, проводимого (с декабря 1812 г. по август 1813 г.) по приказу императора Александра I членом Святейшего Синода архиепископом Рязанским Феофилактом, точную численность и полный список присягнувших Наполеону священно— и церковнослужителей установить не удалось, так как присяжные листы были отосланы во временную Комиссию и не сохранились. Поэтому в докладе Святейшего Синода Александру I (от 1. 05. 1813) по этому поводу были приведены сведения, почерпнутые из письма архиепископа Варлаама Преосвященному Феофилактору (от 2. 01. 1813), где сообщалось, что «не было у присяги духовенства не менее двух третей, ибо до некоторых мест неприятельская власть не достигала, в других слабо действовала, а затем православные духовные удобно могли от присяги уклониться, хотя консистория, для виду, об оной им подтверждала». (Отметим, что в донесении архиепископа Феофилакты Святейшему Синоду, написанном 1. 01. 1813 г., то есть до получения

им письма Варлаама, сообщалось, что «присягу на верность врагу Отечества учинили две трети духовенства Могилевской епархии».) Согласно сохранившимся в Могилевской духовной консистории рапортам благочинных и Духовных Правлений, принесли присягу на верность Наполеону священно— и церковнослужители городов: Могилева, Мстиславля, Чаусов, Быхова и Черикова. Уклонилось от присяги духовенство в Копысе («за неявкою» туда «с светской стороны чиновника») и в Климовичах (ибо «тамошний Духовный Заказ не понял силы консисторского предписания») ¹⁰⁹.

Поступок Варлаама (Шишацкого) в истории Русской Православной Церкви был настолько исключительным, что на протяжении столетия «Могилевская церковная смута» привлекала внимание многочисленных исследователей, которые пытались объяснить причины поведения архиепископа Варлаама ¹¹⁰.

Сам Варлаам объяснил свой поступок следующим образом: «Месть раздраженного против меня врага, конечно, излилась бы на мою паству, и я бы невольно сделался причиною злоклучения для тех, за коих, в нужном случае, душу свою положить должен» ¹¹¹. Поэтому ради спасения многострадальной Белорусской Церкви он решил «по наружности» нарушить «обязанности верноподданного, дабы в самом деле тем паче их выполнить, сохраняя в спокойствии и тишине врученную» ему «Церковь» ¹¹².

Святейший Синод не считал убедительными объяснения Варлаама и признал его виновным в клятвопреступлении, в том, что он не только «не показал себя примером пастве своей в непоколебимой верности законному свое-

му Государю, но навлек в таковое преступление многих из своих подчиненных» ¹¹³, а также в том, что покорившись неприятелю, выполнял его требования. (По указанию Могилевской городской полиции 3 и 13 августа были отпразднованы дни рождения Наполеона и императрицы Марии-Луизы. В это время архиепископ Варлаам провел богослужение в Могилевском кафедральном Иосифском соборе и побудил священника этого собора Максима Пиючевского прочитать в честь Наполеона две проповеди, автором которых был сам Варлаам. Кроме того, по предписанию Варлаама, Могилевская духовная консистория распространила по епархии присланные из временной Комиссии бумаги с призывом к крестьянам повиноваться своим помещикам и выполнять требования французской армии). В качестве наказания Святейший Синод постановил: лишить Преосвященного Варлаама архиепископства и священства, отобрать у него знаки ордена святой Анны 1-ой степени и, оставив его только в монашеском чине, определить на пребывание в 1-классный Новгородско-Северский Спасский монастырь Черниговской епархии ¹¹⁴.

Священно— и церковнослужители, участвовавшие в принесении присяги Наполеону по примеру и предписанию архиепископа Варлаама, были оставлены в прежних званиях и после проведенного следствия вновь допущены к богослужению. Для искупления вины Синод предписал им шесть воскресных дней, после отправления Божественной литургии, при собрании народа полагать перед местными святыми иконами по 50 земных поклонов. Другие меры для очищения совести этих клятвопреступников должны были принять их духовные отцы.

Среди Могилевского духовенства, как показано выше, были те, кто отказался присягнуть Наполеону. Из них отметим протоиерея города Копыса Павла Вронченко, который сам остался верным императору Александру I и убедил в этом всех своих прихожан. За отличную службу Святейший Синод выдал ему 500 рублей пособия и представил к награждению наперсным крестом¹¹⁵. Однако, несмотря на наличие в Могилевской епархии таких убежденных патриотов, как протоиерей Вронченко, общая ситуация там не способствовала тому, чтобы их высокая патриотическая позиция сколь-либо существенно повлияла на судьбу этого края в 1812 году.

События в западных губерниях не умаляют в целом заслуг русского православного духовенства, которое на территории коренной России внесло значительный и разнообразный вклад в дело организации ополчения и народной войны. Остановимся на этом более подробно.

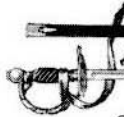

Православное духовенство и народная война

6 июля 1812 года император Александр I, сознавая всю серьезность нависшей угрозы, а также невозможность удовлетворительного пополнения армии в ходе самой войны в условиях существовавшей рекрутской системы, подписал манифест, призывавший все сословия к ополчению, которое должно было составить «вторую бригаду в подкрепление первой» (регулярной армии). Как только манифест был получен в Петербурге, Святейший Синод постановил обнародовать его чтением во всех церквях в первый воскресный и праздничный дни перед началом литургии и распорядился совершать ежедневное, с коленопреклонением, повсеместное молебствие «о победе на супостаты». Как бы в параллель и соответствие Высочайшему манифесту, Святейший Синод издал в свою очередь упоминавшееся выше воззвание, которое читывалось в церквях вслед за объявлением манифеста и призывало прихожан к защите веры и Отечества.

17 июля 1812 года Святейший Синод представил императору Александру I доклад, содержащий следующие предложения:

- 1) из прибылей, получаемых от продажи свечей в церквях, отдать полтора миллиона рублей «в пособие к составлению новых сил» (одну половину суммы на Петербургское ополчение, другую — на Московское);
- 2) пригласить епархиальных архиереев, монастыр-

ских настоятелей и прочее духовенство к пожертвованию деньгами, серебряными и золотыми вещами;

3) объявить причетникам, детям священно — и церковнослужителей и семинаристам (не выше риторического класса), что по желанию они могут увольняться в ополчение, получая из церковной кошелевой суммы пособие на одежду и продовольствие¹¹⁶.

Доклад был утвержден Александром I, получив силу императорского указа из Святейшего Правительствующего Синода (от 25 июля 1812 года).

Пожертвования от духовенства поступали в местные духовные консистории, откуда, по согласованию с губернаторами, отправлялись в губернские Комитеты народного ополчения. Епархиальные архиереи рапортовали в Святейший Синод о количестве собранных средств и о лицах, пожелавших поступить в ополчение. Просмотрев эти рапорты и произведя необходимые подсчеты, удалось установить следующее.

Пожертвования православного духовенства на создание народного ополчения¹¹⁷

Таблица № 1

Епархии	Деньги				Изделия, слитки и иностр. монеты		
	ассигнации	серебро без лажа	серебро с лажем	золото	медь	серебро	золото
Архангельская	3027 р. 5к.	15 р. 90к.				6 золотников	9 иностр. монет
Астраханская	14567 р. 40к.					85зол. 6 медал. 2 вещи	1 иностр. монета
Владимирская	21511 р. 30к.	1380 р. 90к.			3314 р. 89к.	21фунт 33зол.	
Вологодская	23765 р.	272 р. 75к.		60 р.	44 р. 93к.	28,5ф. 30зол.	

Вольно-Житомирская	3438 р. 73к.	6773 р. 33к.			60 р.		
Воронежская	49572 р. 27к.	386 р. 55к.					19 ф. 33зол.
Вятская	13646 р. 85к.	222 р. 60к.			10 р.		16 ф. 56 зол., 9 медалей 1 иностр. монета
Екатеринославская	11830 р.	32 р. 15к.				3 р. 50к.	
Иркутская	958 р. 50к.						23 ф. 22зол.
Казанская	27787 р. 95к.	247 р. 15к.			10 р.		65 ф. 21,5зол.
Калужская	11065 р. 78к.	378 р. 10к.	666 р. 79к.			4 р. 65к.	2 ф. 97 вещей
Киевская	19590 р.	2524 р. 30к.			40 р.	5 р. 3к.	9 пудов 32 ф. 68зол. 3 ф. 47зол.
Костромская	22747 р. 9к.						36 ф. 46зол. 2 ф. 19зол.
Курская	45977 р. 65к.	337 р. 5к.					4 п. 27 ф. 5зол.
Московская ¹¹⁸	126514 р. 80к.	2702 р.			20 р.		19 п. 26 ф. 17зол. 2 ф. 11зол.
Нижегородская	30329 р. 18к.						2 п. 1 ф. 27зол.
Новгородская	36063 р. 56к.	172 р. 65к.				5 р. 50к.	40 ф. 58зол.
Оренбургская	2070 р. 83к.						
Орловская	27495 р.	140 р. 45к.				3 р.	2 иностр. монеты
Пензенская	12614 р. 70к.	456 р. 90к.			21 р.	5 р. 39к.	
Пермская	12595 р. 70к.						20 ф. 13,5зол.
Подольская	4509 р. 59к.	959 р. 49к.			200 р.		
Полтавская	13415 р. 69к.	137 р. 10к.					1 п. 17 ф.

Псковская	12313р. 70к.	62р. 25к.				1п. 8ф. 87,5 зол.	18,5зол.
Рязанская	27938р. 94к.	55к.				4ф. 3зол. 15 медалей	
Санкт-Петербургская	92287р. 29к.	590р. 38к.		110р.		8п. 23ф. 65зол.	83зол.
Слободско-Украинская	12572р. 65к.	79р. 5к.		5р.		2п. 9ф. 6зол.	27зол., 1 иностр. монета
Тамбовская	17166р. 27к.	308р. 14к.				3ф. 58зол.	
Тверская	89283р. 82к.	890р. 45к.		20р.		32ф. 82,5зол.	
Тобольская	12380р.	1р.				19ф. 26,5зол.	
Тульская	19718р. 11к.					2 вещи	
Черниговская	17930р. 35к.	240р. 40к.					
Ярославская	63390р. 85к.	1450р. 30к.	5786р. 20к.		1р. 21к.	2п. 27ф. 82зол.	1ф. 5зол.
Соловецкий монастырь ¹¹⁹	5000р.						
Итого	905076р. 60к.	20761р. 89к.	6452р. 99к.	556р.	3388р. 10к.	60п. 27,5ф. 67,5зол. 30 медалей 101 вещь	10ф. 18,5зол. 14 иностр. монет

Таким образом, практически на всей территории России православное духовенство откликнулось на призыв императора и Святейшего Синода. И хотя новый манифест Александра I (от 18 июля) ограничил район формирования ополчения 16 губерниями, распределенными по трем округам, сбор пожертвований продолжался повсеместно. В тех

губерниях, где ополчение не было назначено, собранные средства поступали в Казенные Палаты и составляли так называемый «Запасный капитал», который бережно хранился в ожидании новых распоряжений.

Помимо вышеприведенных общих цифр, отметим также отдельные, наиболее крупные вклады. Так, Свято-Троицкая Сергиева Лавра внесла 70000 руб. ассигнациями, 2500 руб. серебром и 5 пудов 20 фунтов 20 золотников серебра в вещах и слитках¹²⁰; Александро-Невская Лавра — 25225 руб. ассигнациями и 5 пудов 37 фунтов 85 золотников серебра¹²¹.

Жалованье священнослужителей было невысоким, при этом многие из них жертвовали на ополчение от половины до полной суммы своего годового содержания. Например, протоиерей Казанского кафедрального Благовещенского собора Борис Поликарпов внес свое годовое жалованье — 160 руб., а архимандрит второклассного Казанского Спасо-Преображенского монастыря Епифаний — полугодовое жалованье — 300 руб.¹²²

Своим примером и проповеднической деятельностью православное духовенство вдохновляло представителей других сословий к активному участию в организации отпора врагу. В этом смысле показателен случай, произошедший 25 июля 1812 г. в г. Тамбове во время заседания Дворянского собрания, рассматривавшего вопрос о создании ополчения. Преосвященный Иона, епископ Тамбовский и Шацкий, совершив Божественную литургию, во всем облачении вошел в дом, где проходило собрание, исполнил молебственное пение с коленопреклонением и обратился к дворянству и купечеству с краткой речью, призвавшей «ополчиться единодушно и сокрушить зубы

скрежещущего врага», доказать, что «мы за святость веры, за дом Божией Матери, за честь и славу великого Монарха нашего готовы победить или умереть»¹²³. Иона первым подписал в открытой для приношений книге 3000 руб. на создание ополчения. Этот поступок, по словам очевидца, «побудил все состояния к похвальному соревнованию»¹²⁴.

Желающих поступить в ополчение среди лиц духовного сословия было меньше тех, кто сдавал деньги на его создание. В некоторых епархиях таковых вообще не оказалось. Вышеупомянутые рапорты епархиальных архиереев содержат по этому вопросу следующие данные.

Численность духовенства, поступившего в ополчение¹²⁵

Таблица №2

Епархий	Численность людей духовного сословия, поступивших в ополчение
Астраханская	1
Владимирская	5
Вологодская	8
Вольинско-Житомирская	5
Воронежская	28
Казанская	79
Калужская	50
Киевская	37
Костромская	31
Нижегородская	5
Новгородская	31
Подольская	75
Слободско-Украинская	9
Тамбовская	1
Тульская	36
Черниговская	11
Итого	412

Среди поступивших в ополчение значительное место занимают ученики духовных академий, семинарий и уездных училищ. Так, Казанская духовная академия дала 56 человек, Киевская — 22, Калужская духовная семинария — 50, Нижегородская — 2, Харьковский Коллегиум — 8. Известно, что ученик Костромской духовной семинарии Василий Яхонтов, служивший в ополчении урядником, за успехи был награжден чином унтер-офицера¹²⁶. Семинаристы выше риторического класса, несмотря на готовность защищать Отечество, в ополчение не допускались, так как это противоречило указу императора из Святейшего Синода от 25 июля 1812 года (отказано было, в частности, студентам богословия Тульской духовной семинарии Ивану Гостеву и Петру Лукину)¹²⁷. На том же основании отказ получали и дьяконы (например, Климент Иванов — дьякон Рождественской Новгородской церкви)¹²⁸. Однако некоторые из них (Петр Иванов — Нижегородская Единоверческая церковь, Андрей Петров — Нижегородская церковь сошествия Святого Духа, Максим Никитин — Нижегородская Троицкая церковь) все же снимали с себя дьяконский сан и поступали в ополчение. После войны Святейший Синод, как правило, отказывал им в возвращении дьяконского сана, ибо последний был сложен ими добровольно¹²⁹.

При отрядах народного ополчения, так же как и при полках регулярной армии, должны были состоять священнослужители. Поэтому при формировании ополчения губернаторы, как правило, обращались к епархиальным архиереям с просьбой назначить туда священников, которых называли «духовными вождями, способными

внушать новоизбранным воинам их обязанности и побуждения не щадить жизни для защиты веры, царя и Отечества»¹³⁰.

Рассмотрим в качестве примера деятельность духовенства Санкт-Петербургского ополчения. Оно было сформировано в августе 1812 г. и состояло из 15 дружин, разделенных на два отряда, которые выступили в поход соответственно 3-го и 5-го сентября.

1 сентября состоялось торжественное освящение знамени, которое представляло собой белое полотнище с восьмиконечным крестом посередине и надписью по обеим сторонам: «Сим победиши». По углам, в лавровых венках под коронами, находилось вензелевое изображение имени Александра I. Освятив знамя, митрополит Амвросий окропил святой водой и ополченцев. 3-го и 5-го сентября, перед выступлением I-го и II-го отрядов, состоялась молебен с коленопреклонением о ниспослании победы, в котором принял участие и император Александр I. Важность происходившего подчеркнул в своих воспоминаниях участник II-го отряда ополчения Б.В. Штейнгель: «Что могло сравниться с сею величественною картиною? — Царь, обладатель почти полсвета, определяющий судьбу миллионов, отпуская верноподданных, аки сынов своих на поражение врагов, на царство Его дерзнувших, со всем воинством и тьмочисленным собранием народа, под открытым сводом небес, преклоняет колена пред Царем царствующих, и со умилением сердца молит Его о помиловании и заступлении!.. Всеобщие слезы, всеобщее умиление, всеобщее благоговение показывало, что россияне не имеют ничего сходного с врагами своими: нечестие сих еще не заразило души рос-

сов, одна только ветреность, одно легкомыслие, молодости свойственное, одна перенятая наружность и пустословие сближало доселе некоторых детей Севера со служителями корсиканца... Но да отпустят мне они восклицания, из тронутой глубоко души моей исшедшие. Я был в сие время в числе молящихся с оружием в руках! — Нужно ли после сего еще что-либо сказать в свое извинение?»¹³¹ После окончания молебна митрополит Амвросий обратился к ополченцам с речью и вручил начальнику I-го отряда ополчения тайному советнику А.И. Бибикову икону Спасителя, а начальнику II-го отряда генерал-майору Бегичеву — икону св. князя Александра Невского. Получив икону, — вспоминает Б.В. Штейнгель, — Бегичев произнес: «Клянитесь, ребята! Пока живы будем — не оставим оную!» — И все, перекрестясь, единодушно воскликнули: «Не оставим! Рады умереть за веру и Царя, отца нашего!»¹³²

В Петербургское ополчение митрополитом Амвросием были назначены священники: Петр Виноградов, Петр Песоцкий и Алексей Кедров, а также причетники: Андрей Марков, Алексей Матвеев и Василий Иванов¹³³. Петр Виноградов был определен священником в I-й отряд, Петр Песоцкий — во II-й. После взятия Полоцка в октябре 1812 г. П. Песоцкий был оставлен в городе при раненых и больных, а П. Виноградов с этого времени и до конца похода был священником всех 15 дружин¹³⁴. Он находился под неприятельским огнем в сражениях: при Полоцке (6-8 октября), при Чашниках (19 октября), при Смольянах (1-2 ноября), при Борисове (15-16 ноября), при реке Березине (17-18 ноября). В июне 1814 г. он вернулся с Петербургским ополчением из заграничного

похода и был награжден камилавкой, которую митрополит Амвросий возложил на него прямо на Исаакиевской площади, где состоялась торжественная встреча ополчения¹³⁵. В 1816 году отец Петр Виноградов, состоявший тогда ключарем Петропавловского собора, был награжден медалью, учрежденной в память событий 1812 года¹³⁶. П. Песоцкий вернулся в Санкт-Петербург в начале января 1813 г., за участие в войне был награжден саном протоиерея и наперсным золотым крестом. Затем он служил в Андреевском соборе на Васильевском острове¹³⁷. Сведений о судьбе Алексея Кедрова найти не удалось.

19 октября 1812 г. из Санкт-Петербурга были отправлены еще три дружины ополчения: 16-я, 17-я и 18-я. С этим III-м отрядом в поход выступил протоиерей Алексей Шашкевич¹³⁸. Он находился в ополчении всю кампанию, участвовал в сражениях, поощряя воинов к защите Отечества. За усердие был награжден наперсным крестом. В октябре 1814 г. на обратном пути в Россию, под Варшавой, протоиерей А. Шашкевич скончался¹³⁹.

Петербургское ополчение, вернувшееся из заграничного похода, 12 июня 1814 г. было торжественно встречено православным духовенством во главе с митрополитом Амвросием на Исаакиевской площади. Здесь был совершен благодарственный молебен, а знамя ополчения помещено в Исаакиевский собор.

У ополчений практически всех губерний в походах были иконы и освященные хоругви. (Московскому ополчению император Александр I передал образ преподобного Сергия Радонежского, присланный ему митрополитом Платоном.) После войны, по просьбе начальников

ополчений 3-го округа, бывшие у них освященные хоругви были поставлены в соборных церквях губернских городов (Нижем Новгороде, Костроме, Пензе, Ярославле, Симбирске, Казани, Рязани) «для незабвенной памяти потомству эпохи прошедшей войны»¹⁴⁰.

На территории внутренних губерний (особенно в Смоленской и Московской) Великая армия, как известно, столкнулась с активным сопротивлением мирного населения. Среди партизан было немало церковнослужителей и даже священников, которые часто являлись организаторами и руководителями крестьянских отрядов. Вступать в вооруженную борьбу с неприятелем их нередко побуждало варварское отношение последнего к церковным святыням. Так, священник села Крутая гора Юхновского уезда Смоленской губернии Григорий Лелюхин, увидев, что отряд французских мародеров (человек 50) ограбил церковь и осквернил алтарь, убедил своих прихожан устроить погоню. Вооружившись топорами и вилами, крестьяне неожиданно напали на грабителей в лесу и, перебив их, отобрали церковное имущество. Воодушевленные удачей крестьяне вскоре увеличили свой отряд до 200 человек. На колокольне храма они посадили сторожевого, который при приближении мародерских отрядов звонил в колокола, и крестьяне во главе с отцом Григорием отражали нападение¹⁴¹.

Таким же образом действовали жители Гжатского уезда: при появлении французских мародеров священники поднимали тревогу посредством колокольного звона, и сбежавшиеся прихожане защищали церкви и свои жилища. Благодаря этому храмы в селах Сосницы, Чали, Дора были спасены от разорения¹⁴².

Руководителями крестьянских отрядов в Смоленской губернии были также дьячок г. Рославля Савва Крастелев, погибший при столкновении с неприятелем у деревни Козловки¹⁴³, и пономарь села Савенок Сычевского уезда Алексей Смирягин, награжденный знаком отличия Военного ордена за отнятие у французского офицера ордена Почетного Легиона и четырех карт Российского государства¹⁴⁴.

Дьячок села Вяземского (позже — Межуречье) Дорогобужского уезда Смоленской губернии Иван Соколов, придя домой со своим приятелем (крестьянином), застал там шесть спящих французов. Взяв лежавшее здесь же оружие, друзья перебили непрошенных гостей. Неприятеля поймали дьячка и, нещадно избив, поставили у опушки леса для расстрела. Однако Соколову, получившему три легких раны, удалось скрыться бегством в лесу¹⁴⁵.

Пономарь села Кремьяное Дорогобужского уезда Борис Оглоблин был членом крестьянского партизанского отряда, возглавляемого отставным поручиком И.М. Тарнавским и титулярным советником Е.И. Верховским. Этот отряд, защищая окрестные селения, перебил «немалое количество неприятеля». При защите храма в селе Кремьяном Оглоблин получил ранение в правую ногу¹⁴⁶.

Священник села Тарбеево Сычевского уезда Петр Протопопов с дьячком Иваном Белявским и прихожанами взяли в плен 23 вооруженных француза и передали их прибывшему туда отряду казаков во главе с полковником Чернозубовым¹⁴⁷.

В Московской губернии во главе одного из крестьянских партизанских отрядов стоял священник Верейского

Рождественского собора Иоанн Никифорович Скобеев. Его заслуги особенно проявились при штурме г. Вереи генерал-майором Дороховым. Собрав тысячу крестьян Вышегородской волости, Скобеев с их помощью срыл на Земляном валу сделанные французами укрепления, «изыскал во многих домах скрывшихся неприятелей, сжег неприятельские ворота, фуры и брички». Кроме того по просьбе Дорохова, отец Иоанн собрал 500 конных вооруженных крестьян, которые усилили его корпус, и подготовил семь подвод для раненых воинов. Крестьяне с полной готовностью шли на все призывы Скобеева, который, по его собственным словам, «будучи более 20 лет увещателем во всех присутственных местах, был совершенно им известен и по известности снискал от них к себе доверенность и уважение»¹⁴⁸.

Партизанскими подвигами отличился также дьячок села Рюховского Волоколамского уезда Московской губернии Василий Григорьевич Рагузин, организовавший из 500 крестьян воинский отряд, успешно защищавший от неприятеля окрестные селения. Не ограничиваясь партизанскими набегами, Рагузин нес также разведывательную службу. С этой целью он получил от начальства открытый лист, согласно которому крестьяне должны были предоставлять ему подводы и всячески содействовать. После войны Рагузину было дано письменное свидетельство следующего содержания: «1812 года сентября с 13-го по 12 октября он, Рагузин, был посылаем в разные места для разведывания неприятеля и собирал во многом числе из разных селений с вооружением крестьян, с которыми и вместе с казачьими отрядами ездил для поражения рассеянного по селениям Ружского, Можайского

и Гжатского округов неприятеля несколько раз, где всегда был храбр и неустрашим»¹⁴⁹. В награду за подвиги Рагузин был Высочайше награжден серебряной медалью для ношения в петлице и получил 400 рублей ассигнациями для поправления своего материального состояния.

Конечно, духовное сословие в силу специфики своего положения не могло в массовом порядке принимать непосредственное участие в вооруженной борьбе. Оно выполняло иные общественные функции, соответствующие его сану, и делало это образцово. Большая часть духовенства не покинула своих мест, спасаясь бегством, а осталась со своей паствой, терпеливо разделив с ней лишения. Там, где храмы не были до основания разграблены и осквернены, священники отправляли богослужение и исправляли требы, что было очень важно для народа в такое трудное время. После войны Московский генерал-губернатор Ф.В. Ростопчин, собирая сведения о поведении обывателей, находящихся в его ведомстве, отдал справедливость «достохвальному поведению духовенства», которое во время пребывания врага в Москве и Московской губернии «не переставало исполнять обеты своего священного сана, напоминая народу словом и делом обязанности его перед Богом и Царем». По мнению Ф.В. Ростопчина, «внушения служителей Православной Церкви преобразили смиренных поселян в мужественных защитников блаженного Отечества нашего — принявших смерть за веру и верность. Словом Божиим оживотворенные жители положили оплот коварным замыслам врага и определили ему погибель». По просьбе Ф.В. Ростопчина, Преосвященный Августин предста-

вил Святейшему Синоду к награждению наперсными крестами за отправление богослужений в оккупированной Москве следующих священнослужителей: священника церкви Рождества Пресвятыя Богородицы, что на стрелке, Алексея Иванова; священника Троицкой церкви Егора Семенова; священника церкви Максима Блаженного, что на Варварке, Игнатия Иванова; священника Рождественской церкви, что в доме княгини Голицыной, Исидора Дмитриева; священника Казанской церкви села Коломенского Афанасия Ипатова (отправлял богослужение и исправлял требы один при пяти церквях, находящихся в окрестных селениях). Протоиерей Преображенской, что на Глинницах, церкви Петр Семенов, отправлявший богослужение в своей церкви и понесший тяжелые раны от врагов, «за усердие и за ревность к служению своему» был награжден крестом, украшенным алмазами¹⁵⁰.

Духовенство утешало страждущих прихожан, укрепляло их моральный дух, предохраняло от паники. Так, священник села Новоспасского Ельнинского уезда Смоленской губернии Иоанн Стобровский, после оставления села помещиком Глинкой, остался с крестьянами один. В праздничные дни он отправлял богослужение и молился о низвержении супостата. Ободряя сердца крестьян, он говорил, что настоящее бедствие прекратится. Крестьяне, воодушевленные его словами, неоднократно отражали набеги мародеров. 30 августа 1812 г. отряд французов, состоявший из 70 человек, окружил церковь, в которой проходило богослужение. Внутри храма началось волнение. Одни крестьяне затворяли церковные врата, другие наоборот хотели бежать. Отец Иоанн, обратясь к прихо-

жанам, провозгласил: «Куда вы, дети? Стойте и молитесь Богу! Бог не оставит нас Своею защитой и оружие наше — Крест и молитва. Пред ними повергнутся в прах нечестивцы, дерзающие на храм Господний. Не думаете ли вы спастись вне церкви? Нет! Да и можете ли вы равнодушно и без соболезнования взирать на святыню, повергающуюся разорению злодеев? Умрем лучше, но не будем свидетелями сего поругания! Смерть каждому доставит мученический венец. Молитесь, дети! Бог защитит нас и святую церковь». Эти слова успокоили богомольцев. Между тем французы, тщетно пытавшиеся пробить железные двери и решетки, сделали выстрел из ружья в окно и удалились. (После ухода неприятельского отряда отец Иоанн отнес всю церковную утварь в лес. Таким образом церковь была спасена от разорения)¹⁵¹.

Внушая верность царю и Отечеству, духовенство вдохновляло народ на борьбу с врагом. В этой борьбе крестьяне часто проявляли излишнюю жестокость (рубил пленным французам головы или закапывали их в землю живыми). Некоторые исследователи пытаются объяснить это грубостью и невежеством русского народа (В.П. Алексеев)¹⁵² или религиозной пропагандой, которая «фанатизировала» необразованный народ (А.И. Попов)¹⁵³. Вопрос о народной жестокости представляется сложным, и его решение требует однозначного ответа. Однако, на наш взгляд, неправомерно объяснять ее церковной пропагандой. Наоборот, призывая к борьбе с врагом, священники всегда выступали против ожесточения (ибо враг — тоже человек, созданный по образу и подобию Божию). Всеобщий взрыв народного гнева вызвало

во многом неуважение завоевателей к православной вере, разграбление и осквернение храмов и истязание священнослужителей с целью выяснить, где спрятаны церковные сокровища. Например, священник Смоленского кафедрального собора Василий Широкий был затравлен собаками прямо в храме за то, что не позволил французскому офицеру украсть серебряное кадило.¹⁵⁴ В Москве были до смерти замучены священник Сорокосвятской церкви Петр Вениаминов, священник Георгиевского монастыря Иоанн Алексеев, иеромонах Знаменского монастыря Павел, одна из послушниц Алексеевского монастыря.¹⁵⁵ Во многих московских монастырях неприятели нещадно избивали монахов, таскали за волосы и бороду, заставляли таскать тяжести. Ученик Славяно-греко-латинской академии А. Рязанов, проходя в оккупированной Москве по Ордынке, встретил трех поляков, которые пытали мужчину с «окладистой черной бородой»: двое держали его за руки, а третий «насекал острием сабли его обнаженную спину», приговаривая: «Сказывай, поп, где зарыто церковное серебро и золото?» Мученик кричал от невыносимой боли и клялся, что «он не священник, а московский купец, зашедший в храм только помолиться Богу». Однако палачи не верили ему, утверждая, что его «борода — явная улика», которая выдает в нем «попа этой церкви».¹⁵⁶ По словам аббата А. Сюрюга, отправлявшего службу в московской церкви Святого Людовика Французского и наблюдавшего за поведением оккупантов в Москве, «церкви превращались солдатами самым бесцеремонным образом в бойни, гауптвахты, конюшни. Наконец даже уважение к праху умерших было нарушено. Никогда взятый приступом

город не был свидетелем подобных сцен, и сами французские офицеры признавались, что со времен Революции французская армия не была до такой степени деморализована»¹⁵⁷. Неудивительно, что такие завоеватели в представлении русского народа перестали быть людьми. На них смотрели как на «нехристей», варваров, которым можно было отвечать жестокостью на жестокость. Эту же мысль выразил М.И. Кутузов в ответе Наполеону на его предложение прекратить партизанскую борьбу, так как правильное понимание войны исключает участие в военных действиях мирного населения: «Народ разумеет войну эту нашествием татар и, следовательно, считает всякое средство к избавлению себя от врагов не только непредосудительным, но похвальным и священным»¹⁵⁸.

Таким образом, на всей территории России духовное сословие внесло определенный материальный вклад в организацию ополчения. На оккупированной территории приходские священно— и церковнослужители ободряли прихожан и проводили патриотическую работу по организации движения сопротивления. Наконец, не менее важной в 1812 г. была деятельность военного духовенства, безотлучно находившегося в регулярной армии. Своей пастырской деятельностью оно готовило армейскую паству к тяжелым испытаниям и само являлось не только свидетелем, но и участником переходов и сражений.

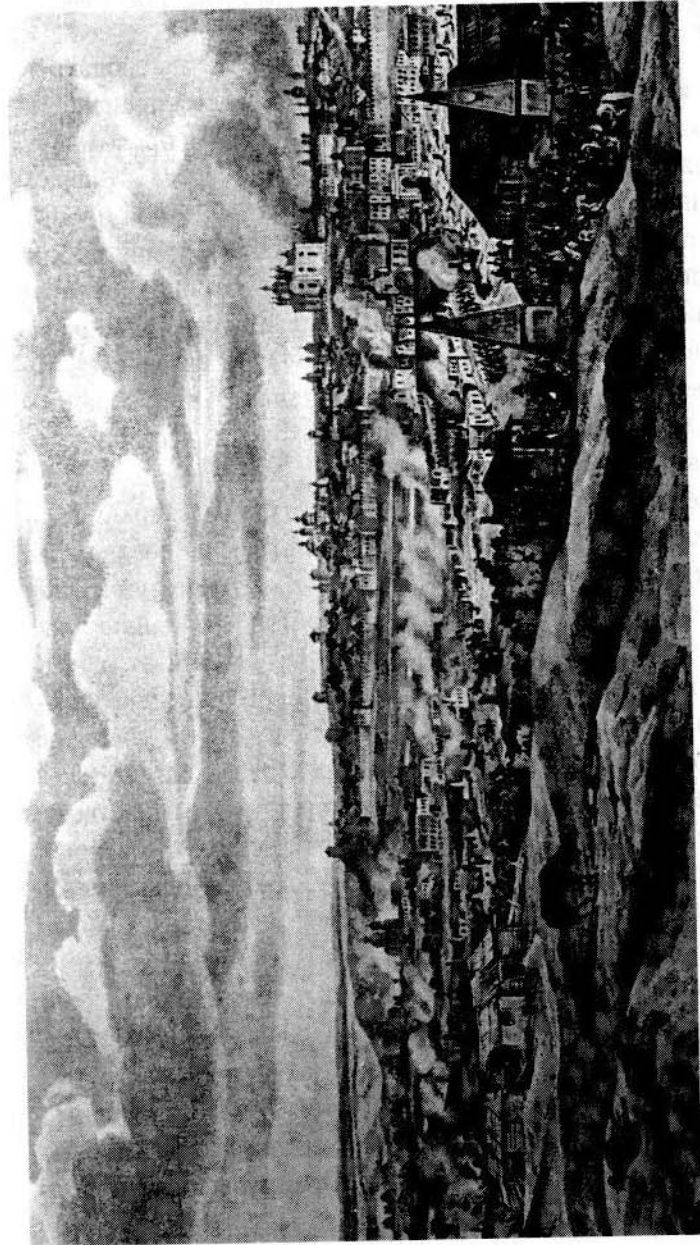
Духовенство в регулярной армии

Как показано выше, основной задачей военного духовенства было удовлетворение религиозных чувств воинов через совершение богослужений и треб. В военное время для них это было особенно важно, так как постоянные опасности и возможная гибель требовали духовной поддержки. Каждый полк имел своего священника, свою походную церковь и, как правило, свою икону, считавшуюся покровительницей этого армейского подразделения.

Во время Отечественной войны в русской армии находилась также общая святыня — Смоленская икона Божией Матери, воспринимавшаяся всеми как истинная Путеводительница — Одигитрия¹⁵⁹. 5 августа 1812 г., при оставлении русской армией г. Смоленска, эта икона по распоряжению генерала А.П. Ермолова была вынесена из Благовещенской церкви, где она временно находилась в связи с перестройкой Одигитриевского храма — места своего постоянного пребывания. В своих записках А. П. Ермолов отметил: «Я приказал вынести из города образ Смоленской Божией Матери, укрывая его от бесчинств и поруганий святыни. Отслужен молебен, который произвел на войско полезное действие»¹⁶⁰. Молебен проходил на городской площади при большом стечении народа. Священник, читавший Евангелие, закончил чтение словами: «Пребысть же Мариам с нею яко три месяцы и возвратися в дом свой». (Интересно заметить, что икона вернулась в Смоленск ровно через три месяца.) Генерал М. Б. Барклай де Толли, исполнявший обязан-

ности главнокомандующего, распорядился, чтобы Смоленская икона Божией Матери «постоянно следовала за войсками». Для ее охраны им была назначена 1-я артиллерийская рота 3-й пехотной дивизии под командованием полковника Глухова. Чудотворную икону обшили холстом и установили «на ходу взорванного зарядного ящика». 17 августа в Царево-Займище главнокомандующий М.И. Кутузов приказал сделать для нее новый китот. Икона Смоленской Божией Матери передвигалась с русской армией, сопровождая ее во всех событиях и битвах 1812 года, вплоть до освобождения Смоленска. По свидетельству генерал-лейтенанта П.П. Коновницына, «войска с благоговением зрели посреди себя образ сей и почитали оный благоприятным залогом Всевышнего Милосердия. При одержании над неприятелем важных побед и успехов приносимы были всегда пред иконою благодарственные молебствия»¹⁶¹.

Накануне Бородинской битвы, 25 августа, Смоленскую икону Божией Матери пронесли по всему военному лагерю. Вечером перед ней в присутствии М.И. Кутузова был отслужен молебен. Участнику сражения Ф.Н. Глинке при описании этого события удалось передать настроение, царившее при этом в русском лагере: «Духовенство шло в ризах, кадила дымились, воздух оглашался пением и святая икона шествовала. Сама собою, по влечению сердца, стотысячная армия падала на колени и припадала челом к земле, которую готова была упоить досыта своей кровью. Везде творилось крестное знамение, по местам слышались рыдания. Главнокомандующий, окруженный штабом, встретил икону и поклонился ей до земли»¹⁶², его примеру последовали генералитет и вся армия.

Вид Смоленска после сражения.
(В. М. Вороновский. Отечественная война 1812 г. в пределах Смоленской губернии. СПб., 1912)

Французы, имевшие возможность наблюдать за русским лагерем, слабо понимали то, что там происходит. Религиозность русского народа они считали проявлением невежества, чувствуя себя носителями разума и цивилизации в стране варваров. Мнение о религиозной процессии русских и сравнение настроений двух армий зафиксировано в воспоминаниях многих французских военачальников. Так, Фэн писал: «Кутузов направил процессию всех чинов, чтобы явить знаменитое чудо, которое хранилось в Смоленске. Каждый солдат обращался с мольбой к символам мученичества, и все встали на колени, повторяя религиозный стих, чтобы обрести дух». Лежен повествовал о том, что «русский генерал» возбуждал в солдатах религиозный фанатизм и «возил перед фронтом армии образ святого московитского епископа, творившего чудеса». «Когда русский военачальник увидел, что его солдаты достаточно растроганы этим необычным зрелищем, — писал Сегюр, — он возвысил голос и стал говорить им о Небе, единственном убежище, которое остается рабам. Во имя религии и равенства он призывал этих закрепощенных защищать имущество их господ. Русские солдаты повиновались не рассуждая, рабство замкнуло их в тесный круг, и все их чувства были сведены к небольшому количеству незначительных потребностей, стремлений и мыслей. Кроме того, не имея возможности сравнивать себя с другими народами, они были самонадеянны и доверчивы в силу своего невежества». Сравнивая русский лагерь с французским, Сегюр отмечал: «У французов не было ни военного, ни религиозного парада, никакого смотра, они не прибегали ни к каким попыткам возбуждения. Французы искали под-

М. И. Кутузов перед Смоленской иконой Божией Матери накануне Бородинской битвы.
С картины проф. П. О. Ковалевского

(Война русского народа с Наполеоном. 1812 г. СПб., 1910)

крепления в самих себе, будучи уверены, что истинная сила и Воинство Небесное скрываются в человеческом сердце». «У нас не было ни проповедников, ни пророков, ни даже продовольствия, — писал Рапп, — но мы несли наследие долгой славы, мы должны были решить, кто должен установить законы для мира: либо тартары, либо мы»¹⁶³.

Отметим, что «носителей наследия долгой славы» накануне Бородинской битвы Наполеон вдохновлял возможностью прославиться в сражении и разорить имущество чужой страны. Его воззвание заключалось в следующем: «Солдаты! Вот битва, которой вы так желали! Победа зависит от вас; нам она необходима; она даст нам обильные припасы, хорошие зимние квартиры и скорое возвращение на родину. Ведите себя, как под Аустерлицем, Фридландом, Витебском, Смоленском, чтобы самое отдаленное потомство приводило в пример ваше поведение в этот день. Пусть о вас скажут: "Он был в этой великой битве под Москвой"»¹⁶⁴.

П. П. Яковлев, изучавший записки Наполеона, приводит принадлежавшую ему формулу, определяющую качества хороших войск: «Первое качество солдата — способность переносить все труды и лишения. Второе — храбрость. Хороший генерал, хорошие кадры, хорошая организация, надлежащее обучение и строгая дисциплина — вот принадлежность хороших войск; и тогда все равно, за что они сражаются. Впрочем, религиозный фанатизм, любовь к Отечеству и народная слава могут с пользой одушевить новонабранные войска»¹⁶⁵. И все-таки объект поклонения был и у французов. Им была их империя и прежде всего ее олицетворение — Наполеон

Бонапарт, которого солдаты Великой армии боготворили. Денье, описывая французскую армию накануне Бородинской битвы, говорит о «пламенном культе, в котором в этот момент император был идолом»¹⁶⁶. Д. С. Мережковский безграничную преданность Наполеону Великой армии объясняет его связью с революцией. Он отмечает, что людей влечет к Наполеону «древняя мечта о потерянном рае, о Царстве Божиим на земле, как на Небе, и новая — о человеческом царстве свободы, братства и равенства»¹⁶⁷. О Бородинском сражении он пишет: «Может быть, не только французы и русские, но и люди вообще, никогда не дрались с таким ожесточением и с такою равною доблестью, потому что за святыни равные: французы — за мир и Человека, русские — за Отечество и еще что-то большее, сами не знали за что; думали: "За Христа против антихриста"»¹⁶⁸.

5 ноября 1812 г., когда русская армия освободила Смоленск, М. И. Кутузов решил вернуть городу его святыню. В письме к жене (от 7-го ноября) он писал об иконе: «Жаль расставаться, и третьего дня, во время сражения, стояла за батареей»¹⁶⁹.

О решении главнокомандующего Смоленскому духовенству сообщил «дежурный генерал всех армий» П. П. Коновницын. Его письмо, адресованное «старшему духовному чину в Смоленске», передал члену Смоленской духовной консистории протоиерею Алексею Васильеву, первым возвратившемуся в освобожденный город, временный комендант Смоленска майор Горихвостов. В этом письме, в частности, сообщалось, что вместе с иконой, с благодарностью возвращаемой городу русской армией, «следуют учиненные образу вклады

и приношения: 1810 рублей ассигнациями, 5 червонцев золотом и серебра в лому, отбитого у неприятеля, один пуд»¹⁷⁰.

После возвращения иконы г. Смоленску офицеры и солдаты 1-й артиллерийской роты 3-й пехотной дивизии, включенной в 1813 г. в состав Литовского отдельного корпуса, будучи, по словам начальника его штаба Вельяминова, исполнены «чувствами чистейшей христианской набожности и благоговейной благодарности к священному образу Божия Матери, под кровом коего в Отечественную войну в жестоких бранях сокрушалась сила врагов, в ознаменование и памятование того времени» пожелали иметь список с этой иконы, на украшение которой ими была подготовлена «достаточная сумма». Генерал-майор Вельяминов обратился к Смоленскому епископу Иринею с соответствующей просьбой, которая вскоре была удовлетворена¹⁷¹.

Богослужения и молебны, регулярно проводимые полковыми священниками, поднимали моральный дух русской армии, укрепляли ее мужество. Перед сражением, обходя позиции своих полков, священники напоминали солдатам о долге и присяге. На поле брани они напутствовали умирающих под неприятельскими выстрелами, а когда было необходимо, воодушевляли солдат своим личным примером — вставали с крестом в руке впереди полка, увлекая его в атаку.

Согласно данным архива Синода, в 1812 г. в ведомстве армейского духовенства состояло 240 человек¹⁷², около 200 из них участвовали в Отечественной войне. В 1912 г. в журнале «Вестник военного и морского духовенства» были опубликованы так называемые «Краткие

исторические сведения о священнослужителях воинских частей, участвовавших в Отечественной войне 1812 года», где содержалась информация о 188 священниках (и 3-х дьяконах); материал был взят из формулярных списков армейского духовенства, хранящихся в архиве Духовного правления (ныне Ф. 806 РГИА). Данный перечень не является исчерпывающим, так как формулярные списки военного духовенства за рассматриваемый период сохранились лишь частично. На основе послужных списков, приказов о награждениях священнослужителей и других документов, хранящихся в архиве Синода и РГВИА, нам удалось несколько уточнить и расширить этот список. (Выяснено, что в отношении трех человек в «Кратких исторических сведениях...» допущены ошибки: 1) Симеон Адуковский, указанный в этом перечне как протоиерей Грузинского гренадерского полка, поступил в этот полк в 1817 году, прежде (в 1814-1817 гг.) он находился в крепости Сухум, а в 1812-1814 гг. был приходским священником и не принимал участия в походах¹⁷³; 2) Сильвестр Семашкевич, указанный как священник Вильманстрандского пехотного полка, поступил в этот полк в 1816 году; в 1812-1815 гг. он действительно принимал участие в походах, но только в качестве церковника Ахтырского гусарского полка¹⁷⁴; 3) Евфимий Иванов действительно погиб в сражении под Малоярославцем, но он был не военным священником, а приходским (села Скрыпорова Малоярославецкого уезда), оказавшимся на месте сражения¹⁷⁵. Выявлено 200 священников, участвовавших в Отечественной войне и заграничном походе¹⁷⁶. Возраст полковых священников колебался от 30 до 60 лет. Уровень образования также

широко варьировал от высших курсов армейской и духовных семинарий до скромной записи в формулярных списках: «Российской грамоте читать и писать умеет». Окончившие семинарии знали латинский, греческий, немецкий и французский языки, грамматику, физику, красноречие, историю и географию. Благодаря образованию полковые священники (в большинстве своем скромного происхождения) могли свободно общаться с представителями лучших аристократических фамилий — своими однополчанами. Вместе с тем социальное происхождение, а главное, повседневное служение сближали их с солдатами.

В рапортах о награждениях полковые командиры неоднократно упоминали, что священники пользуются всеобщим уважением офицеров и нижних чинов. Подписывали такие рапорты зачастую все штаб — и обер-офицеры полка. На наш взгляд, воспитательная роль армейского духовенства проявлялась прежде всего в том, как его паства вела себя на поле боя. Это и следовало бы считать главным показателем результативности служения священников, которые своей постоянной пастырской деятельностью готовили воинов к ратному подвигу. Но поскольку духовная работа трудно поддается наблюдению и ее последствия проявляются так, что причина их остается незаметной, то награждали священников, как правило, за непосредственное «участие в действительных сражениях» или за выслугу лет в мирное время.

Согласно Высочайшему указу от 18 декабря 1797 г., для белого духовенства (в том числе и военного) были установлены следующие награды: скуфья, камилавка, зо-

лотой наперсный крест, выдаваемый от Святейшего Синода. (Награды давались в упомянутой последовательности: священник, не имевший скуфьи, не мог быть награжден камилавкой; не имевший камилавки, не мог быть представлен к награждению наперсным крестом.) Ордена давались, как правило, после того, как священник получил все вышеупомянутые награды, за исключением особых случаев. В 1812 году первый в истории России и единственный за всю Отечественную войну священнослужитель (священник 19-го егерского полка Василий Васильковский) был награжден орденом Святого Георгия Победоносца 4-го класса¹⁷⁷ (подробно об этом будет рассказано ниже). Из формулярных списков священников и других документов, хранящихся в архиве Синода, известно, что семь священнослужителей (протоиерей Апшеронского полка Онисим Боровик¹⁷⁸, протоиерей Кавалергардского полка Михаил Гратинский¹⁷⁹, протоиерей Кирасирского Военного ордена полка Петр Летницкий¹⁸⁰, протоиерей Олонецкого пехотного полка Иоанн Ящурицкий¹⁸¹, протоиерей Преображенского всей гвардии собора Алексей Торопогрицкий¹⁸², протоиерей Лейб-гвардии Литовского полка Василий Андрианов¹⁸³ и священник 20 егерского полка Дмитрий Тредьяковский¹⁸⁴ во время войны 1812 г. или вскоре после нее были награждены орденом Святой Анны (первые шестеро — 2-й степени, а последний — 1-й степени). Три полковых священника — участника Отечественной войны — Софроний Самборский (Ревельский пехотный полк), Василий Сицилинский (Новгородский кирасирский полк) и Алексей Зиновьевский (Литовский драгунский полк) за отличную службу были награждены орде-

нами гораздо позже (в 20-40-е годы XIX века)¹⁸⁵. Наконец, факт награждения орденами шести полковых священников (зафиксированный в журнале «Вестник военного и морского духовенства» за 1912 год) подтвердить в архиве не удалось. Формулярные списки и приказы о награждениях двоих из них (протоиерея 40-го егерского полка Андрея Белицкого и священника Лейб-гвардии Кирасирского Его Величества полка Василия Ростовецкого) не сохранились. В имеющихся же послужных списках за 1814-1823 гг. остальных (священника Рижского драгунского полка Трофима Златковского¹⁸⁶, протоиерея Курского пехотного полка Павла Моджугинского¹⁸⁷, священника 3-го егерского полка Василия Моисеева¹⁸⁸ и протоиерея Ахтырского гусарского полка Феодора Раевского¹⁸⁹) информации об орденах не содержится. Возможно, что они были награждены ими позже.

За военные подвиги, помимо вышеуказанных наград, полковым священникам иногда жаловались императором золотые наперсные кресты на Георгиевской ленте и золотые наперсные кресты из кабинета Его Величества. Во время военных кампаний с французами 1807-1815 гг. первой награды были удостоены: протоиерей Ахтырского гусарского полка Феодор Раевский, священник Симеон Якубович (с 1807 по 1808 гг. — Московский гренадерский полк, затем — Нашебургский пехотный полк), протоиерей Олонецкого пехотного полка Иоанн Ящурицкий и священник Шлиссельбургского пехотного полка Кондрат Лукашевич¹⁹⁰; второй награды — протоиерей Кавалергардского полка Михаил Гратинский, протоиерей Апшеронского полка Онисим Боровик, протоиерей Екатеринославского кирасирского полка Алексей Карышев

и протоиерей Преображенского всей гвардии собора Алексей Торопогрицкий¹⁹¹.

После Отечественной войны полковые священники, участвовавшие в сражениях, согласно императорскому указу от 22 декабря 1813 г., были награждены серебряной медалью, учрежденной в память войны 1812 года¹⁹². Все духовенство, священнодействовавшее в 1812 году, по Высочайшему манифесту от 30 августа 1814 г. получило крест на Владимирской ленте с надписью «1812 год»¹⁹³.

В приложении к работе дается список 200 выявленных священнослужителей, участвовавших в Отечественной войне 1812 года с указанием: имени священника, полка, в котором он служил, основных сражений, в которых участвовал, полученных им наград, а также некоторых других сведений. Здесь приведем краткие очерки о подвигах и интересных событиях из жизни священнослужителей, особенно отличившихся во время войны.

Священник 19-го егерского полка Василий Васильковский поступил в военные пастыри в 1810 году. Молодой (в 1812 г. ему было 34 года), храбрый и преданный своему делу, он в первый раз отличился 15 июля, в сражении под Витебском. С самого начала боя отец Василий, как писал И.С. Державину шеф 19-го егерского полка полковник Вуич, «по искреннему усердию» шел впереди полка с крестом в руках, благословляя им идущих в атаку воинов. Затем в разгар боя, находясь среди сражающихся, он исповедовал и причащал Святыми Тайнами тяжело раненых и умирающих. Во время своих пастырских трудов Васильковский был ранен в левую щеку. Рана получилась от рикошета ядра, ударившегося около священника в землю, которая, с осколками камней,

Священник Кавалергардского полка Михаил Гратинский совершает богослужение в церкви св. Евыла во время занятия Москвы французами

(Война русского народа с Наполеоном. 1812 г. СПб., 1910)

засыпала его лицо. Не обращая внимания на кровоточащую рану, отец Василий по-прежнему находился в гуще боя, повторяя солдатам, что, осеняемые святым крестом, они обязательно сломят неприятеля. Внезапно Васильковский почувствовал сильный удар в грудь. Пуля попала в середину креста, висевшего на его груди. Крест спас (в буквальном смысле) самоотверженного пастыря, но все же сильная контузия заставила его покинуть поле сражения¹⁹⁴. Этот подвиг принес отцу Василию в награду камилавку, и вскоре, еще не излечившись окончательно, он вернулся в свой полк, деля с ним тяготы и славу.

Новый подвиг, совершенный Васильковским в бою под Малоярославцем, заставил о нем заговорить. Командир 6-го корпуса генерал Д.С. Дохтуров в донесении на имя главнокомандующего отмечал, что священник Васильковский в этом бою, «находясь впереди полка с крестом, своим наставлением и примером мужества поощрял солдат поражать врагов и умирать бесстрашно за веру и Государя»¹⁹⁵. Раненный в голову, он был вынесен с поля боя. По представлению М.И. Кутузова, император Александр I пожаловал Василию Васильковскому орден Святого Георгия 4-го класса¹⁹⁶.

Витебск и Малоярославец — наиболее яркие эпизоды пастырской деятельности Васильковского, всегда отличавшегося высоким подвижничеством. Однако тяжкие труды, раны и контузии подорвали здоровье отца Василия, и 24 ноября 1813 г. он скончался во Франции, во время заграничного похода.

Громкую славу и историческую известность заслужил своими подвигами протоиерей Кавалергардского полка Михаил Гратинский. Сопутствуя полку во всех

походах, бывших с 1806 г. вплоть до Отечественной войны, после генерального сражения при Бородине он отправился для обновления изношенной церковной ризницы в Москву, где был захвачен в плен неприятелем, в силу чего оставался в городе во все время пребывания здесь врага. Принужденный пожарами переходить из одного убежища в другое, подвергаясь унижениям (у него, в частности, были отобраны крест, пожалованный ему императором, часы, платье, бумажник с 600-ми рублями и аттестатом на получение фуража), Гратинский не падал духом и сумел выпросить у французов разрешение отправлять богослужение в одной из уцелевших московских церквей. 15 сентября (в день венчания на царство императора Александра I) в церкви св. Евпла на Мясницкой улице отец Михаил в присутствии всего оставшегося в Москве населения совершил Божественную литургию и молебен с коленопреклонением. «Вся церковь, — писал в своем рапорте И.С. Державину протоиерей Гратинский, — омыта была слезами. Сами неприятели, смотря на веру и ревность народа русского, едва не плакали»¹⁹⁷. С этого дня до самого выступления французов из Москвы Гратинский ежедневно совершал богослужение и в присутствии неприятеля возносил к Богу мольбы о победе русского оружия. После оставления неприятелем Москвы Михаил Гратинский вернулся в свой полк и служил в нем до 1822 года, когда был переведен в придворный собор, где вскоре скончался. Как отмечалось выше, император Александр I за доблестные подвиги наградил протоиерея Гратинского орденом Святой Анны 2-й степени, золотым наперсным крестом из кабинета Его

Величества и крестом на Георгиевской ленте; кроме того причислил к своей главной квартире, а во время заграничного похода сделал своим духовником.

Священник Василий Сицилинский — сын полкового священника Якова Сицилинского, также участвовавшего в Отечественной войне 1812 г., — после окончания армейской семинарии, как один из лучших ее выпускников, собирался поступать в Александровскую духовную академию, однако, не дождавшись приема, который должен был состояться в 1814 г., подал прошение о производстве его в полковые священники. Получив в 1811 г. назначение в Новгородский кирасирский полк и женившись на родственнице обер-священника армии и флота И.С. Державина Анне Прокофьевой, он вскоре принял участие в Отечественной войне. Вспоминая о времени своего поступления в полк, Сицилинский отмечал: «Не на радость шел я, затои страшного Наполеона, которые хорошо были известны нам, сулили полковому служаке только мыканье по белому свету и горе. Но что до меня, то я как-то иначе относился к жизни, чем многие из моих товарищей, и, когда те робели и падали духом, я, перекрестясь и положась во всем на волю Божию, пошел смело, без малейшей боязни»¹⁹⁸. Со своим полком Сицилинский участвовал в сражениях под Смоленском, при Бородине, под Красным. Молодой священник (в 1812 г. ему было 28 лет) вскоре заслужил расположение и доверие полкового начальства. (Под Бородиным ему поручили на сохранение полковые деньги, которые, когда ударили тревогу, он, по его собственным словам, «чуть

было не потерял»; а под Красным — попросили закупить полушубки для людей его полка, начинавших страдать от холода.)

Первый период войны, когда русская армия отступала к Москве, Сицилинский называл временем «ужасным». «Сколько мы вынесли тут горя, — говорил он, — так я и сказать не умею. Увечье, стоны и кровь, русская, родная наша кровь, рекой лившаяся по земле, возмущала меня до глубины души. А судьба белокаменной, к которой стали мы отступать и с которой связывали судьбу своего Отечества, а уныние людей, неуверенность в себе войска и офицеров, засим — грозное зарево огненного моря, в которое погрузилось сердце русское, и суетня жителей Москвы, торопливо спешивших кто с чем и кто куда, не приведи Господь и врагу испытать того, что пришлось вытерпеть нам за это время»¹⁹⁹.

После освобождения территории России Сицилинский принял участие в заграничном походе. Со своим полком он находился в сражениях: при Люцене, Бауцене, Дрездене, Кульме, Лейпциге. За границей, отстав однажды от своего полка, он встретился с казаками, которые попросили его отслужить панихиду о упокоении всех павших из их рядов и, поблагодарив за труд «вещами и деньгами», проводили до Новгородского кирасирского полка.

В 1814 г. указом Святейшего Синода Василий Сицилинский был переведен в лейб-гвардии Финляндский полк. 19 марта 1814 г. при взятии Монмартрских предместий Парижа, а затем — и самой французской столицы Сицилинский шел впереди своего полка с иконой в руках²⁰⁰.

За Отечественную войну 1812 г. и заграничный поход Сицилинский был награжден камилавкой. Интересно заметить, что в 1839 г. он был «командирован к селу Бородину для торжественного молебствия по случаю открытия Бородинского памятника»²⁰¹.

Протоиерей Екатеринославского кирасирского полка Алексей Карышев в течение всей Отечественной войны и заграничного похода находился безотлучно при своем полку, участвовал с ним во всех основных сражениях (при Смоленске, Бородине, Тарутине, Малоярославце, Вязьме, Красном, Дрездене, Кульме, Лейпциге, под Парижем). По донесению великого князя Константина Павловича М.Б. Барклаю де Толли, Алексей Карышев во время сражений «ободрял людей к подвигам благоразумными наставлениями и примером своим приводил к мужеству и неустрашимости, сопутствуя им благословениями», исполнял свой долг «при раненых и умирающих не только своего полка, но и всей дивизии»²⁰². За неустрашимость и мужество в боях Алексей Карышев был награжден золотым наперсным крестом из кабинета Его Величества.

Протоиерей Ахтырского гусарского полка Феодор Раевский принимал деятельное участие со своим полком в походах и боях 1812-1814 годов. Верховом на лошади, с крестом в руках и дароносицей на груди, Раевский ободрял полк помощью Всевышнего, напоминал воинам о важности присяги, данной ими Церкви, престолу и Отечеству. Во время сражений он исповедовал и напутствовал умирающих, погребал убитых. За самоотверженное исполнение пастырского долга под огнем неприятеля Раевский награжден камилавкой и золотым наперсным крестом²⁰³.

Священник 34-го егерского полка Фирс Никифоровский находился при своем полку с первых дней Отечественной войны, ревностно исполняя обязанности пастыря. 15 июля, в сражении при Витебске, во время напутствия раненых на поле битвы, отец Фирс был захвачен в плен, но вскоре, воспользовавшись слабой охраной неприятеля, спасся бегством и присоединился к своему полку под Смоленском. В Бородинском сражении, объезжая позицию своего полка и ободряя солдат, он был ранен в левую ногу, после чего отправлен в госпиталь. Излечившись, пастырь вернулся в свой полк и принимал участие в кампаниях 1814 и 1815 годов²⁰⁴.

Протоиерей Московского гренадерского полка Мирон Орлеанский в Бородинском сражении шел под пушечным огнем впереди гренадерской колонны, бывшей под начальством принца Карла Мекленбургского. Несмотря на сильную контузию бедра левой ноги, он остался в строю и продолжал службу, участвуя в освобождении территории России²⁰⁵. Имя его увековечено на Бородинском памятнике 2-й гренадерской дивизии.

Священник Рязанского пехотного полка Иоанн Зубовский находился с полком в сражениях: при Бородине, под Смоленском, Малоярославцем, Лейпцигом, Бауценом, Парижем. Во время сражения под Смоленском он спас имущество охваченной пламенем Петропавловской церкви, причт которой к тому времени уже оставил город²⁰⁶. (Ведомость спасенных священником Зубовским вещей, хранящаяся в Синоде, содержит следующее: два Евангелия в серебряных окладах (большое и малое), три антиминса, три серебряных

сосуда, два серебряных креста, две ризы, две вышитых золотом матерчатых епитрахили, семь икон, три паникадила, 18 рублей серебром, 90 рублей медью и др.)²⁰⁷. Эти вещи некоторое время хранились в обозе Рязанского пехотного полка, а затем были переданы епархиальному архиерею²⁰⁸.

Священник Серпуховского уланского полка Василий Скляревский в сражении при местечке Забелине (9 ноября 1812 г.) при напутствии умирающих солдат был тяжело ранен саблей и захвачен в плен. После освобождения из плена (в феврале 1813 г.) он участвовал в заграничном походе. В 1814 г. Скляревский был избран императором Александром I в духовники к великим князьям Николаю Павловичу и Михаилу Павловичу во время их пребывания в г. Базеле²⁰⁹.

Священник Белостокского пехотного полка Тит Турцевич, обративший на себя внимание начальства ревностным исполнением пастырского долга, был командирован в г. Баден для совершения богослужения, исповеди и причащения императрицы Елизаветы Алексеевны²¹⁰.

Среди военного духовенства были жертвы: на Бородинском поле погиб священник Черниговского драгунского полка Забуженков²¹¹; ранения и контузии получили 14 священнослужителей.

Имущество полковых священников, дома которых находились на оккупированной врагом территории, было разграблено. После войны по представлению обер-священника армии и флота И.С. Державина Святейший Синод выплатил потерпевшим священникам денежное пособие в размере от 100 до 500 рублей²¹².

Таким образом, во время Отечественной войны 1812 г. русское православное духовенство проводило многостороннюю деятельность, направленную на организацию борьбы с врагом. Кроме того оно заботилось о сохранении культурного достояния страны, значительная часть которого была сосредоточена в храмах и монастырях.

Глава третья

Церковь
и культурно-историческое
достояние России

Забота духовенства о сохранении культурных ценностей

Летом 1812 года, после перехода французской армии через западную границу России и по мере ее продвижения вглубь страны, перед епархиальными архиереями неизбежно встал вопрос о вывозе и сохранении церковных ценностей. Святейший Синод предписал епископам в этом отношении следовать указаниям гражданского правительства (то есть вывозить церковное имущество и выезжать самим после получения от генерал-губернаторов уведомления о необходимости подобных мер). Прибегнуть к таким мерам пришлось архиереям пяти епархий: Минской, Волынской-Житомирской, Смоленской, Московской и Калужской. (Как упоминалось выше, могилевский епископ Варлаам не покинул свою епархию и присягнул на верность Наполеону.)

В архиве Синода сохранились рапорты архиереев «о спасении церковного имущества при приближении неприятеля», где указано, когда и куда оно было вывезено. Что касается содержания вывозимого, то оно характеризуется очень кратко и в самых общих выражениях типа «наиболее ценные вещи», без указания каких-либо цифр и подробностей²¹³. Из вышеупомянутых рапортов следует, что во всех епархиях существовала общая проблема — нехватка подвод, в результате которой вывезти все необходимое не было никакой возможности. Поэтому эвакуации подлежало только самое ценное — лучшие ризницы

Забота о сохранении культурных ценностей

и дорогая утварь из кафедральных соборов, монастырей и архиерейского дома, а также наиболее важные консисторские дела и деньги. Остальное поручалось попечению оставшихся на местах священнослужителей и иеромонахов.

Архиепископ Минский и Литовский Серафим, получивший от Минского гражданского губернатора Добринского извещение о выезде 24 июня (то есть через 12 дней после начала войны), успел вывезти только «церковное серебро архиерейской домово́й церкви, лучшие вещи из архиерейской и братской ризницы» и денежную сумму, принадлежащую его дому. Все остальное было оставлено в Минске «по причине отсутствия подвод»²¹⁴.

Епископ Волынской-Житомирской Даниил в июле-августе перевез в г. Полтаву «состоящие в ведомстве» его «казенные денежные суммы, ризницу и некоторые вещи». В Полтаву также была эвакуирована из г. Острога Волынская духовная семинария²¹⁵.

Смоленский епископ Ириней, получив от гражданского начальства сообщение о близком наступлении неприятеля, 4 августа отправился «по московскому тракту» в г. Дорогобуж — Вязьму — Гжатск — Колоцкий монастырь — Москву — Ярославль, забрав с собой, по его словам, «сколько мог» церковных и ризничных вещей, денег и консисторских дел²¹⁶.

Церковные и монастырские сокровища г. Калуги, после объявления Калужской губернии на военном положении, были отправлены епископом Евлампием на сохранение в г. Орел²¹⁷.

Что касается Москвы, то специальный указ императора Александра I из Святейшего Синода об уборке

и приготoвлении к отъезду ее церковных и ризничных драгоценных вещей вышел 24 августа²¹⁸. Однако епископ Августин, осуществлявший тогда фактическое управление Московской епархией из-за старости и болезни митрополита Платона, понимал, что делать это нужно очень осторожно, чтобы избежать взрыва народного возмущения (подобного восстанию 1771 г. во время эпидемии чумы, когда был убит московский архиепископ Амвросий). Москвичи действительно ревностно следили за наличием в городе православных святынь, на помощь которых они надеялись в это страшное время. По свидетельству графа Ф.В. Ростопчина, жители города проводили добровольные ночные дозоры для удостоверения в том, что чтимые Москвой святые иконы не увезены²¹⁹. Чтобы не смущать народ, Преосвященный Августин, разрешив убирать в безопасные места ризницы, запретил трогать в церквях внешние украшения. Особо почитаемые в Москве иконы Божией Матери — Иверская и Владимирская — находились в городе вплоть до его сдачи. Августин вывез их только в ночь с 1-го на 2-е сентября, получив послание графа Ф.В. Ростопчина, содержащее известие об оставлении Москвы, а также распоряжение императора Александра I о срочной эвакуации этих икон во Владимир. Вывоз драгоценной утвари из ризниц соборов и монастырей начался накануне решения военного совета об оставлении Москвы.

30 августа московский губернатор прислал на архиерейское подворье 300 подвод, которые были разосланы Преосвященным в соборы и монастыри. 31-го вечером в Кремле собрались подводы с сокровищами из ризниц: Московской патриаршей, Успенского, Благовещенского,

Архангельского, Покровского и Верхоспасского соборов, а также большинства московских монастырей: Чудова, Вознесенского, Заиконоспасского, Богоявленского, Новоспасского, Данилова, Донского, Златоустава, Знаменского, Новодевичьего, Покровского, Симона, Крестовоздвиженского, Высокопетровского, Ивановского²²⁰. Здесь же находились драгоценности трех загородных монастырей (Никола-Перервинского, Саввино-Сторожевского и Николаевско-Угрешского), заблаговременно привезенные в Москву их настоятелями²²¹. Получив благословение Преосвященного Августина, 1 сентября на рассвете подводы отправились в Вологду. Руководство обозом было поручено архимандриту Заиконоспасского монастыря Симеону, получившему от Ф.В. Ростопчина открытый лист²²². Спасо-Андрониев и Сретенский монастыри вывезли свое имущество в Юрьев-Польский и Казань²²³. Остальные монастыри — Никитский, Алексеевский, Зачатьевский, Страстной, Георгиевский, Рождественский и Николаевский греческий, а также большинство московских приходских храмов из-за спешки и недостатка подвод эвакуировать свои ценности не смогли²²⁴. Поэтому священнослужители прятали их на местах: зарывали в землю, поднимали под своды церквей. В Никитском, Георгиевском и Николаевском греческом монастырях неприятелям удалось обнаружить и разграбить спрятанное имущество. В Алексеевском, Зачатьевском, Страстном и Рождественском скрытые ценности благополучно сохранились.

Настоятели многих монастырей уехали из Москвы вместе с вывезенными драгоценностями. Вместо них остались наместники. Монахам было разрешено покинуть

город. Некоторые ушли в другие монастыри или к своим родственникам, однако многие предпочли остаться, чтобы разделить участь своих святых обителей. Что касается приходского духовенства, то нам не удалось обнаружить предварительного распоряжения духовного начальства о разрешении или запрещении им покинуть свои храмы. Однако в дневнике адъюнкта Московского университета П.В. Победоносцева, рассказывающего о Москве после нашествия французов, встречается фраза, что два священника Воспитательного дома «едва не лишились мест своих за то, что они без позволения начальства оставили свои места. Государыня, быв о том уведомена, прогневалась, но после изволила простить... Все наказание, под которое они подпали, состояло в том, что лишили их двухмесячного жалованья и отдали оное двум священникам, которые в их отсутствие исправляли требы»²²⁵.

Многие священнослужители (в Москве, Смоленске и других местах) не покинули свои храмы и, нередко рискуя жизнью, исполняли свой долг: защищали церковное имущество, отправляли богослужение и исполняли требы. Как упоминалось выше, неприятели, грабившие храмы и монастыри, истязали духовенство, чтобы выяснить, где спрятаны церковные сокровища. Судя по сохранившимся документам и воспоминаниям очевидцев, подобные явления были довольно широко распространены. Однако священнослужители и монахи, как правило, мужественно переносили страдания, не открывая врагу секретных сведений. Некоторые из них, набравшись смелости, даже обращались к французским военным начальникам с просьбой остановить грабежи солдат, по-

ставить караул к тому или иному храму и разрешить отправлять в нем богослужение.

Так, например, немало сделал для спасения церковного имущества священник Смоленской Одигитриевской церкви Никифор Мурзакевич, которого очевидцы называли «главным духовным распорядителем» оккупированного города. 6 августа 1812 г., когда французская армия вступила в Смоленск и начала грабежи, последним подверглись и 2 тысячи жителей, спрятавшихся в Успенском соборе. Услышав поднявшийся при этом страшный крик, в собор вошел Наполеон со свитой. Мурзакевич осмелился попросить у него «стражу к собору, чтобы не впускать в него нижних чинов». В ответ на просьбу священника Наполеон действительно приказал поставить к воротам ограды и к дверям собора 6 часовых. Этот караул простоял вплоть до 5 ноября, благодаря чему собор остался не разоренным²²⁶.

В тот же день люди Неаполитанского короля И. Мюрата, остановившегося в архиерейском доме, принялись за расхищение архиерейской ризницы и Предтечевской церкви. Узнав об этом, воодушевленный прежней удачей Мурзакевич «решился идти к королю с жалобой». В архиерейских комнатах он встретился с плац-комендантом Аксаментовским, который представил его князю Понятовскому и сообщил, что Мюрат обедает у Наполеона. Понятовский, выслушав Мурзакевича, велел плац-коменданту выгнать из церкви солдат и «забрать то, что застанет священник». В ризнице оказалось 10 французских солдат, сдиравших с архиерейских риз золотые галуны. Выгнав их вон, Мурзакевич перенес в собор 21 пару полных архиерейских облачений и книги, обнаружив

при этом, что часть ценностей бесследно исчезла (например, жалованные царем Алексеем Михайловичем панангии и другие вещи, стоившие более 300 тысяч рублей)²²⁷.

Наконец, в октябре 1812 г., после поражения французов под Тарутином, командир находившейся в Смоленске артиллерии получил повеление снять с колоколен собора и других церквей колокола и перелить их на пушки. Для выполнения этого предписания он потребовал у Мурзакевича ключи от Одигитриевской церкви. Последний бросился в муниципалитет к генерал-интенданту де Виллебланшу, заявив ему, что подобная мера грозит французам большой опасностью со стороны местных жителей, которые сочтут это «за великое оскорбление, за отчуждение от веры». Генерал-интендант довел эту информацию до сведения генерал-губернатора Жумени, который распорядился «до времени» остановить приведение в действие полученного повеления²²⁸.

Особенно много примеров самоотверженной защиты духовенством церковного имущества зафиксировано в документах того времени по Москве и Московской губернии.

Так, священник церкви Живоначальной Троицы Георгий Легонин в рапорте Преосвященному Августину писал, что во время неприятельского нашествия он «спас в своей церкви иконостас от пожара, и сколько мог сохранил в ней ризницу, серебра с пуд, книги и прочую утварь. Видя умирающих от страха христиан, ...испросил дозволение от французского дивизионного генерала и коменданта Димильо служить Божественную литургию и поминать на ней Всероссийского Императора со всею

Священник И. Н. Мурзакевич
(В. М. Вороновский.
Отечественная война 1812 г.
в пределах Смоленской губернии.
СПб., 1912)

Его Августейшею фамилией», причем «для беспрепятственного отправления службы» к церкви был приставлен караул²²⁹.

Священник Спасской на Глинищах церкви Петр Семенов, защищая церковное имущество, претерпел побои от грабителей. Однако, невзирая на «кровавые раны» и разграбление его собственного дома, он все же изыскал возможность обратиться к французскому начальству с просьбой поставить караул к его храму, в котором он вскоре возобновил богослужение²³⁰.

Священник Спасской (в Чигасах) церкви Михаил Георгиев, «острием обнаженных мечей» понуждаемый неприятелями указать, где спрятано церковное имущество, указал на свое собственное, хранимое невдалеке от церковного на сводах, и тем самым спас церковную утварь²³¹.

Священник Константин Васильев, подвергаясь опасности, вывез из уже оккупированной неприятелем Москвы утварь Николаевской в Кобыльском церкви стоимостью около 40 тысяч рублей²³², а верейский протоиерей Будаевский спас образ Владимирской Божией Матери, украшенный серебром, золотом, жемчугом и драгоценными камнями и лучшую утварь, стоимостью в 30 тысяч рублей²³³.

Ценности Грузинской, на Воронцовом поле, церкви (в частности, икона Грузинской Божией Матери) были спасены священником Василием Гавриловым, которому удалось убедить неприятелей, что все церковное имущество эвакуировано начальством²³⁴.

Дьякон Николаявленской церкви Яков Андреев, увидев, что чудотворная икона святого Николая вынесе-

на врагами из храма и поставлена прямо у костра, взял ее и вернул на прежнее место. Потом, «движимый негодованием и ревностью», отправился к французскому начальству и, заявив, что в этой церкви открывается якобы богослужение, попросил вывести живущих в ней французов. Освободив храм от непрошенных «постояльцев», дьякон запер его на замок, благодаря чему французы больше «явно в церковь не входили», правда, «ночью иногда тайно влезали в разбитое ими же окно»²³⁵.

Дьякон Успенской церкви Алексей Яковлев²³⁶, священник церкви Казанской Божией Матери села Коломенское Афанасий Ипатов²³⁷ и священник Вознесенской церкви Алексей Марков²³⁸ подверглись побоям, но не выдали врагу местонахождение церковных ценностей. При этом Алексея Маркова французы подвергли оскорблению: обрили ему голову и бороду²³⁹. Забиты до смерти при защите церковного имущества были: священник Николаевской, в Кошелях, церкви Иван Петров, священник Архангельского собора Иван Гаврилов, священник Николаевской, на Студенце, церкви Алексей Иванов, дьякон Николаевской церкви Михаил Федоров²⁴⁰. Измученные пытками, скончались вскоре после освобождения Москвы священник Николотолмачевской церкви Иоанн Андреев²⁴¹ и священник Николаевской, в Гнездниках, церкви Петр Катышев.

Избив священника П. Катышева, неприятели потребовали, чтобы он пошел с ними в Успенский собор и объяснил предназначение различных вещей. Катышев отказался, сославшись на незнание, после чего вновь был подвергнут жестокому истязанию. Служивший при нем дьякон, испугавшись за жизнь священника, уговорил

французов оставить его, обещая показать им соборного священника, знающего «все это», и показал священника Спасского на бору собора Михаила Онуфриевича Пылаева. Последний под конвоем был приведен в Успенский собор в сопровождении переводчика (Осипа Заборовского) и 10-15 французских офицеров (среди которых, по словам Пылаева, был сам Наполеон). Здесь он был вынужден прочесть и объяснить надписи на иконах. На вопросы французов: «Где находятся ваши архиереи?» и «Где под соборы ход?» Пылаев ответил, что не знает. Затем, угрожая смертью, неприятели заставили его облачиться в архиерейскую одежду. Но поскольку митры в соборе найдено не было и, следовательно, полный наряд не получился, то священник разоблачился. Тогда французы одели на него найденную в алтаре шелковую рясу и бархатную малиновую камилавку, пожалованную в свое время императором Александром I ключарю Успенского собора. Эту одежду Пылаеву было приказано носить в течение всего времени пребывания Великой армии в Москве (в противном случае ему грозил расстрел «под видом казака»)²⁴².

Монахи московских монастырей также подвергались истязаниям. По словам казначея Богоявленского монастыря иеромонаха Аарона, его плечи и спина «целый месяц были черны» от ударов саблями. Тщетно стараясь получить монастырское золото и серебро, французы «таскали» его «за волосы и бороду и наставляли к груди штыки». Ограбленный вплоть до нижней рубашки и измученный «до крайности» «голодом, страхом и побоями», он продолжал заботиться о родной обители. 5 сентября, увидев, что на переднем монастырском дворе загора-

В. В. Верещагин.

На этапе. Дурные вести из Франции.

(“За веру, царя и Отечество.

Отечественная война 1812 года в картинах.” Спб., 1912)

ются стропила под железной крышей, Аарон, собрав последние силы, «залил их водой из кадки»²⁴³. Наместника Новоспасского монастыря Никодима и послушника той же обители французы поставили посреди собора на колени и приказали им исповедываться друг другу, угрожая смертью, если они не откроют место хранения монастырских сокровищ. Однако видя, что угрозы и истязания напрасны, мародеры отпустили их и ограничились разграблением оставшихся в ризнице вещей. Наместника Симонова монастыря иеромонаха Иосифа оккупанты также подвергли «гражданской казни»: приказали ему наклонить голову «для отсечения», однако затем отпустили²⁴⁴. Побоям подверглись также монашествующие Донского, Сретенского, Богоявленского, Знаменского, Покровского, Алексеевского, Георгиевского монастырей²⁴⁵. (Как упоминалось выше, иеромонах Знаменского монастыря Павел и священник Георгиевского монастыря Иоанн Алексеев от побоев скончались).

Отметим при этом, что документы того времени не зафиксировали ни одного случая добровольной выдачи духовенством врагу церковного имущества.

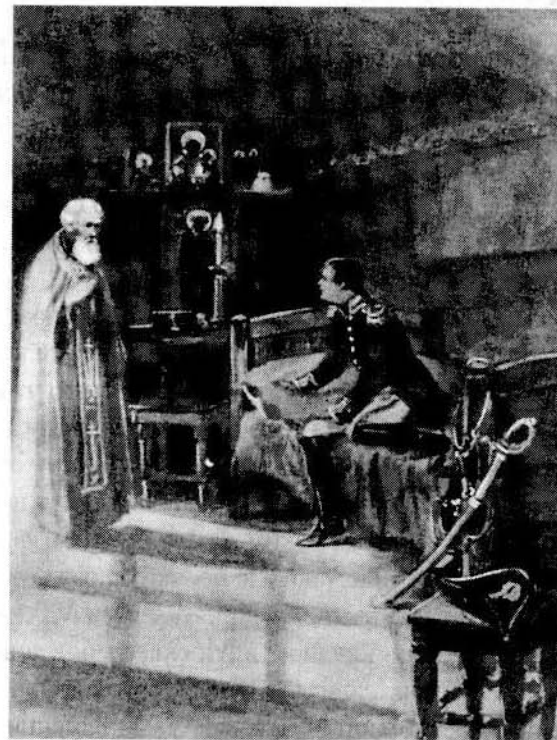
Не в силах равнодушно смотреть на кощунство неприятелей, священно- и церковнослужители нередко делали им замечания, за что подвергались дополнительным побоям и оскорблениям. Так, священник Троицкой церкви, напомнивший двум французам, вошедшим в храм в киверах, что они «тоже христиане», получил от одного из них «сильную пощечину»; а дьякону Петру Андрееву неприятели «до крови разбили лицо» за сделанное в их адрес «обличение, что они сидели на святом престоле, пили и закусывали»²⁴⁶.

Впрочем, среди оккупантов иногда встречались люди, которые относились к православным святыням с уважением или с осторожностью. Так, по словам монахини Новодевичьего монастыря Антонины, начальник остановившихся в их обители солдат Задэра «греха боялся»²⁴⁷. Осматривая монастырь, он посоветовал убрать серебряный крест, Евангелие и другие ценные вещи, пояснив на ломаном русском языке: «Французска солдата вора». По свидетельству монахов Данилова монастыря, квартировавшие у них французы часто заходили в церковь: все осматривали, но ничего не трогали. Один офицер, увидев перед иконой свечу, потребовал себе такую же, но от образа брать не велел. Узнав, что в монастырь должен прибыть отряд конной артиллерии, офицеры предупредили священника: «Это люди нечестивые» и предложили спрятать все ценное. При этом они даже помогли убрать церковные вещи, а приехавшие артиллеристы ободрали раку князя Даниила и сняли одежды с престолов²⁴⁸.

Ценности Саввино-Сторожевского монастыря уцелели благодаря поистине чудесному событию, которое стало известно в России с 1839 года после посещения ее герцогом Максимилианом Лейхтенбергским — сыном вице-короля Италии Евгения Богарне. Отец рассказал ему, что во время пребывания в монастыре ночью к нему в келью (то ли во сне, то ли наяву) пришел старец в черных одеждах и сказал: «Не вели войску своему расхищать монастырь и особенно уносить что-нибудь из церкви. Если исполнишь мою просьбу, то Бог тебя помилует и ты возвратишься в свое Отечество целым и невредимым». Утром принц Евгений пошел в церковь и в одном

из образов узнал своего ночного посетителя. На его вопрос, чей это портрет, монахи ответили, что это святой Савва, основатель монастыря. Евгений Богарне распорядился запереть и опечатать храм и вскоре увел свой корпус из монастыря²⁴⁹. Верность предания подтверждается тем, что в соборной церкви разрушений практически не было. Однако в целом монастырю все же был нанесен определенный ущерб. Особенно пострадали находившиеся на его территории дворец царя Алексея Михайловича и Царицыны палаты. После ухода неприятелей от их интерьера почти ничего не осталось: кровать царя Алексея Михайловича была сожжена, дорогие кресла ободраны, зеркала разбиты, печи сломаны, редкие портреты Петра Великого и царевны Софьи похищены. Известно, что в Саввино-Сторожевском монастыре останавливался также 3-й кавалерийский корпус генерала Груши. Возможно, что разрушения были сделаны этой воинской частью.

В документах и воспоминаниях очевидцев иногда встречаются сведения о защитниках православных святых из среды мирян. Так, крестьянин Алексей Ревягин, увидев, что французский солдат укладывает в свою повозку серебряную ризу с иконы Спасителя из соборного храма Николо-Перервинского монастыря, сначала хотел отобрать ее, но, поняв, что силы не равны, попробовал обмануть грабителя, что получилось весьма успешно. Громко смеясь, он показал сначала на медные пуговицы своего кафтана, а затем — на снятую ризу. Мародер, подумав, что принял медь за серебро, выбросил похищенное. Крестьянин подобрал ризу, спрятал в своем доме, а после ухода неприятелей вернул ее монастырю²⁵⁰.

Видение преподобного
Саввы Сторожевского
принцу Евгению Богарне.
Иллюстрация из журнала
"Петербургский листок", 1912 г.
(Саввино-Сторожевский монастырь)
М., 1998

Купец Пантелей Кувшинников, староста Вознесенской на Гороховом поле церкви, добился от французского начальства запрещения солдатам разламывать окна и рамы в этом храме, в результате чего сохранилась почти вся церковная утварь. Староста церкви Успения в Печатниках купец Григорий Дмитриев спас в своем храме то, что осталось после пожара²⁵¹.

Удивителен поступок купца Четвергова, управлявшего частным пороховым заводом, расположенным недалеко от г. Богородска Московской губернии. Узнав, что французский отряд занял завод и собирается ворваться в церковь, он пришел со своими детьми к начальнику отряда и заявил, что отдает их «в его волю, умоляя пощадить святиню храма». Тронутый таким великодушием, французский военачальник приставил к церкви караул, который охранял ее вплоть до выхода неприятелей из Москвы²⁵².

Некоторые проживавшие в Москве иностранцы, получившие от неприятелей для переплавки церковные серебряные вещи, сохранили их и вернули священнослужителям. Таковы временно-цеховой мастер Николай Петрович Кампиони, передавший священнику Вознесенской близ Сретенки церкви Алексею Маркову 4 пуда 3,5 фунта серебра в слитках и несколько серебряных вещей (потир, дискос, лжицу и 2 блюда), предоставленные ему французами для переплавки, а также проживавшие в доме графа А.С. Строганова иностранцы Георг Дельгин, Иван Шрель, Иван Шнейдер и Иван Шартьер, приславшие Преосвященному Августину (через полицеймейстера Брокера) серебряные и медные ризы с образов и другие вещи, оставленные у них неприятельскими солдатами²⁵³.

Привал французов у стен Саввино-Сторожевского монастыря.
Гравюра XIX века.

(Саввино-Сторожевский монастырь.) М., 1998

Несмотря на все усилия, направленные духовенством и мирянами на сохранение церковных ценностей, православным храмам и монастырям неприятельским нашествием был нанесен огромный ущерб. Поэтому сразу после выхода французской армии из Москвы и по мере освобождения территории России перед императором и Святейшим Синодом встала очередная задача — определить масштаб понесенного ущерба и восстановить разрушенное.

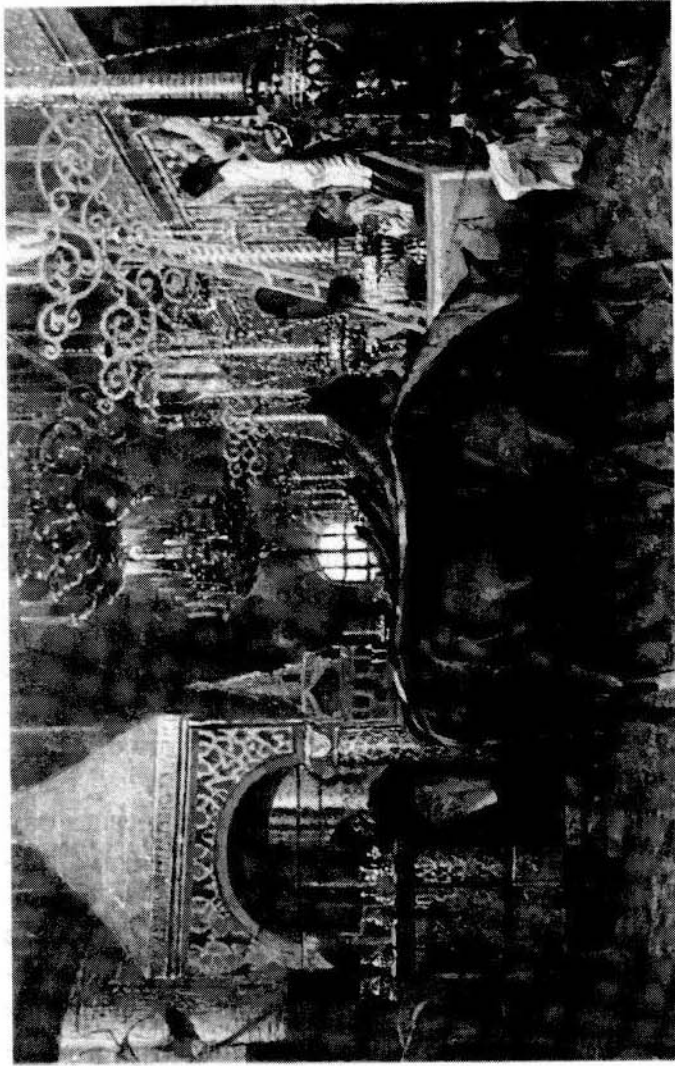

Ущерб, нанесенный Великой армией православным святыням.

Начало восстановления

В октябре 1812 г., получив донесение об освобождении Москвы, император Александр I через обер-прокурора Святейшего Синода князя А.Н. Голицына передал Преосвященному Августину, находившемуся в это время в г. Муроме, отношение, содержащее предписание немедленно «возвратиться в столицу», чтобы «водворить» там «мир церкви, неправедным оружием потрясенный, и восстановить богослужение». При этом подчеркивалось, что присутствие в Москве «архиерея, яко духовного вождя, полезно и необходимо». Ему поручалось освятить уцелевшие от разрушения соборы и церкви, «снабдить храмы священно — и церковнослужителями» и провести «крестное хождение по городу», для очищения его «от скверны иноплеменных»²⁵⁴.

Первые сведения о состоянии святынь древней столицы Августин получил уже на пути в Москву. (27 октября ему доставили письмо Ф.В. Ростопчина, в котором сообщалось об осквернении кремлевских соборов, а 31-го — рапорт сакеллария Успенского собора протоиерея Александра, содержащий подробности о состоянии последнего. В рапорте, в частности, говорилось: «...Собор совершенно неприятелем разграблен. Не только оборвал он со всех святых икон, не оставляя и верхние

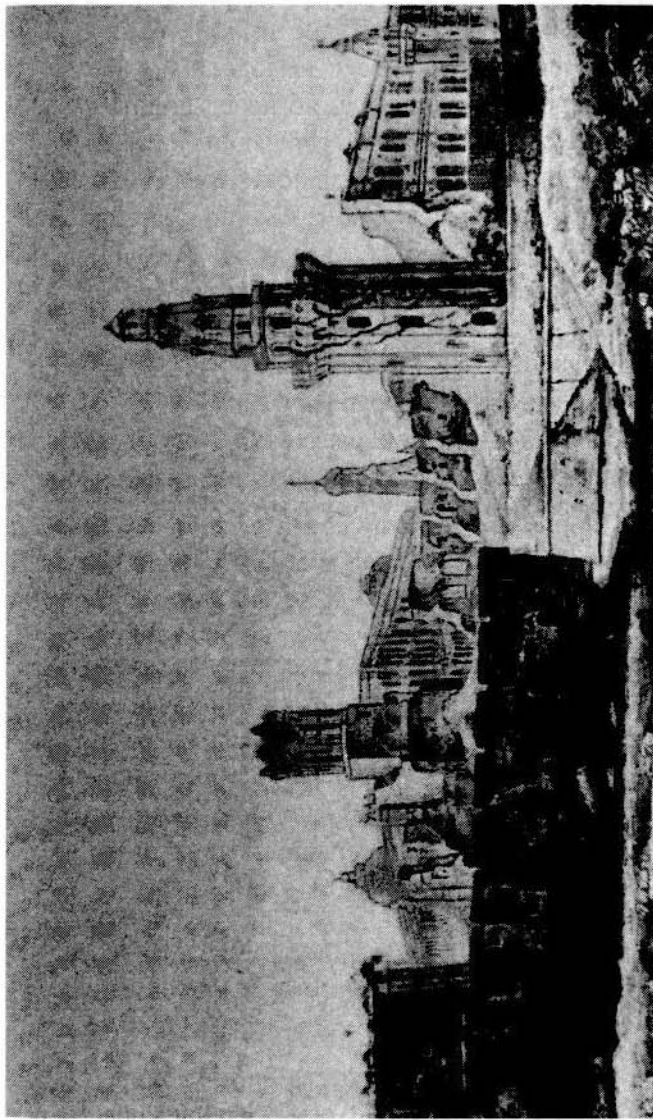
В. В. Верещагин. В Успенском соборе.
(За веру, царя и Отечество. Отечественная война 1812 года в картинах. Спб., 1912)

оклады в иконостасе со всеми их украшениями, но и самые местные и около передних столпов большие иконы, древностию своею доселе прославлявшиеся, похитил или истребил, оставляя одни пустые места. Ковчеги с частями разных святых мощей, три сосуда повседневно употребляемые, два креста серебряные, подсвечники выносные и малые, лампы, большое паникадило, кадилы, блюда, ковши... также похитил. Не оставил никакой утвари, как-то: евангелиев, риз, стихарей, подризников и прочих вещей, потребных к священнослужению... Коснулся и святительских мощей. Святителя Петра раку открыл, но святые останки его остались в раке; святителя Филиппа раку изломал и мощи выбросил, которые я, подняв, положил на святой престол... мощи же святителя Ионы остались неприкосновенными и все в целости. Наконец подорвал колокольню, кроме столпа, под которым имеется церковь Иоанна писателя лестницы; но и тот поврежден, от чего все окончины выбиты...»²⁵⁵. (Чуть позже выяснилось, что в Успенском соборе неприятели устроили горн для переплавки риз с икон и других серебряных и золотых вещей. На одном из столпов собора была найдена надпись, гласившая, что здесь переплавлено 325 пудов серебра и 18 пудов золота. В результате роспись на стенах сильно пострадала от копоти. Кроме того в соборе держали лошадей (пол был покрыт навозом, а в иконостас были вбиты гвозди для конской сбруи). Многие иконы оказались исцарапанными, а некоторые оскверненными «лишением глаз». Впоследствии иконописцам пришлось поновить 375 икон. Ущерб, нанесенный Успенскому собору, составил 192135 рублей.)²⁵⁶

Приехав в Москву, Августин принялся за ее благоустройство. Прежде всего он осмотрел Кремль, наиболее древнейшие храмы и монастыри и распорядился собрать сведения о состоянии всех московских обителей и церквей после неприятельского нашествия.

Вид Москвы после пребывания в ней французской армии представлял собой плачевное зрелище. Особенно пострадал Кремль. Его внутренняя часть была завалена горами мусора и камней, образовавшимися от взрыва Филаретовской колокольни, Рождественской церкви, некоторых башен, стен и арсенала. При выходе Великой армии из Москвы маршал Мортье, по приказу Наполеона, подготовил широкомасштабный взрыв Кремля, однако все его соборы и монастыри остались целы. Дело в том, что после нескольких первых взрывов начался проливной дождь, в результате которого порох в подкопах отсырел и проведенные к пороховым бочкам фитили погасли. Интересно, что при взрыве Никольской башни, верхняя часть которой была совершенно разрушена, остался невредимым образ святого Николая Чудотворца (причем не только сам образ, но также прикрывавшее его стекло и висевший перед ним фонарь)²⁵⁷. Сохранилась также и икона Спасителя на Спасских воротах, хотя от Спасских ворот до Москва-реки стены Кремля были взорваны.

Архангельский и Благовещенский соборы, также как и Успенский, были разграблены. Оккупанты содрали ризы и украшения с икон и рак со святыми мощами. При этом мощи царевича Дмитрия они выбросили на пол. Священник Вознесенского монастыря Иван Яковлевич Вениаминов подобрал их и спрятал в соборной церкви

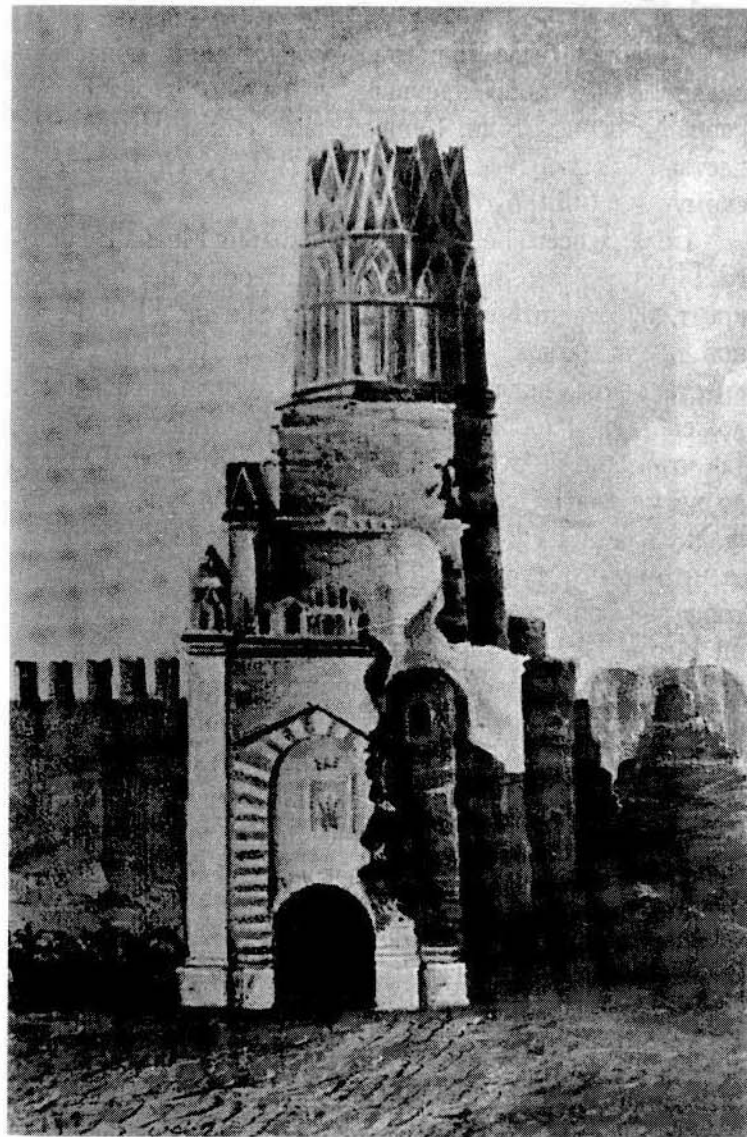
Разрушения в Кремле. Вид Никольской башни.
(К. И. Добрынин. Памятный год (1812). М., 1912)

своего монастыря (над царскими дверьми, за иконостасом). Через месяц после выхода неприятелей из Москвы священник скончался, но перед смертью сообщил о мощах своему брату — священнику Казанской в Сущеве церкви Василию. Последний передал эти сведения Преосвященному Августину, и мощи царевича Дмитрия были торжественно перенесены в Архангельский собор. (При освящении собора 1 февраля 1813 г. отец Василий был награжден набедренником. На исправление Архангельского собора было затрачено 2560 рублей, а Благовещенского — 9600 рублей)²⁵⁸.

В Верхоспасском соборе, также разграбленном, стенная живопись была испорчена множеством набитых гвоздей.

Остальные соборы и церкви Кремля разделили печальную судьбу главных соборов, то есть в большей или меньшей степени были разграблены и осквернены. В соборе Николая Гостунского оккупанты устроили казармы, в церкви Иоанна Предтечи у Боровицких ворот и в соборе Спаса на Бору — склады овощей, овса и соломы. Разграблению подверглись церкви Ризоположения, Константина и Елены, Благовещения на Житном дворе, собор 12-ти апостолов и домашняя патриаршая церковь во имя апостола Филиппа.

Драгоценности кремлевских монастырей (Чудова и Вознесенского) накануне оставления Москвы были вывезены в Вологду. То, что осталось — сделалось добычей неприятеля. С икон Чудова монастыря было похищено 2,5 пуда серебра, мебель в обители была сломана, стекла и рамы разбиты. От взрыва Кремля стены монастыря с наружной стороны дали трещины, кровля в нескольких

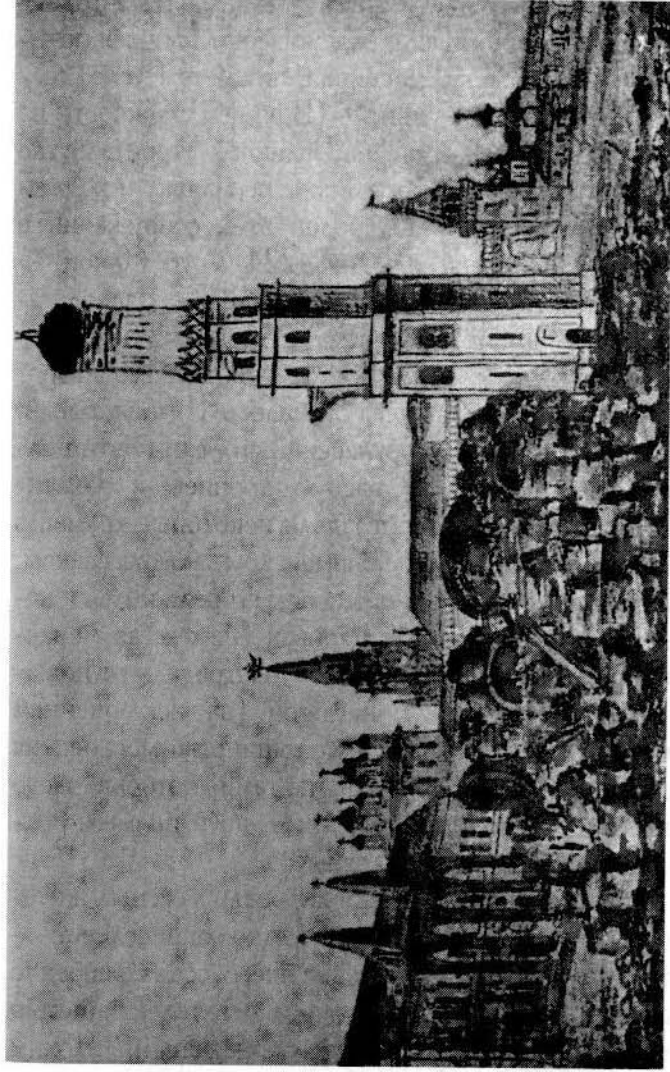

Никольская башня Московского Кремля после взрыва.

(Война русского народа с Наполеоном.
1812 г. СПб., 1910)

местах была пробита. Вознесенский монастырь оказался мало поврежденным, но сильно загрязненным разными нечистотами. (Ущерб, нанесенный Чудову монастырю, был оценен позднее в 63700 рублей, Вознесенскому — в 6000 руб.²⁵⁹)

Больше всего пострадала колокольня Ивана Великого. Прежде всего, по приказу Наполеона с нее был снят крест, высота которого составляла 3 сажени. Н.П. Розанов предполагает, что «французов прельстило сияние креста: он был недавно (в 1811 г.) сделан из железа и обложен медью, хорошо вызолочен и ярко горел на солнце, так что» они, видимо, «сочли его за золотой»²⁶⁰. Однако во время снятия крест сорвался с блоков, упал на площадку и сломался. Граф Сегюр в своих записках отмечает, что при отступлении Наполеона из Москвы в числе трофеев французы несли и «гигантский крест с колокольни Ивана Великого», однако это, видимо, ошибка, так как в деле Московской духовной консистории о разрушенной колокольне Ивана Великого зафиксирован факт обнаружения и опознания этого креста²⁶¹. При подготовке французами взрыва Кремля уничтожить предполагалось и Ивановскую колокольню, под которую было помещено несколько бочек с порохом, однако взорвалась в итоге только Филаретовская пристройка к ней. Сама колокольня дала трещину («на три с половиною аршина» под третьим ярусом колоколов). Для исправления этого повреждения император Александр I прислал в Москву архитектора Русно. Осмотрев колокольню (вместе с местными архитекторами), он нашел трещину не настолько серьезной, чтобы потребовался разбор всего сооружения. Более того, Русно отметил, что если «разобрать коло-

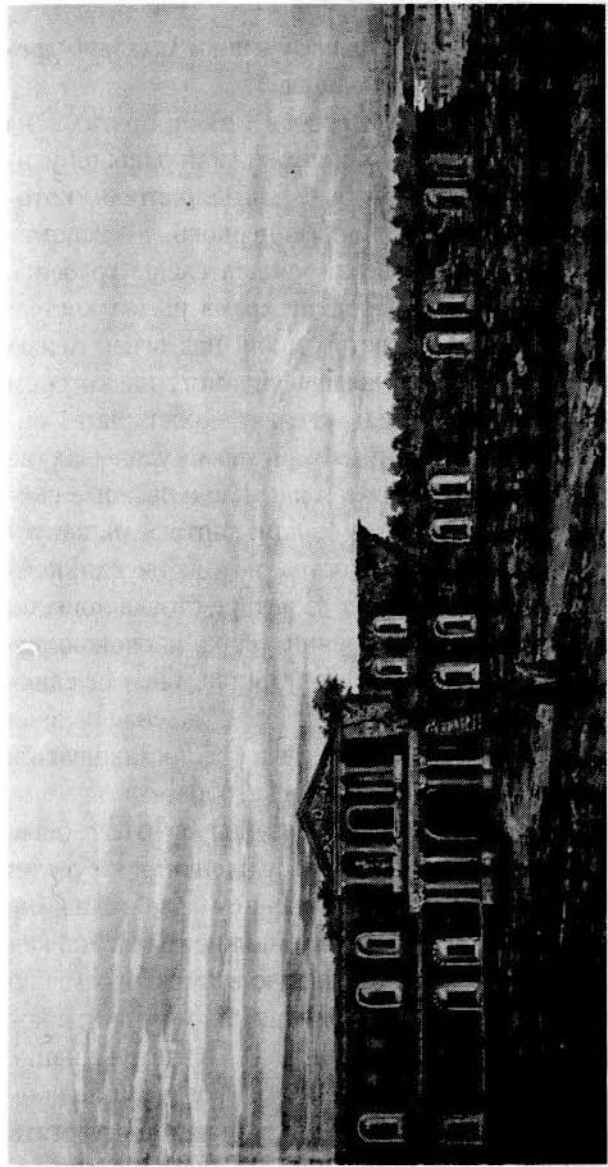

Разрушения в Кремле. Вид колокольни Ивана Великого.
(К. И. Добрынин. Памятный год (1812). М., 1912)

кольню до третьего яруса, то нельзя выстроить вновь с такою прочностью, а надежнее не разбирая починить»²⁶². На исправление трещины, по смете Русно, требовалось 253751 руб. 75 коп.²⁶³ (В общей сложности на реставрацию колокольни Ивана Великого, строительство Филаретовской пристройки, а также переливку и подъем поврежденных взрывом колоколов этих сооружений в 1813-1819 гг. было израсходовано 422412 руб. 60 коп.²⁶⁴)

В целом на территории Москвы в 1812 г. располагались 24 монастыря и 237 церквей. Многие из них пострадали как от неприятелей, так и от бушевавшего в городе пожара. В зоне последнего оказалось 11 монастырей, при этом Никитский и Георгиевский сгорели почти полностью; в Новоспасском, Спасо-Андрониеве и Зачатиевском от огня серьезно пострадали некоторые храмы; в Симонове, Богоявленском, Знаменском, Алексеевском, Ивановском и Крестовоздвиженском сгорели кельи и некоторые другие здания. Из церквей (не считая монастырских и домовых) 18 сгорели, 87 пострадали от пожара²⁶⁵. Практически все монастыри (за исключением Данилова и Новодевичьего) и большинство московских церквей были разграблены оккупантами, которые часто занимались не только мародерством, но и прямым осквернением православных святынь.

Бесчинство неприятелей шокировало местных жителей, которые дали Великой армии меткое определение — беспардонное войско²⁶⁶. Воображение русских особенно поражало то, что война заставила завоевателей забыть о том, что они сами тоже являются христианами. Ярким примером и поведения оккупантов, и вызванных этим поведением размышлений очевидцев являются воспомина-

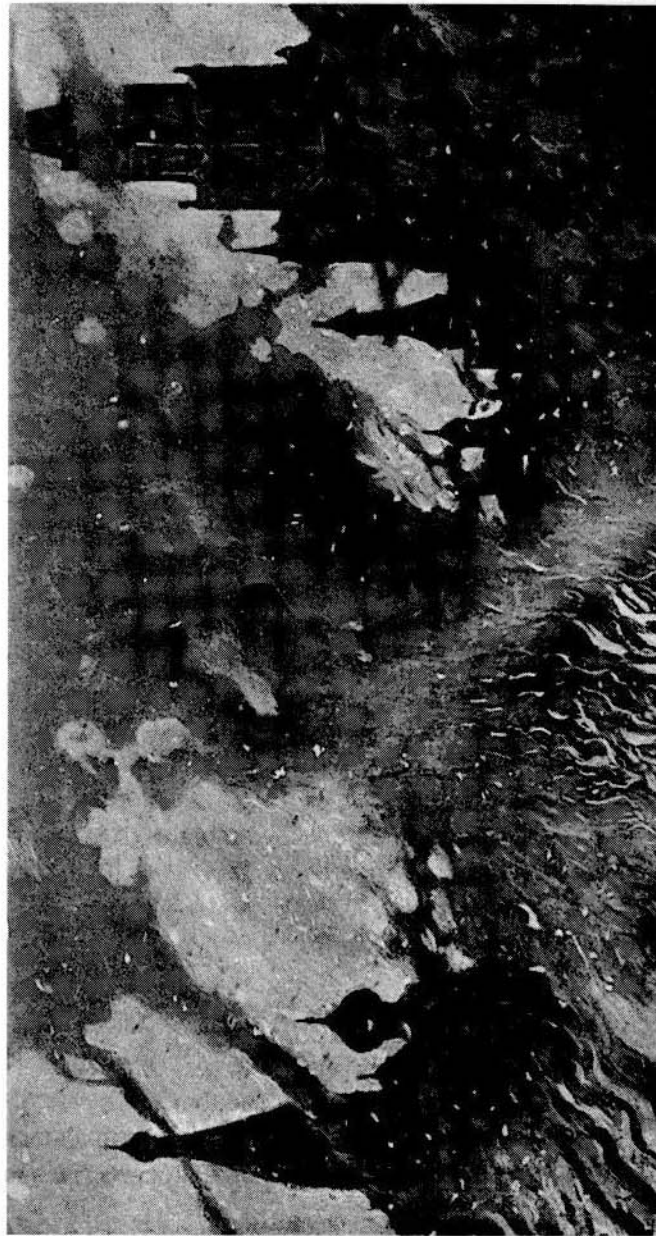

Неизвестный художник. Вид Московского арсенала, взорванного маршалом Мортье по выходе армии Наполеона из Москвы. (За веру, царя и Отечество. Отечественная война 1812 года в картинах. Издание И. С. Лапина. Спб., 1912)

ния упоминавшегося выше ученика Славяно-греко-латинской академии А.Рязанова.

Во время оккупации он со своей семьей прятался на колокольне церкви Спаса в Наливках. Однажды он увидел стоявшего на церковной паперти неприятеля, который подозвал его к себе. «Войдя в церковь, — вспоминает А. Рязанов, — я... везде увидел следы грабежа, буйства и богохульства: посредине храма пылал костер, вместо дров, на осколках святых икон; над огнем лежал на установленных камнях железный лист, на котором пекся картофель. Неприятель, желая, может быть, похвастаться своим домашним хозяйством, указывал на клиросы, на коих были навалены ржаные и овсяные снопы, тут же находились разные овощи: картофель, капуста и прочее. На вбитых в иконостас гвоздях висели: конская сбруя и военная амуниция. В алтаре стояла лошадь, покрытая вместо попоны священнической парчовой ризой... Я окаменел от такого богохульства и не мог сдвинуться с места. Безбожник, сочтя мое изумление за знак удивления к красоте его лошади, начал ее поглаживать и потрепывать, приговаривая: «Добре! Добре!»²⁶⁷

Пораженный подросток (А. Рязанову в 1812 г. было 14 лет) записал позднее свои рассуждения: «Неужели западные народы, освещенные учением Евангелия, не знают, что и русские не идолопоклонники, но так же, как и они, исповедуют веру христианскую и имеют храмы во славу Всемогущего Бога, для приношения молений, в которых совершается бескровная жертва, в воспоминание страданий и крестной за нас смерти Богочеловека — Иисуса Христа? Неужели война принуждает отвергать религию и делает христиан богоотступниками — изуве-

В. В. Верещагин. Пожар Замоскворечья.
(За веру, царя и Отечество. Отечественная война 1812 года в картинах. СПб., 1912)

рами? Неужели между враждующими истребляется всякая мысль о благочестии к вере и заменяется богохульством?...»²⁶⁸

Тот же А. Рязанов, проходя мимо Высокопетровского монастыря, с ужасом увидел, что оккупанты устроили там скотобойню. Монастырский погост был покрыт спекшейся кровью, а в соборном храме, превращенном в мясную лавку, «на широких полках лежали разные части мяса; на паникадилах и на вколоченных в иконостас гвоздях висели внутренности животных и разные птицы»²⁶⁹. Известно, что в алтаре соборного храма Чудова монастыря находилась канцелярия маршала Даву, а в Екатерининской церкви Вознесенского — хлебопекарня. В Спасо-Андрониеве, Покровском, Знаменском монастырях французские солдаты кололи на дрова иконы, лики святых использовали как мишени для стрельбы. В качестве жилых помещений оккупанты часто использовали храмы, при этом престолы и жертвенники употреблялись вместо столов, а в алтарях стояли кровати. Церкви Заиконоспасского, Покровского, Новоспасского, Симонова, Крестовоздвиженского, Донского, Рождественского и других монастырей были превращены в конюшни. Конюшни были устроены также в Покровском соборе (Василия Блаженного), Казанском соборе и многих других московских храмах.

Освящение Москвы «от скверны иноплеменных» началось 1 декабря 1812 года. В этот день, по распоряжению Августина, московское духовенство собралось в 11 часов утра в Покровском соборе. Освятив собор, Августин в сопровождении священнослужителей отправился на Лобное место. Там Преосвященный крестообразно

В. В. Верещагин.
Маршал Даву в Чудовом монастыре.

(За веру, царя и Отечество.
Отечественная война 1812 года в картинах. Спб., 1912)

окропил город святой водой со словами: «Вседействующая благодать Божия кроплением воды сея освящает древний благочестивый град сей, богоненавистным в нем пребыванием врага нечестиваго оскверненный, во имя Отца и Сына и Святаго Духа». Отсюда, разделившись на три отделения, духовенство начало крестный ход. Первое отделение (духовенство Китайского сорока в сопровождении Августина) отправилось по Ильинке за Ильинские ворота; второе (духовенство Никитского и Пречистенского сороков) проследовало к Казанскому собору и по Никольской улице за Никольские ворота; третье (Замоскворецкий, Ивановский и Сретенский сорока) направилось к Москворецкому мосту, по набережной, до Варварских ворот. 12 декабря (в день рождения императора Александра I) было совершено освящение Белого города. (Сначала — освящение соборного храма Сретенского монастыря; затем — крестный ход в двух отделениях по Белому городу.) Освящение Кремля проходило, по мере приведения его храмов в благоустройство, с 1 февраля 1813 года (освящение Архангельского собора) по 30 августа (день тезоименитства императора) того же года (освящение Успенского собора).

В Московской губернии в рассматриваемый период насчитывались 21 монастырь (в том числе 2 приписных²⁷⁰) и 952 церкви. Из 12 уездов губернии неприятелей не было в двух (Клинском и Коломенском). Остальные полностью или частично были оккупированы. Судя по донесениям Духовных правлений, там, где прошла Великая армия, церкви, как правило, были «разорены», «сожжены» или «обращены в конюшни»²⁷¹. Из монастырей Московской губернии неприятели побывали в четырех:

Николо-Перервинском, Николаевско-Угрешском, Можайском Лужецком Ферапонтове и Саввино-Сторожевском. Первые два пострадали сравнительно немного: все наиболее ценное было вывезено накануне. (Поэтому утрата Николаевско-Угрешского монастыря ограничилась преимущественно истощением съестных запасов. В Николо-Перервинском французам не повезло даже с этим — остававшуюся здесь муку и подсолнечное масло монахи надежно спрятали). Можайский Лужецкий монастырь был разграблен и осквернен. В этой обители, превращенной неприятелями в крепость, сохранились французские пушки и сделанные в ограде пробоины. При выходе из монастыря неприятели зажгли собор и разложили в братских кельях порох, но приехавшие сюда казаки потушили пожар и предотвратили взрыв²⁷². Об удивительной судьбе Саввино-Сторожевского монастыря рассказывалось выше.

Первым вкладом в восстановление московских святынь стало присланное Преосвященному Августину М.И. Кутузовым в сентябре 1812 г. серебро, снятое неприятелем с икон и отбитое у него русскими войсками. (Вклад составлял 1 пуд 14 фунтов серебра в сделанных французами слитках и 1 пуд 13 фунтов серебра в виде сломанной церковной утвари.²⁷³) По согласованию со Святейшим Синодом, это серебро было употреблено на украшение рак святителя Филиппа и святого царевича Дмитрия²⁷⁴. (23 декабря М.И. Кутузов прислал митрополиту Новгородскому и Санкт-Петербургскому Амвросию отбитые у неприятеля донскими казаками слитки серебра весом 40 пудов с просьбой употребить их для изготовления изображений четырех евангелистов в Санкт-

Петербургской церкви Казанской Божией Матери и тем самым «воздвигнуть памятник брани и мщениа в Божием храме»²⁷⁵.

Основным источником средств для восстановления святынь стали 3500000 рублей, выделенные в ноябре 1812 г. Комиссией Духовных училищ «на исправление соборов, церквей, монастырей, училищных зданий» и на вспомоществование священно — и церковнослужителям в тех губерниях, где проходили неприятельские войска. Докладывая об этом императору Александру I, Святейший Синод предложил возложить поправление храмов и монастырей в разоренных епархиях на местных Преосвященных архиереев, которые должны были представить Святейшему Синоду «надлежащие планы и сметы». Последний, в свою очередь, после рассмотрения полученных документов обязался выделить из отпущенной Комиссией духовных училищ суммы столько средств, сколько ему «представится нужным». Выделение пособий разоренному духовенству Синод также объявил своей прерогативой²⁷⁶.

Другим источником средств для восстановления разоренных храмов стали частные пожертвования (в деньгах и вещах). Так, например, Костромское дворянство в сентябре 1813 г. пожертвовало «в пользу разоренных неприятелем церквей» 50 тысяч рублей. (Эту сумму Святейший Синод распределил между Московской губернией, получившей 30 тысяч рублей, и Смоленской — 20 тысяч рублей)²⁷⁷. Разоренным церквам Москвы и Смоленска пожертвовали часть своих ризничных вещей Александро-Невская лавра, церкви Санкт-Петербурга и Коновский монастырь²⁷⁸. В Москву были присланы ризницы

из Тверской, Курской, Тульской, Ярославской, Владимирской и Нижегородской епархий²⁷⁹. Отметим, что приходские храмы восстанавливались, как правило, на средства прихожан. Дополнительные суммы выделялись им только в том случае, если разоренные прихожане не имели возможности сделать это за свой счет.

В Москве восстановительными работами руководил Преосвященный Августин, его ближайшим помощником был архимандрит Новоспасского монастыря Амвросий²⁸⁰. Приоритет отдавался древнейшим храмам и монастырям. Поэтому в первую очередь Августин составил смету на исправление храма Василия Блаженного (Покровского на Рву собора; 30 тыс. руб.), Казанского собора, соборов и церквей Кремля, а также наиболее знаменитых монастырей — Новоспасского, Симонова, Заиконоспасского, Спасо-Андрониева, Богоявленского, Николаевского греческого, Вознесенского, Новодевичьего, Алексеевского и Зачатьевского. Крестовоздвиженский, Ивановский, Георгиевский и Никитский монастыри, как наиболее пострадавшие, Августин предложил упразднить, превратив их в приходские храмы. Святейший Синод согласился с этим предложением, исключая Никитский монастырь, который, учитывая его древность, надлежало полностью восстановить.

27 августа 1814 года, отчитываясь императору Александру I о результатах восстановительных работ за прошедший год, Святейший Синод докладывал, что в Москве «все состоящие в Кремле соборы и монастыри под смотрением епископа Августина возобновлены и освящены, в прочих частях города усердием прихожан восстановлены и возобновляются многие церкви». Согласно от-

чету Синода, в 1813 г. из пожертвованной Комиссией духовных училищ суммы по Московской епархии было израсходовано 1713132 руб. 37 коп. (759460 руб. 87 коп. — на исправление монастырских, церковных и соборных зданий и 953671 руб. 50 коп. — на пособие духовенству и прочим чинам по духовному ведомству)²⁸¹. Из отчетности 1819 г. следует, что за прошедшие шесть лет в Московской епархии из вышеупомянутой суммы было израсходовано 2528463 руб. 66 коп. (1489121 руб. 66 коп. — на исправление церковных зданий и 1039342 руб. — на пособие духовенству)²⁸².

Восстановление разоренных храмов и монастырей в других епархиях, занятых во время войны неприятелем, проводилось под руководством местных Преосвященных архиереев. Для того чтобы облегчить им работу и ускорить переписку со Святейшим Синодом, император Александр I указом от 27 ноября 1812 г. дал в этом отношении особые полномочия члену Святейшего Синода архиепископу Рязанскому и Зарайскому Феофилакту. Последний, получив из Кабинета Его Величества 5 тысяч рублей на дорогу и содержание, должен был немедленно отправиться в Смоленск и употребить «все возможные усилия к приведению епархии во всех ее частях в надлежащее устройство». В обязанность ему вменялось еженедельно докладывать Синоду о своих действиях и о количестве средств, необходимых для восстановления храмов и для оказания помощи разоренному духовенству. По мере освобождения от неприятеля других епархий, он должен был распространить на них те же полномочия. Местному духовному начальству было приказано исполнять все распоряжения Феофилакта

точно так же, как предписания самого Святейшего Синода²⁸³.

Приехав в Смоленск, архиепископ Феофилакт прежде всего потребовал от епископа Смоленского Ирины и Смоленской духовной консистории сведения о состоянии после нашествия архиерейского дома, консистории, семинарии и монастырей епархии.

Оказалось, что часть архиерейского дома и домовая Апостольская церковь неприятелями были сожжены. Украдены священные образа, мебель, посуда, экипаж. Из трех загородных зданий, принадлежавших к архиерейскому дому, два были до основания сожжены, а третье разграблено. Общий убыток, понесенный Смоленским архиерейским домом, составил 93013 рублей²⁸⁴.

Здание Смоленской духовной консистории уцелело, но мебель оказалась испорченной или сломанной. Строения Смоленской духовной семинарии и Вяземского духовного училища также сохранились, но их внутренняя часть была разорена, а семинарская библиотека расхищена²⁸⁵.

Из 10 монастырей Смоленской епархии неприятели побывали в шести и все шесть разграбили. Строения двух Смоленских мужских монастырей — Спасо-Авраамиева и Троицкого — были частично повреждены. Алтари, жертвенники, престолы в этих обителях были испорчены и осквернены. Имущество монастырей было разграблено, однако значительную часть ризниц и церковной утвари монахам удалось сохранить. На исправление повреждений в Спасо-Авраамиевом монастыре было затрачено 12800 рублей, в Троицком — 18078 руб. Смоленский Вознесенский девичий монастырь потерпел убыток на

30000 рублей: сгорели одна церковь (во имя Киево-Печерской Божией Матери) и 27 монашеских келий; похищены серебряные ризы с 17 образов, 5 ковров, 2 Евангелия в серебряных окладах, множество книг, часть церковной утвари. Эта обитель получила пособие на сумму 15320 руб. 20 коп.²⁸⁶

Дорогобужский Свято-Троицкий Болдин монастырь пострадал сравнительно немного: в соборной церкви были повреждены царские врата и часть иконостаса; сожжен овин с хлебом, ограблен скотный двор. Убыток монастыря составил 8 тысяч рублей. Вяземский Свято-Предтечев и Гжатский Колоцкий монастыри были совершенно разорены. Согласно рапортам их настоятелей, в обителях не осталось ничего кроме стен. Некоторые храмы и монашеские кельи сгорели. Убыток Свято-Предтечева монастыря составил 38 тысяч руб., Колоцкого — 30600 руб.²⁸⁷

По распоряжению Преосвященного Феофилакта духовные правления Смоленской епархии предоставили ему сведения об ущербе, нанесенном неприятельским нашествием церквам и домам священно— и церковнослужителей. Вопросы, на которые они отвечали, заключались в следующем: 1) Сколько церквей в уезде разорено до такой степени, что там не может отправляться богослужение? 2) Сколько церквей повреждено так, что после соответствующих исправлений в них вскоре может начаться богослужение? 3) Сколько домов священно— и церковнослужителей сожжено, сколько разорено? Сохранились рапорты архиепископа Феофилакта Святейшему Синоду, составленные им на основании полученных сведений²⁸⁸. Данные из этих рапортов мы

переработали в нижеследующую таблицу. Отметим при этом, что существует еще один источник подобных сведений. Им является находящийся в личном архиве А.И. Михайловского-Данилевского документ под названием «События о происшествиях по Смоленской епархии в Отечественную войну 1812 года, извлеченные из хранящихся в Смоленском консисторском архиве дел, во исполнение Указа Святейшего Правительствующего Синода от 20 мая 1836 года»²⁸⁹. (Этот указ предписывал духовным консисториям предоставить все необходимые сведения историку А.И. Михайловскому-Данилевскому, получившему повеление императора Николая I написать историю войны 1812 года.) В анкете А. И. Михайловского-Данилевского, касающейся рассматриваемого вопроса, не было понятия поврежденные церкви, речь шла о количестве сожженных и разоренных церквей, а также о количестве сожженных и разоренных домов священно— и церковнослужителей. Сведения из этого документа мы также поместили в таблицу. (Римской цифрой I здесь обозначен первый источник — рапорты Преосвященного Феофилакта Святейшему Синоду, цифрой II — второй источник — ответ Смоленской духовной консистории на анкету А.И. Михайловского-Данилевского).

При сравнении помещенных в таблицу данных из двух вышеупомянутых источников видно, что они разнятся. Количество пострадавших церквей (то есть разоренных и поврежденных в сумме), согласно рапортам архиепископа Феофилакта, составляет 323. Сумма сожженных и разоренных церквей, по материалам, предоставленным А.И. Михайловскому-Данилевскому, равна 252. Число сожженных и разоренных домов свя-

Ущерб, нанесенный Великой армией православным святыням Смоленской епархии

Таблица № 3

Город (уезд)	Церквей						Домов духовенства					
	Всего		Сожжено		Разорено		Повреждено		Сожжено		Разорено	
	I	II	I	II	I	II	I	II	I	II	I	II
Смоленск	22	26		8	17	15	4		30	28		72
Смоленский уезд	33	37		7	3	27	11		20	32		39
г. Красный		3				3				4	3	4
Краснинский уезд		51		1	14	20		34		8	11	23
г. Дорогобуж		11		2		9				9	8	15
Дорогобужский уезд (и Ельнинский) ²⁹⁰		78			7	39		70		48	45	218
г. Вязьма		21		4		17				37		19
Вяземский уезд	73	56		3		38				45		83
г. Гжатск		4				4				17	16	
Гжатский уезд	46	42		6	6	9		29		122	144	22
г. Юхнов		1										
Юхновский уезд	46	45				23		17		12		11
г. Рославль		6										
Рославльский уезд	77	71						5		2		11
г. Ельня		2				2				1		12
Ельнинский уезд	17							10				
г. Поречье		4								7		
Поречский уезд (и Духовщинский)	50	43			2	2		25		4	8	
г. Духовщина		4		3		1						
Духовщинский уезд				1		4				1		
г. Белый		5										
Бельский уезд	51	55				3						10
г. Сычевки		2										
Сычевский уезд	52	51				1		11		3		
Итого	467	618		35	54	217	269		50	380	205	539

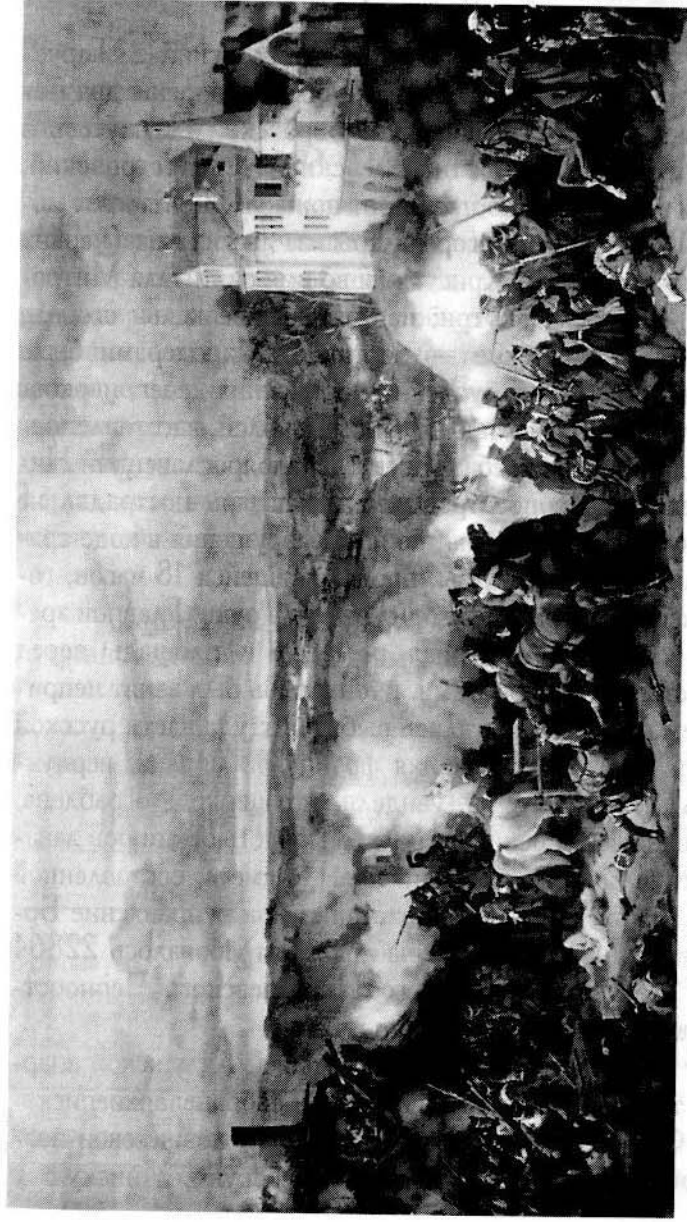
ценно — и церковнослужителей в этих двух источниках различается в еще большей степени: у Феофилакты соответственно 50 и 205, у А.И. Михайловского-Данилевского — 380 и 539. Причину расхождений и степень точности рассматриваемых документов установить трудно. Более соответствующими действительности нам представляются данные Феофилакты, так как они собирались «по свежим следам» (то есть сразу после освобождения губернии). Духовные правления вряд ли предоставили неверные сведения наделенному императором широкими полномочиями преосвященному, который находился здесь же, в губернии, и мог их проверить. Кроме того от предоставленной информации зависел размер пособий на исправление повреждений (если, конечно, исключить приписки с целью получить большее пособие). А.И. Михайловским-Данилевским материал собирался через 24 года после войны, поэтому в известной мере он был приблизительным. На свои вопросы о понесенном ущербе или достопамятных происшествиях 1812 г. историк неоднократно получал ответы типа: «Ничего неизвестно, так как многие священнослужители, в то время бывшие, умерли, а другие вышли в иные места»²⁹¹.

Так или иначе, несомненно то, что разграблению подвергались храмы во всех уездах Смоленской губернии, где прошла Великая армия. Пострадало от 42% до 53% всех существовавших там церквей. Многие храмы, так же как и в Московской губернии, были превращены в конюшни или осквернены другим способом.

Восстановление храмов и монастырей Смоленской епархии, так же как и Московской, производилось на средства, выделяемые Святейшим Синодом из суммы,

пожертванной на это Комиссией духовных училищ, и на частные пожертвования. (В последних приняла участие и императорская фамилия. Император Александр I пожертвовал 10000 рублей на восстановление церкви села Яровни Смоленского уезда, а императрица Мария Федоровна прислала 2500 руб. на исправление Архангельской церкви г. Смоленска.²⁹²) Согласно докладу Святейшего Синода императору Александру I от 27 августа 1814 г., в 1813 году из пожертвованного Комиссией духовных училищ капитала (в 3500000 руб.) Смоленской епархии было выделено 501755 руб. 31 коп. (124100 руб. на исправление монастырских, церковных и соборных зданий и 377655 руб. 31 коп. — на оказание пособий разоренному духовенству)²⁹³. Согласно материалам, представленным в 1836 г. Смоленской духовной консисторией А.И. Михайловскому-Данилевскому, на исправление храмов и монастырей «от казны» было получено 310834 руб. 35 коп. (после 1813 года, как и в Московской епархии, пособия, видимо, продолжались); указанная здесь сумма пособий разоренному духовенству Смоленской епархии практически совпадает с цифрой из отчета 1814 г. Святейшего Синода императору Александру I — 373461 руб. 30 коп. Вспомоществование духовенству заключалось в следующем. На исправление домов священнослужители получали 500-700 руб., дьяконы — 300-400 руб., причетники — 200-250 руб.; на пропитание, одежду и обувь священникам полагалось 100-300 руб., дьяконам — 60-170 руб., причетникам — 60-150 руб. На посев ярового хлеба всем выделялось по 150 рублей²⁹⁴.

В Калужской губернии во время войны оккупации частично подверглись пять уездов: Малоярославецкий,

П. Гесс. Сражение при Малоярославце 10 октября 1812 года.
(За веру, царя и Отечество. Отечественная война 1812 года в картинах. Спб., 1912)

Медынский, Боровский, Мосальский и Тарусский. В результате мародерами были разорены два монастыря Калужской епархии: Боровский Пафнутьев и Малоярославецкий Николаевский Черноостровский. Первый серьезно пострадал от пожара. На четырех монастырских храмах сгорела крыша, два из них (церкви во имя Рождества Христова и во имя святителя Митрофана) выгорели внутри; настоятельские кельи сгорели полностью, братские — частично. Мародерами было украдено 3 тысячи рублей монастырских денег, церковная утварь стоимостью в 5 тысяч рублей, заготовленная на год провизия хлеба и овса²⁹⁵. Малоярославецкий Николаевский Черноостровский монастырь пострадал не только от разграбления, но и от разрушения в ходе сражения. Во время битвы, продолжавшейся 18 часов, город несколько раз переходил из рук в руки. Главной ареной боя были Соборная площадь и площадь перед монастырскими воротами. Монастырь был занят неприятелем, которого пытались выбить оттуда части русской армии. После отступления французов монахи, вернувшись в свою обитель, увидели, что церковь ограблена, деревянные строения сгорели, а монастырский ров завален трупами людей и лошадей. По смете, составленной Калужским епископом Евлампием, на исправление Боровского Пафнутьева монастыря потребовалось 22864 руб.²⁹⁶, Малоярославецкого Николаевского Черноостровского — 5731 руб. 30 коп.²⁹⁷

Что касается разоренных церквей Калужской епархии, то сведения о них также были собраны архиепископом Феофилактом, распространившим позже свои полномочия на Калужскую, Могилевскую, Минскую и

Волынской-Житомирскую епархии. Однако, как и в случае со Смоленской епархией, эти сведения несколько отличаются от материалов, предоставленных по этому вопросу в 1836 г. А.И. Михайловскому-Данилевскому Калужской духовной консисторией. При этом отметим, что в анкетах, полученных А.И. Михайловским-Данилевским из Калужской епархии, число пострадавших церквей разнится даже между общегубернской анкетой и анкетами, заполненными на местах. (Историку было прислано 32 анкеты: 10 — из г. Боровска, 7 — из Боровского уезда, 6 — из г. Малоярославца, 5 — из Медынского уезда, 2 — из Мосальского уезда, 1 — из г. Тарусы и 1 — общегубернская.) Все эти данные мы поместили в таблицу.

Ущерб, нанесенный Великой армией православным святыням Калужской епархии

Таблица № 4

Город (уезд)	Количество церквей по рапортам Феофилакта			Количество церквей по анкетам Михайловского-Данилевского			
	Всего	Разорено	Повреждено	Общегубернской		Местным	
				Сожжено	Повреждено	Сожжено	Повреждено
г. Боровск	11	2	7	1	8	4	5
Боровский уезд	42	4	8	1	6	2	3
г. Малоярославец	4	1	3		3		4
Малоярославецкий уезд	35	1	1	1	1	1	1
г. Медынь	1						
Медынский уезд	21			2	1	2	3
Итого	114	8	19	5	19	9	16

Как видно из вышеприведенной таблицы, разорению подверглись церкви в трех из пяти оккупированных уездов (Боровском, Малоярославецком и Медыньском). В Мосальском и Тарусском уездах, на территорию которых также заходили мародерские отряды, все храмы были спасены духовенством и прихожанами. Способ действия последних был тот же, что и во многих местах Смоленской губернии: при приближении мародерских отрядов священники поднимали колокольный звон, и сбежавшиеся на него крестьяне защищали храмы и дома своего села. Особенно успешно в этом отношении действовали прихожане храма села Любуни Мосальского уезда во главе с протоиереем Яковом Иоанновичем Чистяковым, отразившие несколько нападений. Один эпизод из жизни этого села в 1812 году ярко свидетельствует, на наш взгляд, о важности православной веры для русского народа и об авторитете духовенства. 28 августа 1812 г. французский отряд напал на Любунь и зажег несколько строений. Некоторые из крестьян помещика Протопопова, испугавшись за свои дома, поднесли врагам хлеб и соль, однако большая часть жителей оказала сопротивление. Мародеры были разбиты, и жители села собрались в храме для благодарственного молебна. Протоиерей Чистяков произнес здесь проповедь «с изъяснением того, что Господь видимо споборает нам, предавая в невооруженные руки наши вооруженных злодеев». После окончания богослужения, когда прихожане подходили целовать крест, это намеревались сделать и те крестьяне, которые проявили малодушие, но протоиерей Чистяков не допустил их к кресту со словами: «Подите прочь, вы не русские, вы не наши, вам не принадлежит торжество

наше, вы хотели, поднося хлеб и соль французам, чтоб они восторжествовали над нами, удалитесь из нашего общества». По свидетельству очевидцев, это так «подействовало на прочих, что крестьяне при малейшей тревоге бросали полевые работы и спешили на отражение врагов, а дворовые ходили в Ельнинский уезд на поиск французов и многие партии истребляли». (Отметим также, что крестьяне, которые поднесли французам хлеб-соль, были отданы в ополчение, где погибли, а их семейства умерли. Односельчанами это было расценено как гнев Божий)²⁹⁸.

Согласно отчету Святейшего Синода императору Александру I, из суммы, пожертвованной Комиссией духовных училищ, Калужской епархии в 1813 г. было выделено 63798 руб. 59 коп. (15811 руб. 2 коп. — на исправление монастырских, церковных и соборных зданий и 47987 руб. 57 коп. — на пособие духовенству)²⁹⁹. Кроме того, 30000 руб. Святейший Синод предоставил Калужскому епископу Евлампию на восстановление Боровского Пафнутаева, Малоярославецкого Николаевского Черноостровского монастырей и Малоярославецкого Казанского собора³⁰⁰.

Западные епархии (Могилевская, Минская и Вольноско-Житомирская) пострадали сравнительно немного. На наш взгляд, в значительной степени этому способствовала политика, проводимая местными властями.

В Могилевской епархии из 13 монастырей были разорены три: два мужских — Могилевобратский и Полоцкий Богоявленский, и один женский — Оршанский. Остальные (кроме Охорского, Невельского и Чонского, где неприятелей не было) «потерпели разграбление в

съестных годовых припасов»³⁰¹. Из 375 церквей епархии было сожжено 4 храма, разорено — 4 (в том числе два собора г. Витебска и г. Динабурга), повреждено — 3³⁰². На восстановление разоренных церквей Святейший Синод выделил Могилевской епархии 58561 руб. 19 коп., на вспомоществование духовенству — 29236 руб. 70 коп.³⁰³

В Минской епархии из 11 монастырей серьезно пострадал один — Виленский Святодухов (неприятели разорили, частично сожгли и завалили нечистотами все здания этой обители). В трех монастырях — Драгочинском Троицком, Бельском Николаевском и Заблудском Успенском — были разграблены съестные припасы и хозяйственные вещи. В епархии были сожжены 5 церквей (1 — в Минске и 4 — в Минской губернии), разорены — 4, повреждены — 3, церковная утварь похищена в 24 храмах (17 — в Минске и 7 — в Минской губернии)³⁰⁴. На исправление церковных зданий Минская епархия получила от Святейшего Синода 9676 руб. 74 коп., на пособия разоренному духовенству — 23941 руб. 35 коп.³⁰⁵

В Вольнско-Житомирской епархии неприятельскими войсками были оккупированы четыре уезда: Ковельский, Владимирский, Луцкий и частично Дубенский. В результате пострадали 12 церквей. Из двух храмов Ковельского повета оккупанты выбросили святые престолы и все церковные вещи, превратив один из них — Преображенскую церковь села Туриска — в конюшню, а другой — Георгиевскую церковь села Голоб — в лазарет. Из Владимирского Успенского собора были украдены серебряные церковные сосуды и хранившиеся здесь деньги (собора и Духовного прав-

ления). Остальные церкви пострадали незначительно — у их погостов были разобраны ограды. Общая сумма ущерба, понесенного церквями этой епархии, составила 775 руб. 85 коп.³⁰⁶

Православное духовенство Вольнско-Житомирской епархии подверглось гонениям, в которых, по донесению Святейшему Синоду местного епископа Даниила, преуспели не только неприятели (главным образом поляки и саксонцы), но и местные польские помещики, перешедшие на сторону противника. Так, например, протоиерей Владимирского Успенского собора Василий Малевский и письмоводитель Владимирского Духовного правления коллежский регистратор Григорий Занозовский были взяты в плен и отправлены в Люблин за хранение в соборном погребке 10 бочонков пороха, помещенных туда Владимирским городничим Янковичем. Арестованы были также еще четыре священника (благочинный Владимирского повета, священник села Мышева Павел Климович; священник села Боротчик Стефан Боговский; благочинный Луцкого повета, священник села Бискупич Иоанн Кондратович; священник села Садова Василий Жуковский) и два дьякона (села Бискупич Иван Патрикеевич и села Садова Лука Савицкий). Священник местечка Лобановка Дубенского повета Симеон Шавловский претерпел побои от неприятелей, а священник села Куполь Луцкого повета Иоанн Малитинский был принужден местным помещиком Целецким перевести из одного села в другое карету, подаренную им начальнику саксонского войска. Предварительно Целецкий избил священника со словами: «Я теперь тебе и начальник, и архиерей, и император». Угрожая «в скором времени всем духовным обре-

зять бороды», избил плетью пономаря села Залужья Михаила Желегевича помещик Перетяткович.

По донесению Вольнско-Житомирского епископа Даниила Пресвященному Феофилакту, духовенство епархии понесло убытка от неприятельского нашествия на сумму 29029 руб. 70 коп. Однако пособия Даниил попросил в размере: 4315 руб. — для разоренного духовенства и 350 руб. — на исправление церквей³⁰⁷. (Большая часть приходских храмов была восстановлена на средства прихожан.) Из суммы, пожертвованной Комиссией духовных училищ, Святейший Синод выделил Вольнско-Житомирской епархии 4711 руб. 65 коп. (400 руб. — на восстановление церковных зданий и 4311 руб. 65 коп. — на оказание помощи духовенству)³⁰⁸.

Таким образом, на оккупированной территории Российской империи наполеоновские солдаты подвергли разграблению и прямому осквернению православные святыни. Наиболее сильно пострадала центральная Россия (Смоленская, Московская и Калужская епархии), где было разорено более 50% всех существовавших на оккупированных землях церквей. Как показано выше, результатом разорения стало упразднение трех московских монастырей: Георгиевского, Ивановского и Крестовоздвиженского³⁰⁹. Одиннадцать наиболее разрушенных церквей древней столицы были разобраны. Государственные и церковные мероприятия, а также многочисленные народные пожертвования, направленные на восстановление разрушенных церковных и монастырских зданий, неоспоримо свидетельствуют, на наш взгляд, о важности той роли, которую играла в жизни страны православная вера.

Осознание народом России войны 1812 года как войны православной позволило Русской Православной Церкви приобрести после победы новые святыни. 25 декабря 1812 года вышел манифест императора Александра I, в котором сообщалось о намерении соорудить храм Христа Спасителя «в сохранение вечной памяти того беспримерного усердия, верности и любви к вере и к Отечеству, какими в сии трудные времена превознес себя народ русский, и в ознаменование благодарности Нашей к Промыслу Божию, спасшему Россию от грозившей ей гибели». Построенный в честь победы в войне 1812 года храм Христа Спасителя превратился вскоре в одну из главных православных святынь страны.

С Отечественной войной связано также появление на Бородинском поле Спасо-Бородинского женского монастыря. Его основательницей является М. М. Тучкова (урожденная Нарышкина), вдова генерала А.А. Тучкова, погибшего в Бородинском сражении. В 1820 году она построила на месте гибели мужа церковь Спаса Нерукотворного (Спас Нерукотворный был иконой Ревельского полка, которым командовал генерал А. А. Тучков.) Вскоре при храме собралась женская община, на устройство которой Тучкова употребила свое состояние. В 1838 году община была преобразована в Спасо-Бородинский монастырь. М. М. Тучкова приняла монашеский постриг и под именем игуменьи Марии стала первой настоятельницей нового монастыря. Главное местное празднование Спасо-Бородинского монастыря было приурочено к 26 августа. На следующий день совершался крестный ход из села Бородина в монастырь, где происходило заупокойное богослужение по убитым на брани воинам. Эта

Н. С. Матвеев. «Вдова генерала А. А. Тучкова
ищет на поле Бородинской битвы тело своего мужа»

(За веру, царя и Отечество. Отечественная война 1812 года в картинах. Спб., 1912)

традиция возобновлена в наши дни. В начале сентября, ежегодно, Спасо-Бородинский монастырь совместно с Государственным военно-историческим музеем-заповедником проводит День воинской славы России, который включает в себя Божественную литургию во Владимирском соборе Спасо-Бородинского монастыря, крестный ход из монастыря на батарею Раевского, панихиду и благодарственный молебен «В воспоминание избавления Церкви и державы Российския от нашествия галлов и с ними двадесяти язык».

Участие Русской Православной Церкви в Отечественной войне 1812 года определялось тем положением, которое она в рассматриваемый период занимала в России. Церковь была тесно связана с государственной властью, а Православие являлось идеологической и духовной основой империи и одним из важнейших факторов, определявших мировоззрение русского народа. Первенствующее положение Православия закреплялось в законодательстве, где оно называлось религией, «господствующей в государстве». Закон также прямо указывал на обязательную принадлежность к православной вере русского императора. Вступая на престол, император проходил обряд коронования и миропомазания по чину Православной Греко-Российской Церкви. В народном сознании он был помазанником Божиим, и сами понятия веры, царя и Отечества были тесно связаны между собой.

Церковь официально выполняла в государстве идеологическую роль, заботясь о воспитании и нравственном благосостоянии русского народа. Религиозное воспитание народа осуществлялось путем укрепления у него веры в Бога, преданности царю и любви к Отечеству.

Особенно ярко идеологическая роль Церкви проявлялась в армии, где патриотическое воспитание солдат велось силами военного духовенства. Проповеди и религиозные беседы полковых священников касались самых разных сторон повседневной жизни воинов. Особенно

внимание уделялось объяснению необходимости воинской службы, важности и престижности положения воина, который призван защищать веру, Отечество и Государя. Священнослужители объясняли солдатам священный характер войны в защиту Отечества, которую благословляют Бог, помогающий правому, и Православная Церковь. К противнику они учили относиться похристиански: поверженному врагу даровать пощаду, к иноверческим храмам неприятеля проявлять уважение, не заниматься грабежом и мародерством, ибо воровство — это преступление, не совместимое с высоким званием воина Русской армии. Отметим, что даже после разграбления и осквернения в 1812 году Великой армией значительного количества православных храмов, перед началом заграничного похода Православная Церковь и император призывали русских солдат на территории неприятеля не уподобляться врагу и победить его «столько же великодушием своим, сколько оружием»³¹⁰. Духовно стабилизируя солдат, Церковь укрепляла моральный дух Русской армии, являвшийся важным условием ее боеспособности.

Во время Отечественной войны проповеди военного содержания звучали не только в армии и на флоте, но и в приходских храмах. Их смысл заключался в том, чтобы объяснить народу справедливый, освободительный характер войны и призвать к мобилизации моральных и физических сил для решения общей задачи — организации отпора врагу. Своими проповедями духовенство укрепляло веру армии и народа в религиозное значение войны, представляя ее не только как политическую борьбу за целостность и благосостояние государства, но и как

священный подвиг за сохранение незыблемости православной веры и Святой Церкви. (Наполеон представлялся как узурпатор, богоотступник, поработитель человечества, гонитель христианской Церкви, провозгласивший себя «лжемессией».)

В глазах русского народа правильность антинаполеоновской церковной пропаганды подтвердило поведение завоевателей, которые грабили и оскверняли православные храмы, а также истязали духовенство с целью узнать, где спрятаны церковные сокровища. Подобные явления, наиболее сильно проявившиеся на территории коренной России, были вызваны режимом оккупации, развязавшим низменные инстинкты завоевателей, а также непониманием ими менталитета русского народа и неуважением к его национальным ценностям и традициям. Вандализм завоевателей оскорбил религиозные чувства русского народа, вызвал взрыв всеобщего негодования и способствовал расширению движения сопротивления, особенный размах которого наблюдался в стране после взятия и осквернения врагами Москвы. В значительной степени ему способствовало освещение московских происшествий средствами антинаполеоновской пропаганды, которая не только сообщала об оставленных оккупантами «следах зверства и лютой» (осквернении храмов, поругании могил, грабежах и насилиях над местными жителями), но делала также ряд выводов, касающихся сущности противника и характера предыдущих и последующих взаимоотношений с Францией. Поведение завоевателей объявлялось недостойным не только просвещенного народа, который во время войны заботится как о славе оружия, так и о соблюдении чести и доброго

имени своего государства, но даже дикарей, проявляющих в подобной ситуации только жадность к грабежу, а не жадность к разрушению того, чего они взять с собой не могут. Подражание Франции, имевшее место накануне войны, признавалось ошибочным и подтверждался тезис о том, что идущая война представляет собой испытание, посланное Богом на Россию для того, чтобы спасти ее от «повреждения нравов, заразы неверия и злочестия». Говорилось о необходимости порвать с Францией все нравственные связи и возвратиться к чистоте и непорочности наших нравов. Франция и Россия противопоставлялись друг другу как «безбожие» и «благочестие», как «порок» и «добродетель», между которыми война должна вестись до победного конца³¹¹.

Помимо проповеднической деятельности, духовенство принимало непосредственное участие в основных событиях 1812 года (организации и деятельности народного ополчения, партизанском движении), военное духовенство сопровождало регулярную армию во всех переходах и сражениях. Многосторонняя деятельность духовного сословия свидетельствует о том, что оно всеми имевшимися в его распоряжении средствами старалось вызвать в народе сознание национального единства и организовать его на борьбу с врагом.

Единение всех «государственных чинов и состояний» (войска, вельмож, дворянства, духовенства, купечества, народа), которые «не щадя ни имуществ своих, ни жизни, составили единую душу, ...только же пылающую любовью к Отечеству, коликю любовью к Богу»³¹², было признано императором Александром I в манифесте от 25 декабря 1812 года одной из причин победы. В манифесте

от 30 августа 1814 года император назначил каждому сословию определенную награду. Духовенство получило бронзовый крест на Владимирской ленте с надписью: «1812 год».

О том, что все сословия в 1812 году объединяла православная вера, через призму которой воспринимались происходящие события, свидетельствует, в частности, совместное решение Святейшего Синода, Государственного Совета и Правительствующего Сената о присвоении императору Александру I титула «Благословенный», а также сооружение храма Христа Спасителя, который стал подлинным памятником православного понимания народом особенностей этой войны. В Высочайшем манифесте от 25 декабря 1812 года в качестве главной причины победы была названа помощь Бога: «Не отнимая достойной славы ни у главнокомандующего над войсками Нашими знаменитого полководца, принесшего бессмертные Отечеству заслуги, ни у других искусных и мужественных вождей и военачальников, ознаменовавших себя рвением и усердием, ни вообще у всего храброго Нашего воинства, можем сказать, что содеянное ими есть превыше сил человеческих. И так да познаем в великом деле сем Промысл Божий»³¹³. На медали, учрежденной в честь победы в Отечественной войне, была выбита надпись: «Не нам, не нам, но имени Твоему». «Для принесения Всемогущему Богу теплых и усердных молитв за избавление державы Нашей от лютого и сильного врага, и в прославление в роды родов сего совершившегося над Нами Промысла и милости Божией» император Александр I постановил проводить ежегодное празднование в день Рождества Христова³¹⁴.

Важность морального фактора в одержании победы, четко осознаваемая современниками, побудила директора Императорской публичной библиотеки А.Н. Оленина обратиться к архимандриту Филарету (Дроздову), ректору Санкт-Петербургской академии, славившемуся своим красноречием, с просьбой написать «Рассуждение о нравственных причинах невероятных успехов наших в настоящей войне». По мнению А. Оленина, именно «перу духовной особы» надлежало осветить этот вопрос, смело вступив «в поприще светской словесности»³¹⁵. Соответствующее сочинение Филаретом было написано и 20 мая 1813 года прочитано на собрании членов Беседы любителей русского слова. Здесь отмечалась грандиозность выполненной задачи (Россия в короткий срок разбила огромную армию, в состав которой входили почти все народы Европы) и раскрывалось значение нравственных причин победы: осознания русским народом священного, освободительного характера этой войны, веры в Бога, укрепившей силы народа и вызвавшей желание наказать ее (веры) хулителей, а также верности царю и любви к Отечеству, которые, наряду с православной верой, объединили все сословия для совместной борьбы с врагом³¹⁶.

Известно, что после Отечественной войны 1812 года в русском обществе в значительной степени снизилось западное (особенно французское) влияние и произошел подъем национального самосознания, что вскоре нашло отражение в формулировке министром просвещения графом С.С. Уваровым русской национальной доктрины, основными положениями которой стали: православие, самодержавие и народность.

В заключение отметим, что роль Русской Православной Церкви в Отечественной войне 1812 года была весьма значительной. Она не ограничивалась фактами непосредственного участия представителей духовного сословия в основных событиях 1812 года, а была неразрывно связана с духовной жизнью всего русского общества. Без учета деятельности Православной Церкви изучение и понимание войны 1812 года представляется неполным и необъективным.

Примечания
Именной указатель
Приложение
Военные священники,
принимавшие участие
в Отечественной войне
1812 года

Примечания

- ¹ Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны 1812 года. Ч. I-III. СПб., 1840; Богданович М.И. История Отечественной войны 1812 года, по достоверным источникам. Т. I-III. СПб., 1859.
- ² Военский К.А. Русское духовенство и Отечественная война 1812 года. М., 1912; Никольский А. Лица «Духовного чина» Московской епархии в их служении Церкви и Отечеству в 1812 году. М., 1912; Студитский И.М. Русское духовенство в Отечественную войну 1812 года. Кострома. 1912; Шавельский Г.И. Военное духовенство в борьбе России с Наполеоном. М., 1912.
- ³ Амвросий (Орнатский). История Российской иерархии. Ч. I. М., 1807. С. 644-646.
- ⁴ Амвросий (Орнатский). Указ. соч. Ч. III. М., 1811. С. 54-55.
- ⁵ РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 4721. Л. 18.
- ⁶ Верховской П.В. Учреждение Духовной коллегии и «Духовный регламент». Ростов-на-Дону, 1916. Т. 1. С. 501.
- ⁷ Суворов Н. Конспект церковного права. М., 1909. С. 119.
- ⁸ Смолич И.К. История Русской Церкви. Кн. VIII. Ч. I. М., 1996. С. 111.
- ⁹ ПСЗ. Собр. 1. Т. 6. № 3718. С. 316.
- ¹⁰ ПСЗ. Собр. 1. Т. 7. № 5070. С. 790.
- ¹¹ Смолич И.К. Указ. соч. С. 125.
- ¹² Романович-Славатинский А.В. Система русского государственного права. Казань, 1886. С. 124.
- ¹³ ПСЗ. Собр. 1. Т. 26. № 19263. С. 28.
- ¹⁴ ПСЗ. Собр. 1. Т. 24. № 17879. С. 513.
- ¹⁵ ПСЗ. Собр. 1. Т. 16. № 11880; Т. 26. № 19263; Т. 24. № 17879.

- ¹⁶ ПСЗ. Собр. 1. Т. 6. № 3718. С. 314.
- ¹⁷ Смолич И.К. Указ. соч. С. 136.
- ¹⁸ Смолич И.К. Указ. соч. С. 121.
- ¹⁹ ПСЗ. Собр. 1. Т. 6. № 4001.
- ²⁰ ПСЗ. Собр. 1. Т. 6. № 4036.
- ²¹ См. Смолич И.К. Указ. соч. С. 150.
- ²² Верховской П.В. Указ. соч. С. 601.
- ²³ Амвросий (Орнатский). Указ. соч. Ч. I. С. 36-37.
- ²⁴ Казанская, Астраханская, Тобольская, Ярославская, Псковская, Рязанская, Тверская, Екатеринославская, Могилевская, Черниговская, Минская и Подольская.
- ²⁵ Калужская, Смоленская, Нижегородская, Курская, Владимирская, Вологодская, Тульская, Вятская, Архангельская, Воронежская, Иркутская, Костромская, Тамбовская, Орловская, Полтавская, Волинско-Житомирская, Пермская, Пензенская, Слободско-Украинская и Оренбургская.
- ²⁶ Григорович Н. Обзор учреждения в России архиерейских православных кафедр и способов содержания их, со времени введения штатов по духовному ведомству (1764-1866). Историческая записка. СПб., 1866. Приложение № 11.
- ²⁷ В это число входили архиереи: управляющие епархиями, уволенные от управления, а также иностранные, пребывающие в России. РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 4721. Л. 18.
- ²⁸ Санкт-Петербургскую и Новгородскую епархии возглавлял один митрополит.
- ²⁹ Указ Святейшего Синода от 6 мая 1797 г. // Сборник действующих и руководственных церковных и церковно-гражданских постановлений по ведомству православного исповедания. Сост. Т. Барсов. СПб., 1885. Т. 1. С. 103.
- ³⁰ Кафедральные соборы в финансовом отношении принадлежали к архиерейским домам; городские соборы, не имевшие собственных общин, получали государственную субсидию или финансовую поддержку от епархиального епископа.
- ³¹ Бердников И.С. Краткий курс церковного права Православной Греко-Российской Церкви, с указанием главнейших

особенностей католического и протестантского церковного права. Казань, 1888. С. 232.

³² Яковлев П.П. Влияние веры на военное дело в нашей и в иностранных армиях. М., 1900. С. 10.

³³ Невзоров Н. Исторический очерк управления духовенством военного ведомства в России. СПб., 1875. С. 2-3.

³⁴ ПСЗ. Собр. 1. Т. 6. № 3485. С. 42.

³⁵ Устав воинский о должности генералов-фельдмаршалов и всего генералитета и прочих чинов, которые при войске надлежат быть, и оных воинских делах и поведеньях, что каждому чинить должно. СПб., 1791.

³⁶ ПСЗ. Собр. 1. Т. 24. № 17588. С. 115.

³⁷ Столетие военного министерства (1802-1902). Т. XIII. (Управление церквами и православным духовенством военного ведомства. / Сост. протопресвитер А.А. Желобовский). СПб., 1902. С. 4.

³⁸ Невзоров Н. Указ. соч. С. 3.

³⁹ ПСЗ. Собр. 1. Т. 6. № 3485. Гл. IX., п. 2. С. 42.

⁴⁰ ПСЗ. Собр. 1. Т. 24. № 18246. С. 800.

⁴¹ ПСЗ. Собр. 1. Т. 26. № 19369. С. 114.

⁴² ПСЗ. Собр. 1. Т. 26. № 19415. С. 155.

⁴³ Невзоров Н. Указ. соч. С. 17.

⁴⁴ В этом доме армейская семинария просуществовала до 1811 года, когда, по причине его ветхости, для нее было куплено новое здание, расположенное на Царскосельском проспекте в Нарвской части города.

⁴⁵ Армейская семинария пользовалась успехом и вскоре привлекла к себе большое количество воспитанников из разных епархий. На обучение всех желающих не хватало отводимой казной суммы. Эта проблема была решена в апреле 1819 г. обер-священником армии и флота протоиереем И.С. Державиным. По составленному И.С. Державиным и Высочайше утвержденному проекту, детям армейского духовенства было разрешено воспитываться в духовных училищах и семинариях тех епархий, из которых их отцы поступили в армей-

ское ведомство. Находясь в епархиальных училищах и состоя в зависимости от местного начальства, они, в отличие от прочих воспитанников, должны были именоваться учениками армейской семинарии и армейского духовного училища. Руководители семинарий обязывались ежегодно предоставлять обер-священнику армии и флота ведомости о всех армейских воспитанниках со сведениями об их учебе и поведении. Таким образом, в 1819 г. армейская семинария, как единое учреждение, была фактически закрыта. Свое существование она продолжила в виде отделений в духовных семинариях (и духовных училищах) различных епархий. Осенью 1819 г. армейские семинаристы были расселены по епархиям: 15 человек приняты в Санкт-Петербургскую духовную семинарию, 12 — отправлены в Москву, остальные распределены в Новгород (6 человек), Киев (8 человек) и другие города. Дом, занимаемый армейской семинарией, был продан. Из оставшихся не у дел преподавателей семинарии некоторые ушли в отставку, а большинство, по представлению обер-священника армии и флота, получили священнические места в Санкт-Петербурге. См. Боголюбов А.А. Очерки из истории управления военным и морским духовенством в биографиях главных священников его за время с 1800 по 1901 год. СПб., 1901. С. 35-39.

⁴⁶ Столетие военного министерства... С. 23-24.

⁴⁷ ПСЗ. Собр. 1. Т. 26. № 19835. С. 611.

⁴⁸ Невзоров Н. Указ. соч. С. 43.

⁴⁹ РГИА. Ф. 806. Оп. 1. Д. 2206. Л. 23.

⁵⁰ В 1812 г. О. Боровику, так же как А. Торопогрицкому и Т. Таренецкому, была послана выписка из «Учреждения для управления большой действующей армией» (Отделение 11-е — «О должности полевого обер-священника»). Как и последним, ему было назначено жалованье — 600 руб. в год. РГИА. Ф. 806. Оп. 1. Д. 2206. Л. 22, 47.

⁵¹ Шавельский Г.И. Служение священника на войне. // Христолюбивое воинство: Православная традиция Русской

Армии. Российский военный сборник. М., 1997. Вып. 12. С. 298.

⁵² Шавельский Г.И. Военное духовенство в борьбе России с Наполеоном. М., 1912. С.14.

⁵³ Боголюбов Ф. Взгляд генералиссимуса А.В. Суворова на религию в деле воспитания солдата. // Христоролюбивое воинство... С. 164.

⁵⁴ Устав воинский... С. 4.

⁵⁵ Мансветов Г.И. Краткие христианские поучения для воинов, сказанные в церкви Успения Божией Матери, при Ширванском пехотном полку, состоящем в 24-й дивизии, в 1810 и 1811 гг. в Дубне и Старо-Константинове. Изд. 3-е. СПб., 1828.

⁵⁶ С 1827 по 1832 год протоиерей Г.И. Мансветов будет обер-священником армии и флота.

⁵⁷ Мансветов Г.И. Указ. соч. С. 7.

⁵⁸ Там же. С. 54-58.

⁵⁹ Там же. С. 214.

⁶⁰ Там же. С. 20.

⁶¹ Там же. С. 38.

⁶² Там же. С. 28.

⁶³ Шильдер Н.К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. СПб., 1897. Т. II. Приложения. С. 353.

⁶⁴ Там же. С. 354.

⁶⁵ Там же. С. 355-356.

⁶⁶ Лависс Э., Рамбо А. Всеобщая история с IV столетия до нашего времени. М., 1903. Т. 8. (Французская революция 1789-1799). С. 473.

⁶⁷ Там же. С. 474-476.

⁶⁸ Лависс Э., Рамбо А. Указ. соч. С. 480.

⁶⁹ Лависс Э., Рамбо А. Указ. соч. С. 493.

⁷⁰ Как государственный закон конкордат был обнародован 18 жерминаля X года (8 апреля 1802 г.).

⁷¹ История XIX века. Под ред. профессоров Лависса Э. и Рамбо А. М., 1938. Т. I. С. 268.

⁷² Права утверждать епископов Франции папа был лишен в 1790 г. «Гражданским положением о духовенстве».

⁷³ История XIX века... С. 269.

⁷⁴ В эпоху империи читали: *Domine, salvum fac imperatorem* (Храни, Господи, императора).

⁷⁵ Цит. по: Мережковский Д.С. Наполеон-человек. // Блистательный Наполеон. М., 1995. С. 201.

⁷⁶ Там же. С. 200.

⁷⁷ Цит. по: Алданов М. Святая Елена — маленький остров. Берлин, 1910. С. 91.

⁷⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 93. Д. 627. Л. 15.

⁷⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 93. Д. 565. Л. 2.

⁸⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 93. Д. 627. Л. 15.

⁸¹ РГИА. Ф. 806. Оп. 1. Д. 2156. Л. 3.

⁸² Там же. Л. 2.

⁸³ Собрание Высочайших манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений, последовавших в течение 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 годов. СПб., 1816. С. 8.

⁸⁴ Там же. С. 15.

⁸⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 93. Д. 781. Л. 1.

⁸⁶ Дубровин Н.Ф. Отечественная война в письмах современников (1812-1815). СПб., 1882. С. 45.

⁸⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 93. Д. 672. Л. 2.

⁸⁸ Там же. Л. 1.

⁸⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 93. Д. 565. Л. 1-3.

⁹⁰ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 3465. Ч. 11. Л. 103-103 (об.).

⁹¹ Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны 1812 года. Т. 2. С. 73.

⁹² Brett-James A. 1812. Eyewitness accounts of Napoleons Defeat in Russia. London, New-York, 1966. P. 190.

⁹³ Французы в России. Ч. 2. М., 1912. С. 65; Тихомиров Н.И. О 1812 годе. (Воспоминания из рассказов современников и очевидцев.) М., 1899. С. 9.

⁹⁴ Подробнее об этом см. ниже: глава III, 3. 2.

⁹⁵ Собрание Высочайших манифестов... С. 50-57.

⁹⁶ Борсук Н.В. Растопчинские афиши. Текст с примечаниями и предисловием. Издание товарищества А.С. Суворина. 1912. С. 85-94.

⁹⁷ Там же. С. 94-95.

⁹⁸ Там же. С. 96.

⁹⁹ Там же. С. 13.

¹⁰⁰ РГИА. Ф. 797. Оп. 1. Д. 4572. Л. 1-3.

¹⁰¹ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 3465. Ч. 10. Л. 26.

¹⁰² РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 4908. Л. 10.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 95. Д. 1152. Л. 20.

¹⁰⁵ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 3465. Ч. 11. Л. 475-475

(об.).

¹⁰⁶ Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 года. Под ред. К. Военского. СПб., 1909. Т. I. С. XII.

¹⁰⁷ Там же. С. XX.

¹⁰⁸ Там же. Т. I. С. 263, 269, 272-273, 293-296, 298, 300-301, 359-368, 373, 375.

¹⁰⁹ Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 года. Под ред. К. Военского. СПб., 1912. Т. III. С. 226; 241.

¹¹⁰ Записки игумена Ореста. // Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-западной Руси, издаваемый при управлении Виленского учебного округа. Т. II. Вильна, 1867. Приложения (С. I-CI); Хойнацкий А.Ф. Правда об архиепископе Варлааме, бывшем первом епископе Волынском, а затем архиепископе Могилевском, скончавшемся в звании простого монаха, и другие некоторые сведения, необходимые для истории Волынской семинарии. // Волынские Епархиальные Ведомости. 1879. № 8. С. 323-329; Он же. Варлаам Шишацкий, бывший архиепископ Могилевский. (Из истории 1812 года). // Исторический Вестник. 1881. № 7. С. 522-543; Павловский И. К правде

относительно архиепископа Варлаама. // Волынские Епархиальные Ведомости. 1879. № 10. С. 402; Он же. Крамольная присяга. К биографии архиепископа Варлаама Шишацкого. // Церковно-Общественный Вестник. 1879. № 61; Гильтебрандт П.А. Расстриженный архиепископ Варлаам Шишацкий. // Древняя и Новая Россия. 1879. № 12. С. 586-588; Браиловский С.Н. «Могилевская церковная смута». // Исторический вестник. 1893. № 10. С. 231-244 и др.

¹¹¹ Акты, документы и материалы... Т. III. С. 233.

¹¹² Там же.

¹¹³ Там же. С. 249.

¹¹⁴ Там же. С. 249.

¹¹⁵ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 3465. Ч. 10. Л. 46-47.

¹¹⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 93. Д. 634. Л. 9-10.

¹¹⁷ Цифры по всем епархиям, кроме Московской, даются по: РГИА. Ф. 796. Оп. 93. Д. 1031. Л. 1-529; Д. 634. Л. 94-123. Отчетность по Московской, Смоленской, Минской и Могилевской епархиям в архиве Синода отсутствует.

В архиве А.И. Михайловского-Данилевского (РГВИА. Ф. ВУА. Д. 3465. Ч. 10. Л. 77-78) хранится ведомость о пожертвованиях духовенства на ополчение, полученная им из Святейшего Синода в качестве ответа на один из вопросов его анкеты, разработанной в ходе сбора материала для «Описания Отечественной войны 1812 года». Чиновник Святейшего Синода, составивший эту ведомость, по всей вероятности, использовал те же рапорты епархиальных архиереев, что и мы (так как здесь также содержится информация по 32 епархиям и 6 монастырям), однако цифры, им полученные, и наши цифры совпадают в отношении только 11 епархий, в остальном они разнятся + — от нескольких сотен рублей до нескольких тысяч. Итоговая сумма в этой ведомости составляет: 754415 рублей 15 коп. — ассигнациями, 16442 руб. 19 коп. — серебром, 268 руб. 85 коп. — золотом, 53 пуда 22 фунта 60 золотников серебра и 12 фунтов 92 золотника золота в изделиях и слитках. Таким образом, наша цифра (без

Московской епархии) превышает данные, представленные Синодом А.И. Михайловскому-Данилевскому, приблизительно на 36000 рублей (возможно, что составитель ведомости учел не все рапорты). Н.Ф. Дубровин в своем сборнике документов «Отечественная война в письмах современников. 1812-1815. (СПб., 1882. С. 421-423) также приводит ведомость о пожертвованиях духовенства на ополчение, которую он составил «по тем донесениям, которые сохранились в архиве Синода» (то есть по тем же рапортам). Его итоговая сумма, заявленная им как «приблизительная», составляет: 759618 руб. 85 коп. ассигнациями, 50061 руб. 49 коп. серебром, 53 пуда 22 фунта 93 доли серебра и 10 фунтов 13 золотников 98 долей золота в изделиях и слитках. Отметим, что разница в цифрах, полученных тремя исследователями (Н.Ф. Дубровиным, чиновником Синода и нами, составляет всего лишь 4,5% от общей суммы, пожертвованной духовенством на ополчение, и поэтому, на наш взгляд, не является слишком существенной для рассматриваемого вопроса.

¹¹⁸ Московское дворянство в 1812 году. М., 1912. С. 391-401; 434-435.

¹¹⁹ РГИА. Ф. 797. Оп. 1. Д. 4499. Л. 3.

¹²⁰ Московское дворянство в 1812 году... С. 434.

¹²¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 93. Д. 1031. Л. 13.

¹²² РГИА. Там же. Л. 76-77.

¹²³ РГИА. Ф. 797. Оп. 1. Д. 4419. Л. 35.

¹²⁴ Там же. Л. 33.

¹²⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 93. Д. 1031. Л. 1-529.

¹²⁶ Там же. Л. 447.

¹²⁷ Там же. Л. 416-417.

¹²⁸ Там же. Л. 33.

¹²⁹ Там же. Л. 300, 303, 311.

¹³⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 93. Д. 790. Л. 1.

¹³¹ Штейнгель Б.В. Записки, касательно составления и самого похода Санкт-Петербургского ополчения против врагов Отечества в 1812 и 1813 годах. М., 1815. Ч. I. С. 85.

¹³² Там же. С. 86.

¹³³ РГИА. Ф. 797. Оп. 1. Д. 4435. Л. 3.

¹³⁴ Материалы для истории дворянства Санкт-Петербургской губернии. Т. II. Вып. 1. Санкт-Петербургское ополчение 1812 года. СПб., 1912. С. 274.

¹³⁵ Штейнгель Б.В. Указ. соч. Ч. II. С. 179.

¹³⁶ РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 4993. Л. 2.

¹³⁷ Материалы для истории дворянства Санкт-Петербургской губернии... С. 359.

¹³⁸ Там же. С. 412.

¹³⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 95. Д. 1131. Л. 54.

¹⁴⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 96. Д. 347. Л. 4.

¹⁴¹ Рассказы о двенадцатом годе. // Смоленские Епархиальные Ведомости. 1912. № 1. С. 20-21.

¹⁴² РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 3465. Ч. 10. Л. 142-154.

¹⁴³ Орловский И. Дьячок-партизан 1812 года. // Исторический Вестник. 1902. № 10. С. 260.

¹⁴⁴ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 3465. Ч. 10. Л. 71-71 (об).

¹⁴⁵ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 3465. Ч. 10. Л. 371; Рассказы о двенадцатом годе. // Смоленские Епархиальные Ведомости. 1912. № 4. С. 201.

¹⁴⁶ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 3465. Ч. 10. Л. 387(об)-388.

¹⁴⁷ Там же. Л. 478.

¹⁴⁸ Там же. Л. 18-19.

¹⁴⁹ Василий Григорьевич Рагузин, причетник-герой 1812 года. // Душеполезное чтение. 1868. № 8. С. 100.

¹⁵⁰ РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 4908. Л. 1-2; 8-10.

¹⁵¹ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 3465. Ч. 10. Л. 416-417.

¹⁵² Отечественная война и русское общество. 1812-1912. СПб., 1912. Т. 4. С. 228.

¹⁵³ Попов А.И. Партизаны и народная война в 1812 году. // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы VIII Всероссийской научной конференции 1999 года. Бородино. 2000.

¹⁵⁴ Рассказы о двенадцатом годе. // Смоленские епархиальные ведомости. 1912. № 3.

¹⁵⁵ РГИА. Ф. 832. Оп. 1. Д. 19. Л. 12-18.

¹⁵⁶ Рязанов А. Воспоминания очевидца о пребывании французов в Москве в 1812 году. М., 1862. С. 135.

¹⁵⁷ Французы в России. М., 1912. Ч. 2. С. 65.

¹⁵⁸ Рассказы о двенадцатом годе. // Смоленские Епархиальные Ведомости. 1912. № 6. С. 330.

¹⁵⁹ Эта икона представляла собой список с древнейшей и особо почитаемой на Руси чудотворной иконы Божией Матери Одигитрии, написанной по преданию евангелистом Лукой. Первый список иконы находился в Иерусалиме, затем в Константинополе. Император Константин, выдавая свою дочь за князя Черниговского Всеволода Ярославича, благословил ее этим образом. Перед своей кончиной княгиня Анна благословила иконой сына Владимира Мономаха. Он поставил образ в соборном храме г. Смоленска. В XVIII веке Смоленская икона Божией Матери была перенесена во вновь построенный Успенский собор. (Размеры иконы: ширина — 14 вершков, высота — 1 аршин (0,64 x 0,71 см.).

Во время Отечественной войны 1812 г., при оставлении русской армией г. Смоленска (5-6 августа), епископ Смоленский Ириней перевез икону в Москву. Там, по благословению епископа Московского Августина, она была помещена в Успенский собор Кремля для поклонения москвичей. В день Бородинской битвы, 26 августа, Преосвященный Августин крестным ходом обнес иконы Смоленской, Иверской и Владимирской Богоматери вокруг Белого города, Китай-города и Кремля. Затем иконы Смоленская и Иверская были отправлены им к раненым и больным воинам в Лефортово. Перед вступлением Наполеона в Москву епископ Ириней перевез Смоленскую икону Божией Матери в Ярославль. После окончания войны, 25 декабря 1812 г., икона была возвращена в г. Смоленск и установлена в Успенском кафедральном соборе.

Список со Смоленской иконы Божией Матери, находившейся во время Отечественной войны в армии, был выполнен в 1535 г. иконописцем Постником Ростовцем по повелению царя Иоанна Васильевича Грозного. Он представлял собой точную, но несколько увеличенную копию (размеры: высота — 2,5 аршина, ширина — 1,5 аршина (1,78 x 1,07 м.). В 1602 г. Борис Годунов подарил этот образ смолянам. Он был установлен в специально устроенной нише на надвратной Фроловской башне Смоленской крепостной стены. В 1728-1729 гг. над первым ярусом Фроловской башни был построен деревянный храм в честь Рождества Пресвятой Богородицы (Одигитриевский), где, по благословению епископа Гедеона, освятившего храм, был установлен надвратный образ Богородицы. В 1793-1800 гг. деревянный храм заменили каменным.

В настоящее время сохранился только надвратный образ Смоленской Божией Матери, который находится в Успенском соборе г. Смоленска. Первый список иконы бесследно исчез в 30-е годы XX века, когда в Успенском соборе был открыт антирелигиозный музей. См.: Иеромонах Даниил (Сычев). Смоленская икона Божией Матери в войне 1812 года. // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы VIII Всероссийской научной конференции 1999 года. Бородино. 2000. С. 103-110.

¹⁶⁰ Ермолов А.П. Записки. 1798-1826 гг. М., 1991. С.166.

¹⁶¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 1. Д. 4488. Л. 2; РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 3465. Ч. 11. Л. 485.

¹⁶² Глинка Ф.Н. Очерки Бородинского сражения. М., 1839. Ч. 1. С. 39.

¹⁶³ Цит. по: Земцов В.Н. Битва на Москва-реке. М., 1998. С. 67-68.

¹⁶⁴ Французы в России. Ч. 1. М., 1912. С. 121.

¹⁶⁵ Яковлев П.П. Указ. соч. С. 183.

¹⁶⁶ Цит. по: Земцов. Указ. Соч. С. 68.

¹⁶⁷ Мережковский Д.С. Наполеон. М., 1993. С. 17.

¹⁶⁸ Там же. С. 212.

¹⁶⁹ Фельдмаршал Кутузов: документы, дневники, воспоминания. М., 1995. С. 176.

¹⁷⁰ РГИА. Ф. 797. Оп. 1. Д. 4488. Л. 2; РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 3465. Ч. 11. Л. 485 (об).

¹⁷¹ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 3465. Ч. 11. Л. 485.

¹⁷² РГИА. Ф. 796. Оп. 95. Д. 812. Л. 267.

¹⁷³ РГИА. Ф. 806. Оп. 17. Д. 846. Л. 1-2.

¹⁷⁴ РГИА. Ф. 806. Оп. 17. Д. 857. Л. 22-23.

¹⁷⁵ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 3465. Ч. 10. Л. 123.

¹⁷⁶ См. Приложение.

¹⁷⁷ РГИА. Ф. 806. Оп. 1. Д. 2446. Л. 1.

¹⁷⁸ РГИА. Ф. 806. Оп. 1. Д. 2313. Л. 1-6.

¹⁷⁹ РГИА. Ф. 806. Оп. 16. Д. 573. Л. 1-2.

¹⁸⁰ РГИА. Ф. 806. Оп. 16. Д. 1288. Л. 1-2.

¹⁸¹ РГИА. Ф. 806. Оп. 17. Д. 845. Л. 1-3.

¹⁸² РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 4912 а. Л. 12.

¹⁸³ Там же.

¹⁸⁴ РГИА. Ф. 806. Оп. 17. Д. 484. Л. 1-6.

¹⁸⁵ Священник Ревельского пехотного полка Софроний Самборский был награжден орденом Святой Анны 3-й степени в 1831 г. «за отличную службу и неутомимые труды во время свирепствовавшей болезни холеры». В 1842 г. он получил орден Святой Анны 2-й степени, а в 1857 г. — орден Святого Владимира 4-й степени (РГИА. Ф. 806. Оп. 17. Д. 110). Священник Василий Сицилинский (с 1811 по 1814 гг. — Новгородский кирасирский полк, с 1814 г. — Лейб-гвардии Финляндский полк) в 1826 г. был «Всемиловивейше пожалован орденом Святой Анны 3-ей степени во уважение трудов по должности законоучителя в доме трудолюбия». В 1839 г. он был награжден орденом Святого Владимира 4-й степени, в 1844 г. — орденом Святой Анны 2-й степени, в 1848 г. — орденом Святого Владимира 3-й степени (РГИА. Ф. 806. Оп. 17. Д. 857. Л. 26-33). Протоиерей Алексей

Зиновьевский (с 1811 по 1814 гг. — Литовский драгунский полк, с 1814 г. — 23 егерский полк) в 1832 г. был награжден орденом Святого Владимира 4-й степени «в воздаяние ревностного служения, оказанного сверх обязанностей своего звания во время сражения с польскими мятежниками при штурме г. Варшавы» (РГИА. Ф. 806. Оп. 16. Д. 823. Л. 13-14).

¹⁸⁶ РГИА. Ф. 806. Оп. 17. Д. 848 (формулярный список за 1823 г.).

¹⁸⁷ РГИА. Ф. 797. Оп. 1. Д. 4585. Л. 17-18 (формулярный список за 1814 г.).

¹⁸⁸ РГИА. Ф. 806. Оп. 17. Д. 854. Л. 15-16 (формулярный список за 1823 г.).

¹⁸⁹ РГИА. Ф. 806. Оп. 17. Д. 15. Л. 1-2 (формулярный список за 1815 г.).

¹⁹⁰ Столетие военного министерства... С. 76-77.

¹⁹¹ Там же. С. 91-92.

¹⁹² РГИА. Ф. 806. Оп. 1. Д. 2571. Л. 1.

¹⁹³ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 226. Л. 99.

¹⁹⁴ См. Вестник военного и морского духовенства. 1912. № 20. С. 697.

¹⁹⁵ РГИА. Ф. 806. Оп. 1. Д. 2442. Л. 7.

¹⁹⁶ РГИА. Ф. 806. Оп. 1. Д. 2446. Л. 1.

¹⁹⁷ РГИА. Ф. 806. Оп. 1. Д. 2170. Л. 4.

¹⁹⁸ Цит. по: Свиткин И. Воспоминания о протоиерее Василии Яковлевиче Сицилинском. // Странник. 1868. Т. 3. № 7. С. 34.

¹⁹⁹ Там же. С. 35.

²⁰⁰ Великий князь Константин Павлович приказал ему идти с крестом, но так как креста у отца Василия не было, то он взял у полковника П.С. Ушакова образ Николая Чудотворца и с ним шел перед полком. См.: История лейб-гвардии Финляндского полка. Кн. 2. С. 94.

²⁰¹ РГИА. Ф. 806. Оп. 17. Д. 857. Л. 26-33.

²⁰² РГИА. Ф. 797. Оп. 96. Д. 324. Л. 2.

²⁰³ См.: Краткие исторические сведения о священнослужителях воинских частей, участвовавших в Отечественной войне 1812 года. М., 1912. С. 25.

²⁰⁴ Там же. С. 22.

²⁰⁵ Там же. С. 23. (Согласно формулярному списку, фамилия этого священника пишется как Арлеанский (см. Приложение). РГИА. Ф. 806. Оп. 16. Д. 84. Л. 2).

²⁰⁶ РГИА. Ф. 806. Оп. 1. Д. 2155. Л. 1.

²⁰⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 93. Д. 635. Л. 196.

²⁰⁸ РГИА. Ф. 806. Оп. 1. Д. 2155. Л. 1.

²⁰⁹ См.: Краткие исторические сведения... С. 28.

²¹⁰ Там же. С. 32.

²¹¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 96. Д. 573. Л. 2.

²¹² РГИА. Ф. 796. Оп. 93. Д. 1032. Ч. 15. Л. 1-109.

²¹³ Единственный подробный документ о спасении имущества, имеющего отношение к Русской Православной Церкви, составил товарищ директора Московской Синодальной типографии Павел Дмитриевич Левашев (см. его донесение Святейшему Синоду от 24. 10. 1812. // Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С. 279-287), по которому, кстати, можно составить общее представление о ходе эвакуации вообще, которой не хватало, как правило, ни должной организации, ни времени, ни подвод, но которая часто отличалась ревностным старанием на местах. (Накануне оставления Москвы руководство Московской Синодальной типографии, не получив никакого предписания на свой счет, обратилось к конторе Святейшего Синода с соответствующим запросом, в котором отмечалось, что в случае эвакуации типографии ей потребуется «на подъем конторских бумаг, книжной казны, материалов и станков более 2000 подвод и десяти тысяч рублей». В тот же день через члена вышеупомянутой конторы епископа Дмитровского, vicария Московского Августина был получен ответ: «Контора Святейшего Синода не может дать ни подвод того числа, ни денег на подъем типографии». 31 августа Левашев, оставив свой дом без всякого присмотра, «перешел на житье в типо-

графию, для сохранения вверенных ему кладовых». 1 сентября он укрепил «сколько возможно» двери в кладовых, заложил кирпичами окна и двери. 4 сентября он с другими конторскими чиновниками (И. Свиным, А. Сергеевым, Н. Протопоповым) спас здание типографии от пожара. В последующие дни французские солдаты, сломав ворота и ворвавшись в типографию, разграбили книжные лавки, библиотеку, кладовые с книгами, материалами, съестными припасами. Дом Левашева сгорел, и имение его было разграблено. Несмотря ни на что, Левашев и другие сотрудники типографии прилагали усилия к ремонту разбитых замков и к устранению разложенного французами пороха. Убыток, понесенный типографией, составил 10000 рублей. По свидетельству адъюнкта Московского университета П.В. Победоносцева, в награду за спасение типографии П.Д. Левашев «получил крестик, чин ассессора и 1000 рублей». (Из дневника П.В. Победоносцева 1812-1813 гг. Москва после нашествия французов. // Русский архив. 1895. Кн. 1. № 2. С. 217.)

²¹⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 93. Д. 635. Л. 1-2.

²¹⁵ Там же. Л. 4, 10-12.

²¹⁶ Там же. Л. 50.

²¹⁷ Там же. Л. 192.

²¹⁸ ЦИАМ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 5331. Л. 21.

²¹⁹ Записки графа Ростопчина. // Русская старина. 1889. Т. 4. С. 718.

²²⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 93. Д. 635. Л. 128 (об.); РГИА. Ф. 832. Оп. 1. Д. 19. Л. 1 (об.), 3, 4 (об.), 6-6 (об.), 8, 9 (об.), 10 (об.), 11 (об.), 13 (об.), 14, 15, 18 (об.).

²²¹ РГИА. Ф. 832. Оп. 1. Д. 19. Л. 12 (об.); Исторический очерк Николаевско-Угрешского общежительного мужского монастыря. М., 1872. С. 40; РГИА. Ф. 796. Оп. 93. Д. 635. Л. 128 (об.).

²²² После благополучного возвращения в Москву Симеон был награжден орденом святого Владимира. РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 4908. Л. 7 (об.).

- ²²³ РГИА. Ф. 832. Оп. 1. Д. 19. Л. 7, 8.
- ²²⁴ Там же. Л. 10, 16-18.
- ²²⁵ Из дневника П.В. Победоносцева. 1812-1813 гг. Москва после нашествия французов. // Русский архив. 1895. Кн. 1. № 2. С. 219.
- ²²⁶ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 3465. Ч. 11. Л. 474.
- ²²⁷ Там же. Л. 474-474 (об.).
- ²²⁸ Там же.
- ²²⁹ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 3465. Ч. 10. Л. 25; Розанов Н.П. История Московского епархиального управления со времени учреждения Святейшего Синода (1721-1821). Ч. III. Кн. II. М., 1871. Примечания.
- ²³⁰ Розанов Н.П. История... Примечания (№ 66). С. 16.
- ²³¹ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 3465. Ч. 10. Л. 8.
- ²³² Там же. Л. 7.
- ²³³ Розанов Н.П. История... Примечания (№ 60). С. 12.
- ²³⁴ После войны священник Василий Гаврилов был награжден золотым наперсным крестом, выдаваемым от Святейшего Синода. РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 4908. Л. 9.
- ²³⁵ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 3465. Ч. 10. Л. 9.
- ²³⁶ Там же.
- ²³⁷ Там же. Л. 23.
- ²³⁸ Розанов Н. П. Московские святые в 1812 году. М., 1912. С. 56.
- ²³⁹ После войны священник Алексей Марков был награжден золотым наперсным крестом, выдаваемым от Святейшего Синода. РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 4908. Л. 9 (об.).
- ²⁴⁰ Розанов Н.П. Московские святые в 1812 году... С. 56.
- ²⁴¹ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 3465. Ч. 10. Л. 10.
- ²⁴² После освобождения Москвы Пылаев был вызван на допрос в Московскую духовную консисторию, которая постановила: «Хотя священника от суда и освободить, но во избежание вперед чего-либо подобного с его стороны, от соборной Спасской церкви отрешив его навсегда, послать в Бобринев

- Голутвин монастырь под строгий надзор настоятеля». Однако в январе 1814 года Святейший Синод, пересмотрев «дело» Пылаева, разрешил ему вернуться на прежнее место. РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 3465. Ч. 10. Л. 36-36 (об.), Розанов Н.П. История... Примечания (№ 65). С. 13-15.
- ²⁴³ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 3465. Ч. 10. Л. 21-21 (об.).
- ²⁴⁴ РГИА. Ф. 832. Оп. 1. Д. 19. Л. 2-2 (об.), 4.
- ²⁴⁵ Там же. Л. 5-19.
- ²⁴⁶ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 3465. Ч. 10. Л. 37; 7.
- ²⁴⁷ Тольчова Т. Рассказы очевидцев о двенадцатом годе. М., 1912. С. 13.
- ²⁴⁸ РГИА. Ф. 832. Оп. 1. Д. 19. Л. 11; Розанов Н.П. История... Примечания (№ 70). С. 24.
- ²⁴⁹ Русский архив. 1870. № 6. С. 1161-1166.
- ²⁵⁰ Исторический очерк Николо-Перервинского монастыря. М., 1886. С. 42.
- ²⁵¹ См. Розанов Н.П. Московские святые в 1812 году... С. 54, 63.
- ²⁵² РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 3465. Ч. 10. Л. 12.
- ²⁵³ Розанов Н.П. История Московского епархиального управления... Приложения (№ 68). С. 17-18.
- ²⁵⁴ Это письмо А.Н. Голицына (датированное 19. 10. 1812) было получено епископом Августином (согласно его рапорту в Святейший Синод) 6 ноября 1812 года. В это время Преосвященный находился уже в подмосковном селе Черкизово, так как отправился в Москву 20 октября, после получения от московского генерал-губернатора графа Ф.В. Ростопчина известия об освобождении Москвы и приглашения вернуться в город. РГИА. Ф. 796. Оп. 93. Д. 635. Л. 131, 134-135; Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С. 313; 333.
- ²⁵⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 93. Д. 635. Л. 136; Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С. 313-315.
- ²⁵⁶ Розанов Н.П. Московские святые в 1812 году... С. 8-12.

²⁵⁷ После восстановления башни по распоряжению императора Александра I под иконой святого Николая была помещена соответствующая надпись, сообщавшая об этом чудесном событии.

²⁵⁸ Розанов Н.П. Московские святые в 1812 году... С. 12-14; Розанов Н.П. История Московского епархиального управления... С. 24; Снегирев И.М. Очерки жизни Московского архиепископа Августина. М., 1848. С. 48.

²⁵⁹ Розанов Н.П. Московские святые... С. 14-15.

²⁶⁰ Там же. С. 18.

²⁶¹ 5 марта 1813 г. синодальный ризничий иеромонах Зосима увидел «близ дверей Успенского собора с северной стороны у стены запавший снегом, но от капели с кровли протаявший, изломанный крест, по примечанию тот самый, который был на Велико-Ивановской колокольне. По освидетельствовании со стороны архитекторов Егорова и Томанского и купца Ионова, производившего при сооружении креста кузнечную работу, оказалось, что это действительно крест с главы Ивановской колокольни, но во многих местах, по-видимому, от падения поврежденный». Розанов Н.П. История Московского епархиального управления... Примечания (№ 265).

²⁶² РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 4720. Л. 7.

²⁶³ Там же. Л. 7 (об.).

²⁶⁴ Розанов Н.П. Московские святые... С. 19.

²⁶⁵ Там же. С. 43-45; Снегирев приводит другие цифры: 12 церквей сгорели, 115 были повреждены пожаром. Снегирев. Указ. соч. С. 45.

²⁶⁶ Тольчова Т. Указ. соч.

²⁶⁷ Рязанов А. Воспоминания очевидца о пребывании французов в Москве в 1812 году. М., 1862. С. 144.

²⁶⁸ Там же. С. 145.

²⁶⁹ Там же. С. 191-192.

²⁷⁰ Спасо-Вифанский и Махрицкий монастыри были приписаны к Свято-Троицкой Сергиевой лавре.

²⁷¹ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 3465. Ч. 10. Л. 10-14.

²⁷² Там же. Л. 37-38.

²⁷³ РГИА. Ф. 796. Оп. 93. Д. 635. Л. 125 (об.).

²⁷⁴ Розанов Н.П. История Московского епархиального управления... Примечания (№ 92). С. 39.

²⁷⁵ Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С. 405.

²⁷⁶ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 3465. Ч. 10. Л. 42-43 (об.).

²⁷⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 94. Д. 87. Л. 5-19.

²⁷⁸ РГИА. Ф. 797. Оп. 1. Д. 4498. Л. 74.

²⁷⁹ Розанов Н.П. История Московского епархиального управления... Примечания (№ 104). С. 44.

²⁸⁰ 30 августа 1814 г. за усердные труды на этом поприще Преосвященный Августин был назначен членом Святейшего Синода и управляющим Московской митрополией, а архимандрит Новоспасского монастыря Амвросий награжден орденом Святой Анны 2-го класса. РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 4720. Л. 11; 14.

²⁸¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 4720. Л. 6-9.

²⁸² Розанов Н.П. История Московского епархиального управления... Примечания (№ 101). С. 39-43.

²⁸³ РГИА. Ф. 797. Оп. 1. Д. 4486. Л. 1-6.

²⁸⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 93. Д. 635. Л. 63, 71; РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 3465. Ч. 10. Л. 302-304 (об.).

²⁸⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 93. Д. 635. Л. 66-66 (об.).

²⁸⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 93. Д. 635. Л. 63 (об.), 65; РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 3465. Ч. 10. Л. 226 (об.), 305-307.

²⁸⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 93. Д. 635. Л. 64; РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 3465. Ч. 10. Л. 234, 330, 407.

²⁸⁸ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 3465. Ч. 10. Л. 49-57

(об.).

²⁸⁹ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 3465. Ч. 10. Л. 225-238.

²⁹⁰ Дорогобужский и Ельнинский уезды находились в ве-

домстве одного Духовного правления, как и Поречский и Духовщинский.

²⁹¹ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 3465. Ч. 10. Л. 227.

²⁹² Там же. Л. 228-229.

²⁹³ РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 4720. Л. 9.

²⁹⁴ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 3465. Ч. 10. Л. 232 (об.)-233.

²⁹⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 93. Д. 1032. Ч. 9. Л. 32-33.

²⁹⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 93. Д. 1032. Ч. 9. Л. 58; Согласно рапорту казначея монастыря иеромонаха Сергия, общий ущерб, причиненный неприятелями этой обители, составил «не менее 70 тысяч рублей». РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 3465. Ч. 10. Л. 126.

²⁹⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 93. Д. 1032. Ч. 9. Л. 67.

²⁹⁸ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 3465. Ч. 10. Л. 99-99 (об.); Малышкин С.А. Калужский край в 1812 году: по материалам архива А.И. Михайловского-Данилевского. // Калужская губерния в Отечественной войне 1812 года. Материалы научной конференции, посвященной 181-й годовщине Малоярославецкого сражения. Малоярославец. 1994. С. 88-90.

²⁹⁹ РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 4720. Л. 9.

³⁰⁰ РГИА. Ф. 797. Оп. 1. Д. 4498. Л. 120.

³⁰¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 93. Д. 1032. Ч. 6. Л. 65 (об.)-66.

³⁰² РГИА. Ф. 796. Оп. 93. Д. 1032. Ч. 6. Л. 38; РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 3465. Ч. 10. Л. 45.

³⁰³ РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 4720. Л. 9.

³⁰⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 93. Д. 1032. Ч. 8. Л. 18, 55, 102, 111; РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 3465. Ч. 10. Л. 58-60.

³⁰⁵ РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 4720. Л. 9.

³⁰⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 93. Д. 1032. Ч. 13. Л. 6-9, 26-27; Военский К.А. Акты, документы и материалы... Т. I. С. 519, 522.

³⁰⁷ Военский К.А. Акты, документы и материалы... Т. I. С. 518-522.

³⁰⁸ РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 4720. Л. 9.

³⁰⁹ В 1859 г. Ивановский монастырь был возобновлен.

³¹⁰ Собрание Высочайших манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений, последовавших в течение 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 годов. СПб., 1816. С. 151.

³¹¹ Там же. С. 50-57.

³¹² Там же. С. 95.

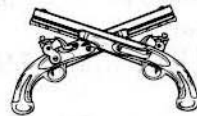
³¹³ Там же. С. 97-98.

³¹⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 226. Л. 1.

³¹⁵ Письмо А.Н. Оленина к архимандриту Филарету. // Сын Отечества. 1813. № 32. С. 219-222.

³¹⁶ Ответ архимандрита Филарета А.Н. Оленину на письмо, которым предложено было написать рассуждение о нравственных причинах невероятных успехов наших в настоящей войне. // Сын Отечества. 1813. № 32. С. 223-235; № 33. С. 3-15.

³¹⁷ РГИА. Ф. 806. Оп. 1, 16, 17.

Именной указатель

А

- Аарон, иеромонах 128, 130
Августин (Виноградский), викарий Московского митрополита, епископ Дмитровский 59, 90, 120, 121, 124, 134, 137, 140, 142, 150, 152, 153, 155, 192, 196, 199, 200, 201
Адуковский Симеон, священник 103
Аксаментовский 123
Алданов М., историк 187
Александр Македонский 53
Александр I, император 14, 40, 42, 44, 54, 56, 57, 59, 61, 70, 71, 72, 73, 76, 77, 78, 80, 84, 86, 109, 110, 115, 119, 120, 128, 129, 134, 135, 137, 144, 152, 154, 155, 156, 162, 167, 171, 177, 178, 186, 200
Алексеев В.П., историк 92
Алексеев Иоанн, священник 93, 130
Алексей Михайлович, царь 21, 124, 132
Амвросий, архимандрит 155, 201
Амвросий (Орнатский), историк 182, 183
Амвросий (Подобедов), митрополит Санкт-Петербургский 9, 25, 54, 57, 61, 84, 85, 86, 153
Андреев Иоанн, священник 127
Андреев Петр, дьякон 130
Андреев Яков, дьякон 126
Андреианов Василий, протоиерей 105
Анна, княгиня 192
Антонина, монахиня 131

Б

- Барклай де Толли М.Б. 55, 56, 61, 95, 113
Барсов Т., историк 183

- Бегичев, генерал-майор 85
Белицкий Андрей, священник 106
Белявский Иван, дьячок 88
Бердников И.С., историк 18, 183
Бибиков А.И., тайный советник 85
Богданович М.И., историк 182
Боговский Стефан, священник 169
Боголюбов А.А. 185
Боголюбов Ф. 186
Боровик Онисим, протоиерей 31, 105, 106, 185
Борсук Н.В., историк 188
Браиловский С.Н. 189
Будаевский, протоиерей 126

В

- Варлаам (Шишацкий), архиепископ Могилевский 73, 74, 75, 118, 188, 189
Васильев Алексей, протоиерей 101
Васильев Василий, священник 68
Васильев Константин, священник 126
Васильева О.Ю., историк 4
Васильковский Василий, священник 105, 107, 109
Великанов Николай, пом. секретаря Смоленской духовной консистории 68
Вельяминов, нач. штаба Литовского корпуса 102
Вениаминов И.Я., священник 140
Вениаминов Петр, священник 93
Верховской Е.И., титулярный советник 88
Верховской П.В., историк 15, 182, 183
Виллебранш, генерал-интендант 124
Виноградов Петр, священник 85, 86
Владимир Мономах, князь 192
Военский К.А., историк 182, 188, 202
Воробьев Николай, священник 68
Вронченко Павел, протоиерей 76

Всеволод Ярославич, князь Черниговский 192
Вуич, полковник 107

Г

Гаврилов Василий, священник 126, 198
Гаврилов Иван, священник 127
Георгиев Михаил, священник 126
Гецель В.Ф., профессор 55, 56
Гильтебрандт П.А. 189
Глинка Ф.Н. 96, 193
Глухов, полковник 96
Голицын А.Н., князь, обер-прокурор Святейшего Синода
13, 14, 15, 137, 199
Горихвостов, майор 101
Гостев Иван, студент Тульской духовной семинарии 83
Гратинский Михаил, протоиерей 105, 106, 109, 110
Григорович Н., историк 183
Груши, генерал 132

Д

Даву, маршал 150
Даниил, епископ Волынского-Житомирский 119, 169, 170
Дельгин Георг 134
Денье 101
Державин И.С., обер-священник армии и флота 29, 107,
110, 111, 115, 184
Димильо 124
Дмитриев Василий, префект армейской семинарии 26
Дмитриев Григорий, купец 134
Дмитриев Исидор, священник 91
Дмитриев М. 66
Добринский, Минский губернатор 119
Дорохов, генерал-майор 89
Дохтуров Д.С., генерал 109
Дубровин Н.Ф., историк 187, 190, 196, 199, 201

Б

Евгений Богарне, вице-король Италии 131, 132
Евламбий, епископ Калужский 119, 164, 167
Егоров, архитектор 200
Екатерина I, императрица 7
Екатерина II, императрица 9, 69
Елизавета Алексеевна, императрица 115
Епифаний, архимандрит 81
Ермолов А.П. 95, 193

Ж

Желегевич Михаил, пономарь 170
Желобовский А.А. 184
Жуковский Василий, священник 169
Жумени 124

З

Забуженков, священник 115
Задэра, польский легионер 131
Занозовский Григорий, коллежский регистратор 169
Земцов В.Н., историк 193
Зиновьевский Алексей, священник 105, 195
Златковский Трофим, священник 106
Зосима, иеромонах 200
Зубовский Иоанн, священник 114
Зырянов П.Н., историк 4

И

Иван Грозный, царь 193
Иванов Алексей, священник 91, 127
Иванов Василий, причетник 85
Иванов Евфимий, священник 103
Иванов Игнатий, священник 91
Иванов Климент, дьякон 83
Иванов Петр, дьякон 83
Иона, епископ Тамбовский и Шацкий 81, 82
Ионов, купец 200

Иосиф, иеромонах 130
Ипатов Афанасий, священник 91, 127
Ириней, епископ Смоленский 57, 102, 119, 157, 192

К

Кампиони Н.П. 134
Карл Мекленбургский 114
Катышев Петр, священник 127
Карышев Алексей, протоиерей 107, 113
Кедров Алексей, священник 85, 86
Климович Павел, священник 169
Кондратович Иоанн, священник 169
Коновницын П.П., генерал-лейтенант 96, 101
Константин, Византийский император 192
Константин Павлович, великий князь 113, 195
Крастелев Савва, дьячок 88
Кувшинников Пантелей, купец 134
Кутузов М.И. 94, 96, 98, 101, 109, 153, 194

Л

Лависс Э., историк 186
Левашев П.Д., товарищ директора Московской синодальной типографии 196, 197
Легонин Георгий, священник 124
Лежен 98
Лелюхин Григорий, священник 87
Летницкий Петр, протоиерей 105
Лисовой Н.Н., историк 4
Лобкин Александр, ректор армейской семинарии 26
Лукашевич Кондрат, священник 106
Лукин Петр, студент Тульской духовной семинарии 83

М

Максимилиан Лейхтенбергский, герцог 131
Малевский Василий, протоиерей 169
Малитинский Иоанн, священник 169
Мальшкин С.А., историк 202
Мансветов Г.И., протоиерей 34, 186
Мария-Луиза, императрица Франции 72, 75

Мария Федоровна, императрица 162
Марков Алексей, священник 127, 134, 198
Марков Андрей, причетник 85
Маслов И. 68
Матвеев Алексей, причетник 85
Мережковский Д.С., историк 101, 187, 194
Михаил Павлович, великий князь 115
Михайловский-Данилевский А.И., историк 159, 161, 162, 165, 182, 187, 189, 190, 202
Моджугинский Павел, протоиерей 106
Моисеев Василий, священник 106
Мортье, маршал 140
Мурзакевич Никифор, священник 68, 123, 124
Мюрат И., Неаполитанский король 123

Н

Наполеон Бонапарт, император Франции 42, 44, 45, 46; 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 64, 66, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 100, 111, 118, 123, 128, 140, 144, 176, 182, 187, 192, 194
Невзоров Н., историк 184, 185
Никитин Максим, дьякон 83
Никифоровский Фирс, священник 114
Никодим, наместник Новоспасского монастыря 130
Николай Павлович, великий князь 115
Николай I, император 159
Никольский А., протоиерей, историк 182

О

Оглоблин Борис, пономарь 88
Озерецковский П.Я., обер-священник армии и флота 25, 26, 28, 29
Оленин А.Н., директор Императорской Публичной библиотеки 179, 203
Орест, игумен 188
Орлеанский Мирон, протоиерей 114
Орловский И. 191

П

- Павел, иеромонах 93, 130
 Павел I, император 7, 11, 22, 25, 26, 28, 40
 Павловский И. 188
 Перетяткович, помещик 170
 Песоцкий Петр, священник 85, 86
 Петров Андрей, дьякон 83
 Петров Иван, священник 127
 Петр I, император 6, 7, 12, 21, 23, 132
 Пий VI, римский папа 48
 Пий VII, римский папа 52, 53
 Пиючевский Максим, священник 75
 Платов М.И. 61
 Платон, митрополит Московский 59, 86, 120
 Победоносцев П.В., адъюнкт Московского университета 122, 197, 198
 Поликарпов Борис, протоиерей 81
 Понятовский, князь 123
 Попов А.И., историк 92, 191
 Протопопов Н. 197
 Протопопов Петр, священник 88
 Пылаев М.О., священник 128, 198, 199

Р

- Рагузин Василий, дьячок 89, 90, 191
 Раевский Феодор, протоиерей 106, 113
 Рамбо А., историк 186
 Рапп 100
 Ревягин Алексей, крестьянин 132
 Розанов Н.П., историк 144, 198, 199, 200, 201
 Романович-Славатинский А.В., историк 8, 182
 Ростовецкий Василий, священник 106
 Ростопчин Ф.В., граф, Московский генерал-губернатор 64, 66, 90, 120, 121, 137, 199
 Русно, архитектор 144, 146, 197
 Рязанов А., ученик Славяно-греко-латинской академии 93, 148, 150, 192, 200

С

- Савицкий Лука, дьякон 169
 Самборский Софроний, священник 105, 194
 Свиньин И. 197
 Свиткин И. 195
 Сегюр 98, 144
 Семашкевич Сильвестр, священник 103
 Семенов Егор, священник 91
 Семенов Петр, протоиерей 91, 126
 Серафим, архиепископ Минский и Литовский 119
 Сергеев А. 197
 Симеон, архимандрит 121, 197
 Сицилинский Василий, священник 105, 111, 112, 113, 194, 195
 Скляревский Василий, священник 115
 Скобеев И.Н., священник 89
 Смирягин Алексей, пономарь 88
 Смолич И.К., историк 11, 182, 183
 Снегирев И., историк 200
 Соколов Иван, дьячок 88
 Срединский Онуфрий, священник 68
 Степанов Алексей, священник 68
 Стобровский Иоанн, священник 91, 92
 Строганов А.С., граф 134
 Студитский И.М., протоиерей, историк 182
 Суворов А.В. 32, 45, 186
 Суворов Н., историк 182
 Сюрюг А., аббат 61, 62, 74, 93

Т

- Таренецкий Тимофей, протоиерей, обер-священник 2-й Западной армии 31, 185
 Тарнавский И.М., отставной поручик 88
 Тихомиров Н.И. 187
 Тольчова Т., историк 199, 200
 Томанский, архитектор 200
 Торопогрицкий Алексей, протоиерей, обер-священник 1-й Западной армии 31, 105, 107, 185

Тредьяковский Дмитрий, священник 105
Тучков А.А., генерал 171
Тучкова М.М. (игуменья Мария) 171
Турлевич Тит, священник 115

У
Уваров С.С., граф, министр просвещения 179
Ушаков П.С., полковник 195

Ф
Феофилакт, архиепископ Рязанский 73, 156, 157, 158, 159,
161, 164, 165, 170, 179
Федор Алексеевич, царь 21
Федоров Михаил, дьякон 127
Фидарет (Дроздов), архимандрит 3, 203
Фэн 98

Х
Хойнацкий А.Ф. 188

Ц
Целуйкин, помещик 169

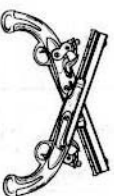
Ч
Чарторыйжский Адам 70, 71
Чернозубов, полковник 88
Четвергов, купец 134
Чистяков Я.И., протоиерей 166

Ш
Шавельский Г.И., протопресвитер 31, 32, 182, 185, 186
Шавловский Симеон, священник 169
Шартвер Иван 134
Шашкевич Алексей, протоиерей 86
Шильдер Н.К., историк 186
Шировский Василий, священник 93
Ширяев Леонтий, священник 68
Шнейдер Иван 134

Шометт, прокурор 49
Шрель Иван 134
Штейнгель Б.В. 84, 85, 190, 191

Ю
Юстиниан, император 7

Я
Яковлев Алексей, дьякон 127
Яковлев П.П., историк 19, 100, 184, 193
Якубович Симеон, священник 106
Янкович, горюдничий г. Владимира 169
Яхонтов Василий, ученик Костромской духовной семинарии 83
Яцуринский Иоанн, протоиерей 105, 106

Военные священники, принимавшие участие в Отечественной войне 1812 года³¹⁷

Приложение

Фамилия, имя и звание священно-служителя	Полк	Сражения, походы, в которых принимал участие	Награды	Ранения	Дополнительные сведения
1	2	3	4	5	6
Адамович Василий, священник	Александровский гусарский	Походы 1812 и 1813 гг.	Скуфья		
Адоевский Гавриил, священник	20-й Егерский	Походы 1812—1814 гг.			
Александров Симеон, протоиерей	Лейб-кирасирский Ея Императорского Величества	Сражения войны 1812 г.: Витебск, Смоленск, Бородино, Тарутино, Малоярославец, Красный; заграничного похода: Бауцен, Кульм, Лейпциг.	Скуфья, золотой наперсный крест		
Алексеев Иоанн, священник	50-й Егерский	Сражения войны 1812 г.: Смоленск, Бородино; заграничного похода: при крепости Модлине и др. до 23.11.1815 г.			
Андрянов Василий, священник, с 1814 г. - протоиерей	Лейб-гвардии Литовский	Смоленск, Бородино, Малоярославец.	Камилавка, золотой наперсный крест, орден Святой Анны 2-й степени		
Арлеанский Мирон, священник	Московский гренадерский	Смоленск, Бородино.		В Бородинском сражении получил контузию ядром в левую ногу	В 1813 г., во время заграничного похода, заболел и был вынужден остаться в госпитале, вблизи крепости Майнца на Рейне

1	2	3	4	5	6
Армаковский Феодор, священник	Брестский пехотный	Сражения войны 1812 г.: Витебск, Бородино, Малоярославец, Вязьма, Красный; заграничного похода: Бауцен.	Скуфья, камилавка		
Афименский Василий, священник	Московский драгунский	Сражения войны 1812 г.: Полоцк, при местечках Орехове и Кубличах, при м. Чашниках, при мызе Смолянах, при реке Березине; заграничного похода: при осаде крепости Данцига, при с. Бонзы и др.			
Баккаревич Иаков, священник	48-й Егерский	Сражения войны 1812 г.: Витебск, Смоленск, с. Бредихино, Бородино, Тарутино, Вязьма, Красный; участвовал в заграничном походе до 11.08.1814 г.	Скуфья		
Баньгин Иван, священник	Черниговский конно-егерский	Походы 1812—1814 гг.			
Барзаковский Михаил, священник	26-й гренадерский	Сражения войны 1812 г.: Полоцк; заграничного похода: Бауцен, Лейпциг, Париж.			
Белицкий Андрей, протоиерей	40-й Егерский	Походы 1812—1814 гг.			
Белозерский Феодор, священник	38-й Егерский	Походы 1812—1814 гг.	Скуфья		

214

215

216

1	2	3	4	5	6
Белороссов Никита, священник	Витебская военная Николаевская церковь	Участвовал в войне 1812 г.		Спасая церковное имущество, получил ранение	
Березовский Григорий, священник	4-й карабинерный	Походы 1812—1814 гг.			
Богословский Иоанн, священник	Мингрельский пехотный	Участвовал в походах и сражениях с 12.09.1812 г. по 10.10.1814 г.: при преследовании французских войск на польской границе по реке Бугу, в сражении под Волковыском; во время заграничного похода находился в рядах 16-й пехотной дивизии.			
Боровик Онисим, протоиерей	Апшеронский пехотный, благочинный 3-й запасной армии	Походы 1812—1814 гг.	Золотой наперсный крест из Кабинета Его Величества, орден Св. Анны 2-й ст.		
Буравцов Константин, священник	49-й Егерский	Участвовал с полком в походах и сражениях с 18.06.1812 г. по 28.07.1814 г.			
Бучаловский Павел, священник	Тираспольский конно-егерский	«Был в походах и делах против французов и их союзников».			
Быгачевский Максим, священник	28-й Егерский	Сражения войны 1812 г.: при Кобрине, Городечне, Поддубно, Задворцах, Борисове, при занятии г. Вильны, при переправе через реку Неман; заграничного похода: при Бауцене, при переправе через реки Бобр, Рейн и др.			

217

1	2	3	4	5	6
Вайновский Савва, протоиерей	Киевский гренадерский	Сражения войны 1812 г.: Смоленск, Бородино, Малоярославец, Красный; заграничного похода: при Бауцене, Лейпциге, Теплице, Вертю, Париже.			
Вартминский Симеон, священник	Литовский уланский; благочинный 4-й кавалерийской дивизии	Смоленск, Бородино, Тарутино, Малоярославец, Вязьма, Красный; участвовал в заграничном походе 1813—1814 гг.	Золотой наперсный крест		
Васильковский Василий, священник	19-й Егерский	Витебск, Малоярославец	Камилавка, орден Св. Георгия 4-го класса	Контузия в сражении под Витебском, ранение в голову в сражении под Малоярославцем	Умер 24.11.1813 г. во Франции, во время заграничного похода
Верзилов Александр, священник	Камчатский пехотный	Участвовал с полком во всех походах и сражениях с 03.03.1808 г. по 03.08.1814 г. (До 1813 г. воевал с Турцией, затем участвовал в заграничном походе.)	Камилавка		
Ветохин Стефан, священник	Белозерский пехотный	Сражения войны 1812 г.: Смоленск, Бородино, Малоярославец; заграничного похода: Бауцен, Лейпциг, Суасон, Париж.			
Воевский Антоний, священник	Курский пехотный	Участвовал с полком в походах и сражениях с 25.10.1812 г. до взятия Парижа 18.03.1814 г.			
Волков Иоанн, священник	Якутский пехотный	Участвовал с полком в походах и сражениях с 21.03.1812 г. по 1815 г.			

218

1	2	3	4	5	6
Волошинский Антоний, священник	Псковский пехотный	Смоленск, Бородино, Малоярославец, Красный; участвовал в заграничном походе.	Скуфья		
Выкидановский Стефан, священник	Рыльский пехотный	Смоленск, Бородино, Тарутино, Вязьма; участвовал в заграничном походе.			
Гаврилов Антип, священник	Лейб-гвардии Измайловский	Сражения войны 1812 г.: Бородино; заграничного похода: Кульм, Лейпциг.	Скуфья, камилавка, золотой наперсный крест		
Галаневский Николай, священник	16-й Егерский	«Участвовал в делах с полком разновременно».			
Галченков Василий, священник	Бутырский пехотный	Смоленск, Бородино, Тарутино; участвовал в заграничном походе.	Скуфья, камилавка		
Гордиевский Платон, священник	Могилевский пехотный	Сражения войны 1812 г.: при Полоцке, при реке Березине; заграничного похода: при Магдебурге, Бауцене, Люцене, Дрездене, Лейпциге, Париже.			
Гордиевский Степан, священник	Московский пехотный	Сражения войны 1812 г.: Смоленск, Бородино, Тарутино, Малоярославец; заграничного похода: Дрезден, Бриен.	Скуфья (1817), камилавка (1818)		
Гошкевич Василий, священник	Ямбургский уланский	Походы 1812—1814 гг. (в частности - участвовал при блокаде, осаде и сдаче крепостей Пиллау и Данцига).	Скуфья, камилавка		

219

1	2	3	4	5	6
Гратинский Михаил, протоиерей	Кавалергардский	Участвовал с полком во всех походах и сражениях с 1806 по 1822 гг. (в частности - при Бородине, Кульме, м. Фершампенуазе, Париже).	Золотой наперсный крест (1806), камилавка (1808), крест на Георгиевской ленте, орденом Св. Анны 2-й ст. (1813)		Окончил Александровскую академию
Громов Петр, протоиерей	Лейб-гвардии Измайловский	Походы 1812—1815 гг.	Золотой наперсный крест		
Грушецкий Иаков, священник	Армейский благочинный, исполнявший пастырские обязанности в Херсонском морском госпитале	Участвовал в заграничном походе.	Скуфья, камилавка		
Грязнов Григорий, протоиерей	Гренадерский Его Величества короля Прусского	Сражения войны 1812 г.: Витебск, Бородино, Малоярославец, Красный, при переправе через Неман; заграничного похода: Бауцен, Дрезден, Кульм, при переправе через Рейн; Бриен, Париж.	Скуфья, камилавка, золотой наперсный крест		
Гусинский Кодрат, священник	30-й Егерский	Смоленск, Бородино.			
Деньгов Василий, священник	Смоленский драгунский	Участвовал с полком во всех походах и сражениях с 1810 г. по 1815 г. (в частности - в сражениях при Лейпциге, Бриене).	Скуфья, камилавка		

1	2	3	4	5	6
Диминский Тимофей, священник	Нейшлотский пехотный	Участвовал с полком в походах и сражениях с 26.07.1812 г. по 03.07.1814 г.			
Дмитровский Никифор, священник	Томский пехотный	Смоленск, Бородино, Малоярославец, Красный; участвовал в заграничном походе.			
Добровотворский Филипп, священник	Смоленский пехотный	Участвовал с полком в походах и сражениях с 1808 г. по 1814 г.	Золотой наперсный крест	Получил контузию и ранение в битве при г. Лейпциге	
Дорожинский Корнилий, священник	Орловский пехотный	Участвовал в войне 1812 года.			
Егоров Симеон, священник	2-й карабинерный	Сражения войны 1812 г.: при Кирке, Эккау, под Полоцком, при дер. Дмитриевичах, местечке Кубличах, Чашниках, мызе Смолянах, при преследовании французов до р. Неман; участвовал в заграничном походе (в частности - при осаде г. Данцига).	Камилавка		Окончил Московскую академию
Едемский Гавриил, священник	Житомирский пехотный	Сражения войны 1812 г.: Смоленск, Бородино; заграничного похода: Лейпциг, Париж.			
Еланский Иоанн, священник	Селенгинский пехотный	Смоленск, Бородино, Малоярославец, Красный; участвовал в заграничном походе 1813—1815 гг.			
Ефремов Федор, священник	Гренадерский Его Величества императора Австрийского	Сражения войны 1812 г.: под м. Островной, при Бородине, Малоярославец; заграничного похода: Бауцен, Дрезден.	Скуфья (1813)		

1	2	3	4	5	6
Забойнин Евфимий, священник	Подольский пехотный	Участвовал с полком в походах и сражениях с 25.08.1812 г. по 1814 г. (в частности - под Лейпцигом, Суасоном, Лаоном, Парижем).			
Забуженков, священник	Черниговский драгунский	Бородино.			Убит в Бородинском сражении
Заморский Павел, священник	18-й Егерский	Смоленск, Бородино, Малоярославец и др.			
Захарьевский Даниил, священник	Нижегородский пехотный	Походы 1812—1814 гг.	Скуфья, камиллавка		
Зеленский Давид, священник	Костромской пехотный	Походы 1812—1814 гг.	Скуфья, камиллавка		
Зимницкий Петр, священник	25-й Егерский	Походы 1812—1815 гг. (в частности - сражения при Витебске, Полоцке, Париже).			
Зиновьевский Алексей, протоиерей	Литовский драгунский	Сражения заграничного похода: при г. Либау, Лейпциге, дер. Фершемпенуазе.			Окончил армейскую семинарию
Златковский Трофим, священник	Рижский драгунский	Сражения при г. Полоцке, м. Клястицах, м. Кохановичах.	Скуфья (1815)	Контужен в сражении при г. Полоцке	
Зубовский Иоанн, священник	Рязанский пехотный	Сражения войны 1812 г.: Смоленск, Бородино, Малоярославец; заграничного похода: Лейпциг, Бауцен, Париж.			
Иванов Иаков, священник	20-й Егерский	Участвовал в войне 1812 года.			

1	2	3	4	5	6
Иванов Илья, протоиерей	15-й Егерский	Заграничный поход 1813—1814 гг.			
Измайлов Александр, священник	31-й Егерский	Походы 1812—1814 гг. (в частности - при осаде и взятии г. Данцига).	Скуфья (1810), камилавка (1814), золотой наперсный крест (1814 - "за отличное и ревностное служение при осаде г. Данцига")		
Иоаннов Иоанн, священник	Лейб-гвардии Егерский	Сражения войны 1812 г.: Смоленск, Бородино, Тарутино, Малоярославец, Красный; заграничного похода: Люцен, Бауцен, Кульм.	Камилавка, золотой наперсный крест		
Иоаннов Иоанн, священник	Тобольский пехотный (мушкетерский)	Война 1812 года.			
Калиновский Лука, священник	Иязомский гусарский	Смоленск, Бородино, Малоярославец; участвовал в заграничном походе.	Скуфья, камилавка		
Канашевич Исидор, протоиерей	13-й Егерский; исполнял обязанности обер-священника Литовского корпуса	Сражения войны 1812 г.: при г. Кобрине, Борисове, Вильне; заграничного похода: при Лейпциге.			В Варшаве был взят в плен
Канцевич Николай, священник	Муромский пехотный	Сражения войны 1812 г.: Смоленск, Бородино, Тарутино, Малоярославец, Красный; заграничного похода: Люцен, Бауцен, Лейпциг, Кульм, Париж.	Скуфья (1814), камилавка (1817)		Окончил Киевскую академию

1	2	3	4	5	6
Карашевич Флор, священник	19-й Егерский	Поход во Францию с 01.04.1815 г. по 18.12.1815 г.			
Карышев Алексей, протоиерей	Екатеринославский кирасирский	Сражения войны 1812 г.: Смоленск, Бородино, Тарутино, Малоярославец, Вязьма, Красный; заграничного похода: Люцен, Бауцен, Дрезден, Кульм, Лейпциг, Бриен, Париж.	Скуфья, золотой наперсный крест из Кабинета Его Величества	Получил контузию ядром в правую ногу в сражении при м. Бриен	Окончил Орловскую семинарию
Керножицкий Иоанн, священник	Азовский пехотный	Сражения войны 1812 г.: при мызе Рундале, при реке Ушаче, при г. Борисове, при реке Березине; участвовал в заграничном походе.	Камилавка (1815)		
Кмита Григорий, священник	Крымский пехотный	Участвовал с полком во всех походах и сражениях с 06.08.1810 г. по октябрь 1815 г.			
Княгининский Петр, священник	Кольванский пехотный	Поход во Францию 1815 года.			
Колтуновский Иоанн, священник	Малороссийский гренадерский	Смоленск, Бородино, Тарутино, Малоярославец, Красный; участвовал в заграничном походе.	Скуфья, камилавка		
Корейша Павел, священник	Дерптский конно-егерский	Походы 1812—1813 гг.			
Корчин-Чепурковский Иаков, священник	Староингерманландский пехотный	Походы 1812—1815 гг.	Скуфья (1814), камилавка (1814), золотой наперсный крест		
Кохановский Иоанн, священник	Полтавский пехотный	Походы 1812—1814 гг. (в частности - при блокаде крепости Модлина, г. Гамбурга).			

1	2	3	4	5	6
Коховский Иоанн, священник	Каргопольский драгунский	Тарутино, Малоярославец, Вязьма, Красный; участвовал в заграничном походе.	Скуфья, камилавка		
Краинский Иаков, священник	Глуховский кирасирский	Сражения войны 1812 г.: Бородино, Малоярославец, Вязьма, Красный; заграничного похода: Люден, Бауцен, Дрезден, Лейпциг, Бриен, Париж.			
Кузнецов Василий, священник	Оренбургский уланский	Смоленск, Бородино, Тарутино, Малоярославец и др.			
Куксевич Корнилий, священник	Вятский пехотный	Война 1812 года.			
Куров Василий, священник	Симбирский пехотный	Походы 1812—1815 гг.			
Кушакевич Симеон, священник	Ладожский пехотный	Сражения войны 1812 г.: Салтановка, Смоленск, Бородино, Малоярославец, Вязьма, Красный; заграничного похода: Лейпциг, Магдебург, Париж.	Золотой наперсный крест		
Лебедев Василий, священник	Литовский пехотный	Сражения при занятии г. Митавы, при мызе Смолянах, при Чашниках, под г. Борисовым, на р. Березине.			
Лебединский Нестор, священник	Архангелогородский пехотный	Походы 1812—1815 гг. (в частности - сражения под Бауценом, Лейпцигом, Суасоном, Парижем).	Скуфья (1815), камилавка (1818)		
Левицкий Авраамий, священник	Северский конноегерский	Походы 1812—1814 гг.			

1	2	3	4	5	6
Леонтович Филипп, священник	Ингерманландский драгунский	Походы 1812—1813 гг.			
Леонтьев Антоний, священник	Навагинский мушкетерский	Походы 1812—1814 гг.	Скуфья, камилавка, золотой наперсный крест		
Лепешинский Василий, священник	Козловский пехотный	Вторичный поход во Францию в 1815 году.			
Летницкий Петр, протоиерей	Кирасирский Военного ордена	Походы 1812—1814 гг. (в частности - Бородино).	Камилавка (1803), золотой наперсный крест (1808), орден Св. Анны 2-й ст. (1816)		
Лиханский Лука, священник	Казанский драгунский	Участвовал с полком в походах и сражениях с 06.03.1812 г. по 09.12.1815 г.	Скуфья, камилавка		
Лосев Симеон, протоиерей	Псковский кирасирский	Сражения войны 1812 г.: Бородино, Тарутино, Малоярославец, Вязьма, Красный; заграничного похода: Бауцен, Дрезден, Кульм, Лейпциг, Фершменпуаз, Бриен, Труа, Париж.	Скуфья (1806), камилавка (1810), золотой наперсный крест (1818)		
Лукашевич Кодрат, священник	Шлиссельбургский пехотный	Заграничный поход 1813—1814 гг. (в частности - сражения при Гольдберге, Лейпциге, Суасоне).	Золотой наперсный крест на Георгиевской ленте	Контужен в левую ногу, с повреждением кости, при блокаде г. Суасона	
Любавский Алексей, священник	Саратовский мушкетерский	Война 1812 года.	Золотой наперсный крест		

1	2	3	4	5	6
Малецкий Ефим, священник	Сибирский драгунский	Сражения войны 1812 г.: Витебск, Смоленск, Бородино, Тарутино, Малоярославец, Вязьма, Красный; заграничного похода: Лейпциг.	Скуфья (1815), камилавка (1818)		Окончил Киевскую академию
Мандровский Илья, священник	Шпирванский пехотный	Вторичный поход во Францию в 1815 г.			Окончил Киевскую академию
Манивецкий Федор, священник	Ревельский гарнизон	Война 1812 года.	Скуфья, камилавка, золотой наперсный крест		
Масникос Василий, священник	Новоингерманландский	Сражения войны 1812 г.: д. Салтановка, Смоленск, Бородино, Малоярославец; заграничного похода: Лейпциг, Лаон, Суасон, Париж.	Камилавка, золотой наперсный крест		
Матвеев Стефан, священник	Таврический гренадерский; благочинный 2-й гренадерской дивизии	Сражения войны 1812 г.: Смоленск, Бородино, Тарутино, Вязьма; заграничного похода: Люцен, Бауцен, Лейпциг, Бриен, Париж.	Скуфья, камилавка, золотой наперсный крест		
Мацкевич Михаил, священник	Тульский пехотный	Война 1812 года.			
Мизецкий Трофим, священник	Иркутский гусарский	Смоленск, Бородино, Тарутино, Малоярославец, Дорогобуж, Вязьма; участвовал в заграничном походе.	Скуфья, камилавка		
Миловидов Андрей, священник	Таганрогский уланский	Война 1812 года.			
Миловидов Иоанн, священник	Одесский пехотный	Война 1812 года.			

1	2	3	4	5	6
Михайлевич Кирилл, священник	7-й Егерский	Походы 1812—1814 гг.			
Михайлов Гавриил, священник	2-й Егерский	Сражения войны 1812 г.: при Полоцке, Чашниках; заграничного похода: при занятии Берлина, Люнебурга, при Лейпциге, Суасоне, Париже.	Скуфья (1815), камилавка (1817)		
Михайловский Иоанн, священник	Эстляндский пехотный	Походы 1812—1814 гг.	Скуфья		
Михайловский Никифор, священник	Великолудский пехотный	Участвовал с полком в походах и сражениях с 09.06.1812 г. по 27.03.1814 г.	Набедренный, скуфья, камилавка		
Моджугинский Павел, протоиерей	40-й Егерский; с 17.06.1813 - полевой обер-священник Резервной армии	Походы 1812—1814 гг.	Скуфья, камилавка (1814)		
Моисеев Василий, священник	3-й Егерский	Участвовал с полком в походах и сражениях с 13.07.1812 г. по 04.10.1815 г. (в частности - Витебск, Смоленск, Бородино, Тарутино, Малоярославец, Красный, Бауцен, Лейпциг, Париж).	Золотой наперсный крест		
Москвич Захария, священник	Лейб-гвардии Павловский	Сражения войны 1812 г.: Витебск, Смоленск, Бородино, Тарутино, Малоярославец, Красный; заграничного похода: Бауцен, Дрезден, Кульм, Лейпциг, Париж.	Скуфья, камилавка, золотой наперсный крест		Участвовал в совершении торжественного молебна на общем параде русских войск в Париже

1	2	3	4	5	6
Навроцкий Симеон, священник	Воронежский пехотный	Походы 1812—1815 гг.			
Назаревич Иоанн, священник	Павлоградский гусарский	Сражения войны 1812 г.: при г. Кобрине, с. Сигневичах, при преследовании неприятеля от г. Лудка до Бреста Литовского; заграничного похода: при блокаде крепости Магдебурга, при Краоне, Лаоне; вторичный поход во Францию 1815 г.	Скуфья (1804), камилавка (1814)		
Наумов Александр, священник	Воронежский пехотный; с 28.12.1813 - гренадерский графа Аракчеева полк	Сражения войны 1812 г.: под Полоцком, Чашниках, Смоленах, Борисовым; заграничного похода: при осаде и блокаде г. Данцига.	Камилавка (1815), золотой наперсный крест (1818)		Окончил Московскую академию
Наумов Семен, протоиерей	Лейб-гвардии Семеновский	Бородино.			
Никитин Симеон, священник	Елецкий пехотный	Походы 1812—1814 гг.			
Никифоровский Фирс, священник	34-й Егерский	Витебск, Смоленск, Бородино.		Ранен в левую ногу в Бородинском сражении	
Ноздровский Николай, священник	Екатеринбургский	Сражения войны 1812 г.: при м. Острове, Смоленске, Бородине, Вязьме; заграничного похода: Лейпциг.			

1	2	3	4	5	6
Овчинников Прокотий, протоиерей	Полевой обер-священник 1-го отдельного корпуса	Походы 1812—1814 гг.	Золотой наперсный крест		
Орловский Никита, священник	Апшеронский пехотный	Походы 1812—1815 гг.			
Пармакович Стефан, священник	Софийский пехотный	Походы 1812—1814 гг.			
Пахалович Алексей, священник	Кинбурнский драгунский	Заграничные походы 1813—1815 гг. (в частности - сражения при Бауцене, Лейпциге).			
Пашковский Василий, священник	Киевский драгунский	Бородино, Тарутино, Малоярославец, Вязьма; участвовал в заграничном походе.			
Подольский Наум, священник	Арзамасский конно-егерский	Сражения войны 1812 г.: при г. Борисове, р. Березине, р. Неман; заграничного похода: под Данцигом, Бауценом, Люценом, при переправе через Рейн до Парижа.	Скуфья (1814), камилавка (1817)		
Полянский Василий, протоиерей	Днепровский пехотный	Война 1812 года.	Золотой наперсный крест		
Полянский Лаврентий, священник	3-й карабинерный	Походы 1812—1815 гг.	Золотой наперсный крест		
Пухальский Николай, священник	Астраханский гренадерский	Бородино; участвовал в заграничном походе.			

1	2	3	4	5	6
Пшеничный Дмитрий, священник	29-й гренадерский егерский	Участвовал с полком в походах и сражениях с 28.03.1812 г. по 22.06.1815 г.			
Радзиевский Евстратий, священник	13-й Егерский	Участвовал с полком в походах и сражениях с 30.05.1812 г. по 19.02.1815 г.			
Радишевский Иоанн, священник	Черниговский пехотный	Походы 1812—1815 гг.			
Раевский Федор, протоиерей	Ахтырский гусарский	Походы 1812—1814 гг.	Скуфья, камилавка, золотой наперсный крест на Георгиевской ленте		Окончил Орловскую семинарию
Резников Никита, священник	Елизаветградский гусарский	Сражения войны 1812 г.: Витебск, Смоленск, Бородино, Тарутино, Дорогобуж, Вязьма, Красный; заграничного похода: Суассон, Лаон, Париж.			
Рожевский Григорий, священник	6-й Егерский	Смоленск, Бородино, Малоярославец; участвовал в заграничном походе.			
Розов Иоанн, священник	Полоцкий пехотный	Участвовал с полком в походах и сражениях с 15.06.1812 г. по 09.09.1815 г. (в частности - Смоленск, Бородино, Малоярославец, Лейпциг, Париж).			
Ростовецкий Василий, священник	Лейб-гвардии кирасирский Его Величества	Походы 1812—1814 гг.	Золотой наперсный крест (1814)		

1	2	3	4	5	6
Самборский Алексей, священник	Тамбовский пехотный	Сражения войны 1812 г.: при г. Кобрине, с. Городецке, с. Брылове; заграничного похода; при осаде и покорении крепости Торна, при Бауцене, Париже.	Скуфья (1815), камилавка (1818)		
Самборский Софроний, священник	Ревельский пехотный	Витебск, Смоленск, Бородино, Тарутино, Малоярославец, Красный.	До 1818 г. знаков отличия не имел		24.12.1812 г. был командирован обер-священником 1-й Западной армии А.Торопогрицким в г. Гродно к госпиталю, где находился до 29.08.1814 г.
Сапковский Савва, священник	Киевский гренадерский	Сражения войны 1812 г.: Смоленск, Бородино, Тарутино, Малоярославец, Красный; заграничного похода: Люцен, Бауцен, Лейпциг, Бриен, Париж.			
Свиридов Андрей, протоиерей	Стародубовский кирасирский	Походы 1812—1814 гг.	Золотой наперсный крест		
Святенков Нестор, священник	Нежинский конно-егерский	Бородино, Малоярославец, Красный; участвовал в заграничном походе.	Скуфья		
Святенков Павел, священник	33-й Егерский	Сражения войны 1812 г.: Витебск, Смоленск, Бородино, Тарутино, Малоярославец, Вязьма; заграничного похода: Люцен, Бауцен, Лейпциг, Реймс, Париж.	Скуфья (1815), камилавка (1818)	Ранен в правую ногу в битве при г. Реймсе	

1	2	3	4	5	6
Селиванский Захария, священник	Мариупольский гусарский	Походы 1812—1814 гг.			
Сендецкий Иоанн, священник	42-й Егерский	Походы 1812—1815 гг.	Камилавка (1814)		
Серединский Федор, священник	Владимирский уланский	Участвовал с полком в походах и сражениях с 21.04.1812 г. по 19.02.1815 г.	Скуфья		
Серкодовский Павел, священник	17-й Егерский	Походы 1812—1813 гг.			
Сикорский Василий, священник	Ярославский пехотный	Заграничный поход 1813 г.			
Сицилинский Василий, священник	Новгородский кирасирский; с 11.11.1814 - Leib-гвардии Финляндский	Сражения войны 1812 г.: Смоленск, Бородино, Красный; заграничного похода: Люцен, Бауцен, Дрезден, Кульм, Лейпциг, Париж.	Камилавка (1814 — «за торжественное молебствие в Париже»)		Окончил армейскую семинарию
Сицилинский Иаков, священник	Алексапольский мушкетерский	В 1812 г. дошел до крепости Бобруйск, затем по слабости здоровья остался с лазаретом и прибыл с ним в г. Чернигов, откуда уволен в отставку.			
Скляревский Василий, священник	Серпуховский уланский	Походы 1812—1814 гг.		Ранен саблей в сражении при м. Забелине	
Сломский Тарасий, священник	Либавский пехотный	Походы 1812—1813 гг.	Скуфья, камилавка		

1	2	3	4	5	6
Соболев Василий, священник	Виленский пехотный	Участвовал с полком в походах и сражениях с 27.06.1812 г. до взятия Парижа 18.03.1814 г.			
Соколов Герасим, протоиерей	Фанагорийский гренадерский	Заграничный поход 1813—1814 гг.	Золотой наперсный крест		
Соловьев Тимофей, священник	Петровский пехотный	Сражения войны 1812 г.: близ г. Риги, при г. Полоцке, Борисове; заграничного похода: при блокаде Данцига, при Лейпциге, Суассоне, Реймсе, Лаоне, Париже.			
Соловьев Федор, священник	Охотский пехотный	Участвовал с полком в походах и сражениях с 12.03.1808 г. по 30.09.1813 г.			
Соловьевич Гавриил, священник	12-й Егерский	Участвовал с полком в походах и сражениях с 24.07.1812 г. до вступления в Париж 18.03.1814 г.			
Соловьевич Филипп, священник	Курляндский драгунский	Походы 1812—1813 гг.		Ранен в левую ногу в битве при р. Рейне	
Сорочинский Симеон, священник	Борисоглебский уланский	Походы 1812—1815 гг. (в частности - сражения при г. Брест-Литовске, м. Белом, м. Новосвержине, близ г. Нового Борисова).	Скуфья, камилавка		
Сперанский Федор, священник	Тобольский пехотный	Походы 1812—1813 гг.			
Ставровский Василий, протоиерей	Сумский гусарский	Война 1812 года.	Золотой наперсный крест		

234

1	2	3	4	5	6
Статкевич Корнилий, священник	22-й Егерский	Сражения войны 1812 г.: при с. Стахове; заграничного похода: при блокаде и взятии крепости Торна, при Бауцене, Лаоне, Париже.	Скуфья (1810)	Контужен при взятии Лаона	
Стефанович Павел, священник	30-й Егерский	Заграничный поход 1813—1814 гг.			
Стратонович Алексей, священник	Финляндский драгунский	Сражения войны 1812 г.: под Полоцком, при мысе Банаге, р. Ушач; участвовал в заграничном походе.	Золотой наперсный крест		
Стрелецкий Савва, протоиерей	Невский драгунский	Походы 1812—1815 гг.	Золотой наперсный крест		
Струтинский Андрей, священник	Витебский пехотный	Сражения войны 1812 г.: при Кобрине, при с. Городечне, при г. Борисове.	Скуфья		
Сытинский Иоанн, священник	39-й Егерский	Походы 1812—1814 гг.			
Тарнецкий Тимофей, протоиерей	Лейб-гвардии Финляндский; обер-священник 2-й Западной армии	Походы 1812—1814 гг.			
Тимофеев Петр, протоиерей	Троицкий пехотный	Война 1812 года.			
Товаркин Лукьян, священник	Екатеринославский гренадерский	Бородино, Малоярославец, Красный.	Скуфья		
Товаров Петр, священник	Пермский пехотный	Походы 1812—1814 гг.			

235

1	2	3	4	5	6
Томашевский Иоанн, священник	1-й Егерский гренадерский	Походы 1812—1814 гг.			
Торопогрицкий Алексей, протоиерей	Преображенского всей гвардии собора, обер-священник 1-й Западной армии	Походы 1812—1814 гг.	Золотой наперсный крест из кабинета Его Величества		
Торопогрицкий Иоанн, священник	Лейб-гвардии гусарский	Сражения войны 1812 г.: Витебск, Смоленск, Бородино, Малоярославец; заграничного похода: Люцен, Бауцен, Дрезден, Кульм, Лейпциг, Париж.	Золотой наперсный крест		
Тредьяковский Дмитрий, священник	20-й Егерский	Походы 1812—1814 гг. (в частности - сражения при Люцене, Бауцене, Лейпциге, Париже).	Скуфья, камиллавка, золотой наперсный крест, орден Св. Анны 1-й ст.		
Трипольский Василий, священник	Старооскольский пехотный	Походы 1812—1815 гг.			
Троянский Георгий, священник	Калужский пехотный	«В походах участвовал, а в сражениях не был».			
Турдевич Тит, священник	Белостокский пехотный	Походы 1812—1814 гг.			
Тяпков Стефан, священник	47-й Егерский	Заграничный поход 1813—1814 гг.			
Урсала-Петрашевич, священник	Переяславский конно-егерский	Походы 1812—1814 гг.			
Усевич Иаков, священник	Кременчугский пехотный	Смоленск, Бородино, Тарутино; участвовал в заграничном походе.	Золотой наперсный крест		

236

1	2	3	4	5	6
Устиновский Феодор, священник	Тверской драгунский	Сражения войны 1812 г.: при Кобрине, у с. Городечня; заграничного похода: при блокаде и взятии крепости Торна, при Бауцене, м. Гольдберге, м. Левенберге, Дрездене.			
Федорович Григорий, священник	Выборгский пехотный	Походы 1812—1813 гг.			
Федоров Иоанн, священник	Санкт-Петербургский драгунский	Походы 1812—1814 гг.	Скуфья, камилавка		
Фомин Гавриил, священник	Низовский пехотный	Сражения при г. Полоцке, р. Березине.	Золотой наперсный крест		
Хованский Василий, священник	Гренадерский наследного принца Прусского	Сражения войны 1812 г.: Островно, Бородино; заграничного похода: Бауцен, Лейпциг, Париж.			
Цитович Бенедикт, священник	Харьковский драгунский	Походы 1812—1813 гг.			
Цитович Григорий, протоиерей	Полтавский пехотный	Походы 1812—1814 гг.			
Цитович Иосиф, протоиерей	Гусарский принца Оранского	Сражения войны 1812 г.: при преследовании австрийских, саксонских и польских войск от Луцка до Брест-Литовска, при с. Павловичах, при г. Борисове, при переправе через р. Неман; заграничного похода: Люцен, Бауцен, Лейпциг, Лаон, Фершемпенуаз, Париж.	Скуфья (1806), камилавка (1808), золотой наперсный крест (1814)		

237

1	2	3	4	5	6
Человский Максим, священник	44-й Егерский	Война 1812 года.			
Чепель Константин, священник	Пензенский пехотный	Походы 1812—1814 гг.			
Черняев Иаков, священник	Белевский пехотный	Походы 1812—1813 гг.			
Чичкевич Анисим, священник	Брянский пехотный	Участвовал с полком в походах и сражениях с 03.11.1812 г. по 23.12.1813 г. (в частности - при преследовании неприятеля до границы и при блокаде крепости Пилау).	Скуфья, камилавка		
Шашкевич Алексей, священник	Куринский пехотный	Походы 1812—1814 гг.			
Шеремятович Онисифор, священник	24-й Егерский	Походы 1812—1813 гг.			
Шитикович Василий, священник	Вольнский пехотный	Походы 1812—1814 гг.	Скуфья, камилавка	В сражении под Пултуском ранен саблей в правую руку	
Шитикович Иоаким, священник	Минский пехотный	Смоленск, Бородино, Малоярославец, Вязьма, Красный; участвовал в заграничном походе.	Скуфья, камилавка		
Щедритский Иоанн, священник	Суздальский пехотный	Война 1812 года.			
Юркевич Иоанн, священник	37-й Егерский	Походы 1812—1815 гг.			

1	2	3	4	5	6
Якубович Симеон, протоиерей	Нашебургский пехотный	Походы 1812—1815 гг.	Скуфья, камилавка, золотой наперсный крест на Георгиевской ленте		
Янцевич Евфимий, священник	Новороссийский драгунский	Сражения войны 1812 г.: Смоленск, Бородино, Тарутино, Вязьма; заграничного похода: Лейпциг, Лаон, Париж.		Ранен в правую ногу под Лаоном	
Ярмаковский Феодор, священник	Брестский пехотный	Участвовал с полком в походах и сражениях с 12.06.1812 г. по 11.08.1814 г.			
Яроцкий Прокопий, священник	4-й Егерский	Походы 1812—1814 гг.			
Яскевич Иоанн, священник	27-й Егерский	Война 1812 года.	Скуфья (1812)		Окончил Харьковский коллегиум
Яшурицкий Иоанн, протоиерей	Олонецкий пехотный	Походы 1812—1814 гг. (в частности - сражения под Волковыском, Лейпцигом, Парижем).	Скуфья (1812), камилавка (1813), орден Св. Анны 2-й ст. (1814 - награжден по представлению М.Б. Барклая де Толли за речь, сказанную при вступлении в Париж)		

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....3

Глава I. Русская Православная Церковь накануне Отечественной войны 1812 года.

Церковь и духовенство в начале XIX века
(численность, управление, взаимоотношения с
государством.....6

Институт военного духовенства накануне
Отечественной войны 1812 года: структура и роль
этого ведомства.....21

Глава II. Деятельность Церкви в армии и народе во время Отечественной войны 1812 года

Антинаполеоновская церковная проповедь.....40

Православное духовенство и народная война.....77

Духовенство в регулярной армии.....95

Глава III. Церковь и культурно-историческое достояние России

Забота духовенства о сохранении культурных
ценностей.....118

Ущерб, нанесенный Великой армией православным
святыням. Начало восстановления.....137

Заключение.....174

Примечания.....182

Именной указатель.....204

Приложение.

Военные священники, принимавшие участие
в Отечественной войне 1812 года.....214

ISBN 5-7533-0220-3

© Текст - Мельникова Л.В., 2002 г.

© Оформление - Сретенский монастырь, 2002 г.

Обложка, макет - Е.Крушняк

Издательство Московского Сретенского монастыря

103031 Б.Лубянка, 19 ЛР 030613 от 25.07.94 г.

Подписано в печать 23.04.2002г.

Формат 84x108/32 Бумага офсетная. Печать офсетная.

Тираж 3 000 экз. Печ. л. 7,5. Заказ 307

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии

Патриаршего издательско-полиграфического центра

г. Сергиев Посад. Тел/факс (095) 721-26-45